Мировая Экономика и Международные Отношения

- Путь Октября — путь равенства и братства народов
- Военная разрядка и перестройка международных отношений
- Кризис 1974—1975 гг. и положение трудящихся
- Вашингтон и АСЕАН
- Капиталистическая экономика и ближайшие перспективы ее развития

6 ИЮНЬ 1977

Мировая Экономика и Международные Отношения

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ежемесячный журнал. Выходит с июля 1957 г.

6|1977

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ПУБЛИЦИСТИКА

ОБЗОРЫ, ИНФОРМАЦИИ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О КНИГАХ, ОБ АВТОРАХ

Путь Октября — путь равенства и братства народов

Н. ИВАНОВ,
А. ЛОЩАКОВ

I

История не знает события, которое по своему значению и глубине революционных преобразований хотя бы отдаленно приближалось к Октябрьской революции, совершенной пролетариатом России во главе с партией большевиков. «Победа Октября, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества». По существу началась новая эпоха, в которой заключены истоки грядущего поступательного движения всех народов. Великий Октябрь — это грандиозный шаг к совершенствованию общества. Он породил невиданные темпы развития исторического процесса и потому требует особых измерений не только в пределах страны, где он победил, но и в масштабах всей планеты. Есть все основания утверждать, говорил Ф. Кастро в речи, произнесенной в Кремле 5 апреля 1977 г., что «в результате Октябрьской революции мир продвинулся вперед за эти шесть десятилетий больше, чем за тысячи предыдущих лет. В этом огромная заслуга народа, коммунистов Советского Союза, и поэтому предстоящий праздник 7 ноября будет с радостью праздноваться во всех уголках мира».

Веками лучшие умы человечества мечтали о создании общества справедливости, гуманности, торжества народоправия, подлинного равенства и подлинного братства. Великие творцы теории научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что претворение в жизнь этой мечты — историческая миссия рабочего класса, пролетариев всех стран. Разработанная В. И. Лениным теория социалистической революции вооружила созданную им большевистскую партию ясной, научно обоснованной программой построения социалистического общества. Эта программа содержала генеральную линию партии на социалистическую индустриализацию, кооперирование сельского хозяйства, осуществление культурной революции, подобной которой не знала история.

Коренные социальные преобразования превратили прежде отсталую Россию в могучую социалистическую державу. В ее лице народы мира обрели надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность. И вполне закономерно, что именно советские люди, построившие новое общество, в трудную для судеб человечества годину проявили беспримерные чудеса героизма, самоотверженности в борьбе против фашистских варваров, за спасение мировой цивилизации.

В ходе реализации ленинского плана преобразования нашей страны на социалистических началах неузнаваемо изменилось ее народное хозяйство. Нынешний его уровень с трудом поддается какому-либо сравнению с исходными позициями. Вот о чем говорят цифры. В 1976 г. национальный доход страны превышал дореволюционный уровень в 65 раз. Сегодня наша промышленность за $2^1/_2$ дня дает столько продукции, сколько ее про-

изводилось за весь 1913 г. Экономика СССР—это 20% мирового промышленного производства (в 1913 г.—4%, в 1937 г.—10%). Советский Союз вышел на первое место в мире по добыче нефти и угля, выплавке чугуна и стали, добыче железной, марганцевой и хромовой руд, производству кокса, минеральных удобрений, цемента, тепловозов и электровозов, тракторов (по суммарной мощности двигателей), пиломатериалов, хлопка, льна и других видов продукции, сборных железобетонных конструкций и деталей.

Во всех сферах жизни Советской страны ощущается нарастающее воздействие идей XXV съезда КПСС, определившего коренные задачи нашего общества как на близкую, так и на более длительную перспективу. Успешно стартовала десятая пятилетка. Итоги ее первого года свидетельствуют о том, что развитие народного хозяйства происходит в полном соответствии с установками съезда. В 1976 г. объем промышленного производства превысил плановые задания.

О современных масштабах роста советской экономики выразительно говорит тот факт, что только за год и три месяца новой пятилетки произведено промышленной продукции на сумму 670 млрд. руб., что значительно больше, чем за две первые послевоенные пятилетки, вместе взятые. Успешно развивается народное хозяйство в нынешнем, юбилейном году. В первом квартале объем промышленной продукции по сравнению с тем же периодом 1976 г. увеличился, как и намечалось годовым планом, на 5,6%. Сверх плана реализовано промышленной продукции на 1,7 млрд. руб. Производительность труда возросла на 4%.

Свергнув власть помещиков и капиталистов, Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального порабощения и освободила от него все без исключения народы бывшей Российской империи. Этот акт был осуществлен под знаменем пролетарского интернационализма, взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян всех населявших ее народов. «Мы хотим,— указывал В. И. Ленин,—**добровольного** союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,—такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за разделов и переделов» [1].

Этот ленинский завет стал законом национальной политики Советского государства. История знает не одно многонациональное государство, но для каждого характерны были господство одних народов над другими, национальная рознь, взаимное недоверие. И только Союз Советских Социалистических Республик — государство, на территории которого проживают десятки и десятки наций, национальностей, народностей,—представляет собой гармоничное единство больших и малых народов, спаянных нерушимой дружбой, единством целей, подлинным братством.

Для всех народов нашей страны Советское государство обеспечило не только формально-правовое, но и фактическое экономическое и политическое равенство. Во всех республиках создана современная промышленность, утвердился колхозный строй, выросли национальные кадры, произошла поистине великая культурная революция. Многие из республик пришли к социализму, минуя капиталистическую стадию.

Советский народ—это принципиально новая историческая общность людей, создание которой стало возможным на основе полного и решительного устранения вековой отсталости многих народностей и воспитания действительно нового человека независимо от его национальной принадлеж-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

ности. Живительной силой этой общности является глубокий, нерасторжимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, союз советских людей, соединяющих в себе преданность идеалам коммунизма, пламенный патриотизм и последовательный интернационализм.

Опыт Великого Октября показал жизненную силу марксистско-ленинского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса как творца нового общества, о созидательной сущности диктатуры пролетариата как важнейшего инструмента построения социализма, защиты завоеваний трудового народа. То, что свершила в нашей стране пролетарская диктатура, ее универсальная преобразующая работа — все это является символом освобожденной силы и великого предназначения рабочего класса, призванного историей изменить мир.

Октябрьская революция породила демократию нового, высшего типа — советскую, социалистическую демократию, обеспечивающую социальную справедливость, гармоничное сочетание интересов общества, коллектива и личности. Уже назавтра после Октября хваленая буржуазная демократия выглядела как вчерашний день, как система, вступившая в полосу заката и упадка. На смену ей пришло подлинное народовластие, то «настоящее народное самоуправление», о котором говорил В. И. Ленин[2]. Его глубокую основу и движущую силу составили раскованная энергия широких масс трудящихся, их неистощимая творческая инициатива, беспредельная преданность делу социализма, верность ленинской партии.

Социалистический демократизм превратился в могучую силу коммунистического строительства. Он обеспечивает — впервые в истории — осуществление власти и управления самими трудящимися. Его принципы распространяются буквально на все области жизни общества и человека, прежде всего на сферу труда и производства. В нашей стране всеобщим достоянием стали такие фундаментальные права и свободы, за которые не одно столетие борются трудящиеся стран капитала и о которых буржуазные политики и пропагандисты предпочитают хранить стыдливое молчание. Речь идет о свободе от эксплуатации и гарантированном праве на труд, праве на охрану здоровья и все виды социального обеспечения, праве и даже обязанности бесплатного приобретения образования и т. д. Все это позволяет не на словах, а на деле — и притом в наиболее полной мере — обеспечивать права человека, всестороннее развитие личности.

И когда апологеты буржуазной демократии пытаются превозносить ее как чуть ли не последнее слово человеческой мудрости и социальной практики, они либо обнаруживают нищету духа, либо идут на заведомое шарлатанство. Что это за «демократия», когда десятки и сотни миллионов людей обречены на тяжкий труд и тяжкую жизнь, не имеют завтрашнего дня, буквально прозябают в лишениях, нищете, бедности, образуют гигантские армии безработных, испытывают на себе расовый и национальный гнет, находятся в полной зависимости от алчных толстосумов? Что это за «демократия», если ее блюстители прибегают к варварским, захватническим войнам за пределами страны, а внутри обрушивают на людей изощренные методы полицейского террора, разного рода дискриминацию?

Группа французских социологов, историков, философов, экономистов, правоведов и политических деятелей исследовала проблемы демократии в современном капиталистическом мире. Обзор их выводов опубликован в мартовском номере за 1977 г. журнала «Монд дипломатик». «Длительная история вероломства», «совокупность неравенства и закон джунглей» — так характеризуют исследователи состояние буржуазной демократии. Они утверждают, имея на то все основания, что, идет ли речь об экономической, социальной или политической демократии, капитализм и сегодня предстает перед миром как общественная система, попирающая жизненные интересы народов, трудящихся масс. По их словам, основные

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 316.

виды неравенства между различными классами и социальными группами не только сохраняются, но представляют собой, так сказать, устойчивую совокупность. «Одни и те же люди не получают образования, выполняют самые тяжелые работы, получают самую низкую заработную плату, почти не имеют доступа к развлечениям и услугам; это неравенство сохраняется, воспроизводится и передается по наследству». Капитализм — это вызов обществу. «Вызов, который становится все более ясным, поскольку своей простой логикой, простой инерцией он может привести общество к полной катастрофе» [3]. Демократия стала «пленницей» капитализма, он торгашески использует ее лозунги, но решительно отвергает ее существо.

В результате самоотверженного труда советского народа, возглавляемого коммунистической партией как руководящей и направляющей силой, в нашей стране построено развитое социалистическое общество. Это закономерный этап в становлении коммунистической формации, высшее достижение социального прогресса в современную эпоху.

Развитой социализм — относительно длительная полоса общественного развития, имеющая свои особенности и проблемы. «Создание зрелого, развитого социализма, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — по-новому поставило многие задачи экономического, социально-политического и духовного развития страны. Иными стали как наши возможности, так и общественные потребности. Происходит глубокая перестройка многих сторон практической деятельности партии и народа. Речь идет о делах крупнейшего масштаба, о делах сложных, жизненно важных как для всего общества, так и для каждого советского человека, каждой советской семьи».

Грандиозные свершения советского народа в социалистическом и коммунистическом строительстве образуют надежный фундамент преобразования международных отношений на подлинно справедливых и демократических началах. Провозгласив мир высшим принципом и высшей целью своей внешней политики, Советское государство добилось широкого утверждения в международных отношениях мирного сосуществования государств с различными общественными системами. Успехи мирового социализма позволили приступить к решению кардинальной задачи современности: как сделать мир действительно прочным и нерушимым, превратить разрядку в универсальный и непрерывный процесс, обеспечить ее перерастание в стабильное мирное сотрудничество между государствами и народами.

С победой Великого Октября, а затем социализма в СССР народы мира получили убедительный, проверенный практикой ответ на вопрос о путях исторического развития. Торжество идеологии дружбы и равноправия народов Советского Союза, их успехи в строительстве новой жизни вдохновляли и вдохновляют миллионы во всех странах на борьбу за национальную независимость и мир между народами, за демократию и социализм. По словам президента народной Анголы А. Нето, «благодаря экономическому и политическому пути, который мы избрали, мы можем считать себя наследниками социальных преобразований, происшедших в результате Октябрьской революции». Говоря о действенном, немеркнущем значении исторического опыта СССР, Я. Кадар подчеркнул в приветственном выступлении на XXV съезде КПСС: «Прошлое Советского Союза является великим историческим уроком, его настоящее — примером для подражания, а будущее — блестящей перспективой для народов мира».

II

Всемирно-историческая победа народов, при решающей роли Советского Союза, над силами крайней империалистической реакции — фашизмом — во второй мировой войне создала для всемирного освободительного движения совершенно новую обстановку, ускорила мировой революцион-

[3] См. «Le Monde diplomatique», mars 1977, pp. 8—9.

ный процесс. Огромный размах получило международное рабочее движение. В целом ряде стран Европы и Азии, а несколько позже на Кубе произошли социалистические революции. Трудящиеся этих стран под руководством своих коммунистических и рабочих партий свергли господство помещиков и капиталистов, установили народную власть и приступили к строительству нового общества. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему.

Естественно, что, начиная строительство новой жизни, народы, порвавшие с капитализмом, прежде всего обратились к опыту страны-первопроходца — Советского государства, поскольку общие закономерности социалистического строительства, открытые марксистско-ленинской наукой и проверенные практикой построения реального социализма в нашей стране, имеют международное значение. Вместе с тем каждая из стран, вступивших на путь социализма, используя советский опыт, обогащает его собственным опытом, вытекающим из особенностей ее исторического развития.

Победа сил демократии и социального прогресса во второй мировой войне нанесла сокрушительный удар по колониальной системе империализма. Социалистические государства неизменно выступают как подлинные друзья народов, ведущих национально-освободительную борьбу, последовательно отстаивают их законные политические и экономические интересы.

Поистине огромным завоеванием современного человечества является мировое социалистическое содружество, ставшее ныне ведущим фактором мировой политики. В его рамках все более полное развитие получает порожденный Великим Октябрем новый тип международных отношений. Братская дружба советских народов дополнилась братством и дружбой народов стран социалистического содружества. «За последние годы, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — еще более окрепло мировое содружество братских народов социалистических стран — международный союз нового типа. Социалистические государства, объединенные общностью строя, приверженностью делу мира, социализма, демократии и национальной независимости, добровольно развивают между собой всестороннее сотрудничество на основе принципов марксизма-ленинизма и интернациональной солидарности, уважения равноправия и суверенитета каждого государства, невмешательства во внутренние дела, товарищеской взаимопомощи». Упрочились идейное единство и политическая сплоченность братских стран. Сложился и успешно функционирует механизм их внешнеполитического взаимодействия. Интенсивно развивается экономическое сотрудничество, расширяются идеологические, научные и культурные связи.

Выступая на XVI съезде советских профсоюзов, Л. И. Брежнев подчеркнул, насколько «могучи и животворны корни братских отношений, соединяющих народы социалистических стран». Яркое свидетельство тому — почин коллектива прославленного венгерского комбината «Красный Чепель», развернувшего соревнование в честь 60-летия Великого Октября, почин, нашедший горячий отклик среди трудящихся братских стран.

Утверждение в социалистических странах однотипного экономического строя создало условия, при которых действие экономических законов социализма вышло за рамки отдельных государств. Теперь они не только лежат в основе развития национальных экономик, но и определяют тенденцию развития всего мирового социалистического хозяйства.

В области своих внешнеэкономических отношений социалистические государства выступают активными организаторами международного разделения труда, экономического сотрудничества и взаимопомощи, мобилизуя материальные и трудовые ресурсы для все более эффективного их использования в интересах социализма. Правильный учет действия экономических законов нового строя в масштабе всего содружества становится важнейшей практической задачей каждой братской страны. Опираясь на них, социалистические страны имеют возможность решать самые сложные

хозяйственные проблемы, находить пути для обеспечения быстрых темпов развития экономики, наиболее полного использования огромных возможностей и преимуществ социализма.

Ярким показателем того, насколько та или иная общественно-экономическая система способна эффективно использовать наличные производительные силы, достижения науки и техники, являются темпы воспроизводства. Объективная закономерность социализма — высокие темпы развития — теперь уже подтверждены опытом социалистических государств. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции за 1951—1975 гг. в социалистических странах составили 10%, в развитых капиталистических государствах — 4,6%.

Объединенные в Совете Экономической Взаимопомощи страны социалистического содружества образуют самое динамичное в мире экономическое сообщество, равного которому по величине и темпам роста совокупного народнохозяйственного потенциала нет на земле. За минувшую пятилетку (1971—1975 гг.) национальный доход в странах СЭВ возрос в целом на 36%, в то время как в странах ЕЭС — лишь на 12% (в 1976 г. этот рост составил соответственно 5,5 и 4,0%). Валовая промышленная продукция государств СЭВ за тот же период увеличилась примерно в 1,5 раза (в 1976 г. — на 6%). Выпуск ее на душу населения в этих странах более чем в 3,5 раза превосходит общемировой показатель[4].

Об опережающих темпах развития в странах СЭВ наглядно свидетельствует сравнение с ЕЭС по ряду важных показателей за более длительный период времени. Так, в 1950—1976 гг. производство электроэнергии в названных регионах возросло соответственно в 11 и 6 раз, выплавка стали — в 5,5 и 2,7 раза. Индекс объема промышленной продукции в СЭВ и ЕЭС в 1961—1976 гг. (1960 г. = 100) составил 347 и 188.

Всесторонние связи между странами социалистического содружества неуклонно расширяются и углубляются. Огромные перспективы в этом отношении открыла принятая в 1971 г. Комплексная программа социалистической экономической интеграции. Рассчитанная на 15—20 лет, она успешно воплощается в жизнь. В настоящее время страны социализма, входящие в СЭВ, работают по согласованному плану интеграционных мероприятий, призванных обеспечить последовательное развитие национальных экономик, успешную мобилизацию материальных и трудовых ресурсов на решение коренных социально-экономических задач. Будут совершенствоваться методы сотрудничества, формы интернационализации общественного производства, на новую ступень поднимется борьба за эффективность и качество работы во всех звеньях народного хозяйства.

Состоявшаяся летом 1976 г. в Берлине XXX сессия СЭВ, положительно оценив результаты работы по осуществлению Комплексной программы за минувшие пять лет, приняла решение о разработке долгосрочных целевых программ сотрудничества в важнейших отраслях материального производства на 10—15-летний период. Они призваны способствовать совместному решению проблем, связанных с обеспечением экономически обоснованных потребностей в основных видах энергии, топлива и сырья, с развитием машиностроения на базе глубокой специализации и кооперирования производства, удовлетворением потребностей стран СЭВ в продовольствии и товарах народного потребления на период до 1990 г.

Разработка таких программ еще более укрепит плановые основы многостороннего сотрудничества, а их выполнение позволит решать важные народнохозяйственные проблемы в тесной увязке с национальными пятилетними и долгосрочными планами. Это означает качественно новый этап экономического и научно-технического сотрудничества стран СЭВ. Реализация намеченных программ внесет весомый вклад в выполнение задачи

[4] «Правда», 30.III.1977.

огромного политического значения — укрепление материальной основы социалистического содружества, будет содействовать выравниванию уровней экономического развития братских государств.

III

Глубоко символично, что в преддверии 60-летия Великого Октября весь капиталистический мир был охвачен самым тяжелым за послевоенный период экономическим кризисом. Будучи выражением действия циклических закономерностей, он в то же время сопровождался целым комплексом структурных кризисов (энергетическим, сырьевым, экологическим, валютно-финансовым) и небывалым взлетом инфляционных процессов.

В условиях кризиса особенно отчетливо проявилось обострение всех социально-политических противоречий капитализма, прежде всего антагонизма между трудом и капиталом, о чем свидетельствует невиданный накал забастовочной борьбы. И хотя целый ряд капиталистических стран оставил позади низшую точку падения промышленного производства и, пройдя фазу депрессии, вступил в полосу весьма неустойчивого оживления, тем не менее проблемой номер один и сегодня является инфляция и массовая безработица, жертвами которой только в главных странах капитализма стали 15 млн. человек.

Факты опровергают утверждения многих буржуазных экономистов, будто экономические кризисы — удел прошлого, что государственно-монополистическое регулирование чуть ли не «отменяет» органические законы капиталистической формации и, в частности, вносит существенные коррективы в проявления закона неравномерности экономического и политического развития. Как известно, его действие на мировом рынке неизбежно приводит к усилению позиций одних государств за счет других. В. И. Ленин отмечал, что капиталисты делят мир «по капиталу», «по силе», так как иного способа дележа у них быть не может. Это неизбежно ведет к потере теми или иными странами политической и экономической независимости, усиливает конкурентную борьбу. Получилось так, что в мировой капиталистической системе промышленное производство оказалось сосредоточенным в нескольких наиболее развитых государствах, в то время как подавляющее большинство стран Азии, почти все страны Африки и Латинской Америки лишены развитой промышленности и были обречены на роль аграрно-сырьевых придатков бывших метрополий.

Опыт истории показывает, что развитие мировой социалистической системы подчиняется закономерностям, прямо противоположным тем, по которым развивается система капитализма.

Благодаря высоким и устойчивым темпам роста страны СЭВ располагают мощной экономикой. С менее чем 10% населения земного шара они производят около 1/3 мировой промышленной продукции и 1/4 мирового национального дохода. На их долю приходится более 33% мировой продукции машиностроения и около трети производства химических товаров, свыше 20% вырабатываемой электроэнергии, 17,3 — добываемой нефти, 22,5 — природного газа, 34 — угля, 32 — минеральных удобрений, 24,7 — цемента и 32% пиломатериалов.

В противоположность капитализму для стран мирового социализма закономерным является постепенное сближение и выравнивание уровней экономического развития. В ходе социалистического строительства в прошлом отсталые страны, опираясь на сотрудничество и помощь экономически более развитых государств, получают возможность ускоренно развиваться и поднимать хозяйство до уровня передовых в экономическом отношении братских стран.

Не говоря уже о межвоенном периоде, еще сравнительно недавно для стран содружества были характерны глубокие различия в уровнях экономического развития. Так, в первые послевоенные годы лишь в ГДР и

ЧССР промышленность преобладала над сельским хозяйством; Венгрия и Польша были экономически отсталыми аграрно-индустриальными странами; на еще более низкой ступени экономического развития находились Болгария и Румыния. Если в 1950 г. производство электроэнергии на душу населения составляло в Болгарии 110, а Румынии — 130 квтч (в 9—10 раз меньше, чем в ГДР), то в 1975 г. по этому показателю они уступали уровню ГДР (5015 квтч) менее чем вдвое (в НРБ — 2893, СРР — 2528 квтч)[5].

Таблица

ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАН — ЧЛЕНОВ СЭВ И СТРАН—ЧЛЕНОВ ЕЭС

	Страны СЭВ		Страны ЕЭС	
	1950 г.	1975 г.	1950 г.	1975 г.
Национальный доход на душу населения (%)	100	484	100	249
Продукция промышленности (%)	100	991	100	330
Производство электроэнергии (млрд. квтч)	136	1387	193	1019
Добыча угля (млн. т)	547	1302	518	378
Добыча нефти (млн. т)	44	510	2	10
Добыча газа (млрд. куб. м)	9	321	1	170
Выплавка чугуна (млн. т)	60	133	70	89
Выплавка стали (млн. т)	36	193	49	126
Производство цемента (млн. т)	19	183	39	128
Производство минеральных удобрений (млн. т пит. вещ.)	3,1	32,7	5,0	16,7

Источник: «Экономическое сотрудничество стран—членов СЭВ», бюллетень № 6, 1976, стр. 65; «Экономическая газета» №№ 17—33 за 1976 г.

Выравнивание экономических уровней — это динамический процесс. Он находит свое наиболее обобщенное выражение в реализации каждой страной основной цели социализма — все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства. «Соответственно природе и высшим целям социализма, — говорится в коммюнике о XXX сессии Совета Экономической Взаимопомощи, — интенсификация сотрудничества в рамках СЭВ ведет к гармоничному развитию национальных экономик, обеспечивает быстрый рост промышленности и сельского хозяйства, способствует ускоренному прогрессу менее развитых в хозяйственном отношении стран — членов СЭВ».

Выдающиеся успехи стран социалистического содружества в области экономики сочетаются со все более тесным упрочением их политического единства. «Вместе с расцветом каждой социалистической нации, укреплением суверенитета социалистических государств, — отмечается в докладе ЦК КПСС XXV съезду, — все теснее становятся их взаимосвязи, возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития. Этот процесс постепенного сближения стран социализма вполне определенно проявляется ныне как закономерность».

Дальнейшее тесное сотрудничество в политической области стимулирует решение в общих интересах содружества как первоочередных, так и перспективных задач народнохозяйственного строительства. Это наибо-

[5] «Коммунист» № 5, 1977, стр. 25.

лее резко проявляется в быстром росте промышленности братских государств, в первую очередь тяжелой индустрии, превращении их в индустриально-аграрные с развитыми отраслями современной промышленности и крупным механизированным социалистическим сельским хозяйством. Отстававшие в прошлом страны, опираясь на опыт и помощь СССР и других социалистических государств и взаимное сотрудничество, имеют значительное превосходство в темпах роста. Так, если валовая продукция промышленности ГДР, Венгрии и Чехословакии увеличилась за 1951—1975 гг. примерно в 7 раз, в СССР — почти в 10 раз, Польше — в 12, то в Румынии она возросла в 21 раз, Болгарии — в 18 раз[6].

Об успехах в индустриальном развитии и о процессе сближения экономических уровней можно судить также по изменениям в товарной структуре внешней торговли социалистических стран. Если, например, Болгария в 1950 г. не экспортировала машин и оборудования, а доля промышленных товаров народного потребления составляла 1,5% всего болгарского вывоза, то в 1975 г. на машины и оборудование приходилось почти 41% и на товары народного потребления — свыше 10% экспорта страны. В румынском экспорте удельный вес машин и оборудования возрос за эти годы с 4,2 до 25,3%, а промышленных товаров народного потребления — с 1,3 до 16,1%. В экспорте Польши доля машин и оборудования повысилась с 7,7 до 39% и промышленных товаров народного потребления — с 12,2 до 15%. Увеличился удельный вес промышленных товаров и в экспорте других государств социалистического содружества.

Позитивные результаты характеризуют также развитие сельского хозяйства стран СЭВ. С 1950 по 1975 г. его валовая продукция возросла: в Болгарии — в 2,9 раза, Венгрии — в 1,8, ГДР — в 2,1, Монголии — в 1,7, Польше — в 1,9, Румынии — в 2,9, СССР — в 2,3, в Чехословакии — в 1,6 раза. В большинстве стран среднегодовые темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства в 1971—1975 гг. были выше предшествующего пятилетия — при сокращении общего числа занятых в данной отрасли экономики.

В подъеме сельскохозяйственного производства важную роль сыграли мероприятия, проводимые коммунистическими и рабочими партиями и правительствами стран — членов СЭВ по совершенствованию руководства сельским хозяйством, в частности путем создания аграрно-промышленных комплексов, дальнейшего развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, повышения материальной заинтересованности лиц, занятых в сельском хозяйстве. Сохраняющиеся между странами СЭВ различия в показателях интенсивности производства свидетельствуют о наличии во многих из них неиспользованных резервов для дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства.

Успешное развитие народного хозяйства создало надежную основу для постоянного повышения благосостояния населения стран социализма и постепенного сближения их жизненных уровней. Указанный процесс находит свое выражение прежде всего в таком обобщенном показателе, как рост национального дохода.

Страны СЭВ постепенно сближают уровни производства национального дохода, который, как известно, является основой и роста производства и повышения народного благосостояния. Если в 1950 г. разрыв между максимальными и минимальными уровнями его производства на душу населения был трехкратным, то в 1970 г. он уменьшился примерно до 1,6; к настоящему времени этот разрыв еще более сократился.

Анализ развития отраслей материального производства показывает, что процесс постепенного сближения и выравнивания экономических уровней стран — членов СЭВ протекает в условиях высоких темпов роста общественного воспроизводства во всем социалистическом содружестве.

---

[6] «СССР в цифрах 1975 г.». М., 1976, стр. 51.

В странах СЭВ увеличение национального дохода и реальных доходов населения существенно превышает прирост населения. Это свидетельствует о создании все больших возможностей для полного обеспечения народов братских стран материальными благами. Общеизвестно, что для социалистических государств типичны не только быстрый рост национального дохода, но и распределение его в интересах трудящихся. В настоящее время в большинстве из них доля потребления в национальном доходе составляет не менее 70%. Остальная часть используется для накопления, которое также осуществляется в интересах трудящихся.

Во всех братских странах не только существенно возрос уровень материального благосостояния в целом, но и произошло значительное сближение этих уровней. В них давно и окончательно покончено с эксплуатацией и безработицей. Социалистические государства гарантируют всем членам общества надежную будущность.

Коммунистические и рабочие партии и правительства стран социалистического содружества проявляют постоянную заботу о повышении благосостояния и здоровья трудящихся. В этих целях расходуются большие средства на жилищное строительство, на сооружение и оборудование больниц, поликлиник, детских яслей и садов, санаториев и домов отдыха. Только в 1971—1975 гг. в новые квартиры въехало почти 60 млн. человек, или свыше 16% всего населения стран СЭВ. В социалистических государствах в отличие от буржуазных сохраняется низкий уровень квартирной платы, которая, например, в Советском Союзе возмещает лишь треть государственных расходов на содержание жилищного фонда.

Характерно, что экономический кризис 1974—1975 гг. в странах капитализма особенно резко сказался на жилищном строительстве. В ФРГ оно сократилось по сравнению с 1973 г. на 1/4, а в США еще больше — на 1/3. Органы пропаганды США уверяют, что чуть ли не все американцы живут в комфорте. Но они умалчивают о том, что в этой самой богатой стране капиталистического мира имеется более 4 млн. жилищ без водопровода, 1 млн. — без отопления. Аналогичная картина наблюдается и во Франции. В парижском районе, где проживает около 9 млн. человек, 64% домов не имеют ни ванны, ни душа, а 43% — и канализации. Из-за недоступности платы пустует 275 тыс. квартир, в то время как 250 тыс. семей остаются без крова.

Братские страны социализма имеют явное преимущество перед капиталистическими государствами в области приобщения широких народных масс к современным достижениям научно-технического прогресса. Это находит свое выражение прежде всего в народном образовании, в полной ликвидации неграмотности. Заметим, что в буржуазных государствах, которые существуют не одну сотню лет, до сих пор имеются миллионы неграмотного населения. По данным ООН, даже в таких странах, как США, Англия, Франция, Япония, проживают миллионы людей, не умеющих читать и писать. В Англии, например, таких людей насчитывается 2 млн. (6% взрослого населения). По данным бюллетеня «Новости ЮНЕСКО», в 1975 г. 30% французов не прочитали ни одной книги; в домах 27% французских семей книг нет вообще; каждый третий француз практически никогда не читает книг. Схожим образом обстоит дело и в других капиталистических странах, не говоря уже о странах «третьего мира», которым западные монополии оставили в наследство сплошную неграмотность населения, болезни и нищету сотен миллионов людей.

За годы социалистического строительства братские страны осуществили грандиозную культурную революцию. На этой базе существенно сблизились их уровни в области народного образования, науки и культуры. В социалистических странах решается задача по завершению перехода к всеобщему среднему обязательному образованию для детей школьного возраста. В основном решена проблема обеспечения народного хозяйства

специалистами средней и высшей квалификации, что очень важно в условиях развивающейся научно-технической революции.

Проявляя постоянную заботу о воспитании нового человека, о приобщении широких народных масс к передовой культуре, социалистической по содержанию и национальной по форме, коммунистические и рабочие партии стран — членов СЭВ успешно решают задачи сближения уровней культуры жителей города и деревни, преодоления различий между трудом умственным и физическим; происходит объективный процесс сближения культурного уровня жизни населения этих стран.

* * *

Впечатляющи успехи, которых добились братские страны в строительстве социализма и коммунизма в результате самоотверженного труда рабочего класса, крестьянства, интеллигенции под руководством марксистско-ленинских партий. Именно в этом заключен источник постоянно растущего влияния социалистического содружества на ход мировых событий. «Социализм, — отмечал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — уже сегодня оказывает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на земле. Он обеспечивает людям труда свободу, подлинно демократические права, благосостояние, широчайший доступ к знаниям, прочную уверенность в будущем. Он несет мир, уважение суверенитета всех стран и равноправное межгосударственное сотрудничество, служит опорой народам, ведущим борьбу за свою свободу и независимость».

В самом деле, именно реальный социализм образует цементирующую силу неодолимого союза основных революционных сил современности — главных носителей общественного прогресса в нашу эпоху. Он был и остается опорой международного рабочего класса и его боевого авангарда — мирового коммунистического движения. Он является надежным союзником национально-освободительного движения; само его существование и поддержка помогают ныне достижению экономической самостоятельности странами, завоевавшими политическую независимость.

Именно реальный социализм поставил на практическую основу задачу избавления человечества от термоядерной катастрофы и решающим образом способствует перестройке международных отношений в интересах всех народов.

Ныне мировой социализм выступает как самая действенная сила, отстаивающая жизненные интересы всех народов, прежде всего в таких коренных вопросах, как сохранение и упрочение мира, исключение войн из жизни общества вообще. Другого примера последовательной и нарастающей борьбы за создание действенных предпосылок для достижения этих целей история до сих пор не знала.

Нет и не может быть сомнения в том, что всестороннее сближение стран мирового социалистического содружества, укрепление их единства и сплоченности, упрочение их взаимодействия с другими потоками всемирного освободительного движения еще более повысят притягательную силу и роль социализма, дела Великого Октября в решении кардинальных проблем нашей эпохи — вопросов мира и социального прогресса.

Кризис 1974—1975 гг. и экономическое положение трудящихся

В. ЛЮБИМОВА,
Н. ГАУЗНЕР

Экономический кризис 1974—1975 гг., охвативший все промышленно развитые капиталистические страны, занимает особое место в истории послевоенных циклов. Будучи самым глубоким и острым за последние четыре десятилетия, он окончательно похоронил иллюзии об устойчивом росте капиталистической экономики, о ее неуклонном процветании на базе научно-технического прогресса, послужил еще одним убедительным доказательством неустранимости основных противоречий капиталистического способа производства, его несовместимости с насущными материальными и духовными потребностями трудящихся. «Характерно,—отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС в Отчетном докладе на XXV съезде партии,— что кризис такой силы поразил высокоразвитую государственно-монополистическую экономику, сложившуюся в послевоенный период».

В ходе его развития выявился ряд черт, свидетельствующих о наступлении поворотного пункта в развитии мирового капитализма и резком углублении его общего кризиса. К этим новым чертам можно отнести следующие:

— тесное переплетение экономического кризиса со структурными (энергетическим, сырьевым, валютно-финансовым, экологическим), которые продолжают оказывать сильнейшее воздействие на капиталистическую экономику и после того, как падение производства в большинстве стран прошло свою низшую точку в 1975 г. Структурные кризисы такого масштаба и глубины представляют собой новое явление в развитии капитализма;

— почти не имеющая прецедентов в послевоенный период синхронность экономического кризиса, во многом затруднившая выход из него одних стран за счет других;

— всеобщая и непрерывная инфляция, вызывающая рост цен, измеряемый во многих случаях двузначными цифрами;

— расстройство механизма государственно-монополистического регулирования в экономической и социальной сфере, отчетливо проявившаяся узость его пределов, что, в свою очередь, накладывает заметный отпечаток на сложную и весьма неблагоприятную экономическую конъюнктуру 1976 и начала 1977 г.;

— усиление интернационализации капиталистического мирового хозяйства в сочетании с громадным обострением межимпериалистических противоречий, возросшей напряженностью между капиталистическими странами и «третьим миром»;

— распространение кризиса не только на социально-экономические отношения, но и на сферу идеологии (неприятие значительной частью населения старой системы ценностей, крах концепций «государства всеобщего благосостояния», «бескризисного развития» и т. п.), политики и мора-

ли («уотергейтское дело», разоблачение скандальной деятельности ЦРУ, «дело Локхид» и т. п.).

В результате переплетения экономического и структурных кризисов, углубления кризисных явлений в сфере идеологии, политики и морали в капиталистическом мире сложилась новая ситуация, при которой многие старые проблемы приобрели еще большую остроту. К их числу в первую очередь относится безработица.

УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ

В 50-х и 60-х годах соотношение спроса и предложения на рынке труда в целом было достаточно благоприятным для рабочего класса, особенно в странах Западной Европы (за исключением Италии) и в Японии. Темпы прироста трудоспособного населения вплоть до середины 60-х годов были умеренными, а высокая экономическая конъюнктура создавала большой спрос на рабочую силу. В результате в некоторых развитых капиталистических странах (ФРГ, Франция, Япония) даже ощущался ее дефицит. Безработица в отдельные годы была относительно высокой только в США, где она колебалась в тот период от 3,5 до 5,2% экономически активного населения (2,8—3,8 млн. человек).

Однако с конца 60-х годов, то есть еще до кризиса 1974—1975 гг., под влиянием таких факторов, как структурная перестройка экономики, обусловленная научно-технической революцией, внедрение в промышленность, торговлю и отчасти в сферу услуг оборудования, «экономящего живой труд», проведение различных мер по капиталистической рационализации с целью повышения выработки, безработица стала возрастать не только в США, но и в других развитых капиталистических странах. Это было связано и с большим притоком на рынок труда молодежи, женщин всех трудоспособных возрастов, использованием (главным образом в Западной Европе) в массовых масштабах более дешевого труда иностранных рабочих.

В то же время даже в начале 70-х годов во всех промышленно развитых капиталистических странах далеко не полностью удовлетворялась потребность в рабочей силе с высокой современной квалификацией.

Так, в США до кризиса количество вакантных рабочих мест из года в год превышало число безработных, которое, по официальным данным, оставалось в пределах 4—5 млн. человек, или 5—6% всего экономически активного населения. Этот уровень безработицы сохранялся и в 1973 г., когда экономический подъем продолжался и численность работающих во всех отраслях экономики выросла (по сравнению с 1970 г.) на 7,4%. Другими словами, и в благоприятных условиях безработица перестала сокращаться. В 1974 г. число занятых еще продолжало расти (+9,3% по сравнению с 1970 г.), но безработица увеличивалась намного больше (+24%), что было связано с непрерывным притоком молодежи и женщин на рынок труда и с нарастанием разрыва в структуре спроса и предложения рабочей силы [1].

Сходные явления наблюдались и в промышленно развитых капиталистических странах Западной Европы. До второй половины 60-х годов здесь имел место стабильный уровень занятости, количество «лишних рук» было относительно невелико, а для наиболее тяжелых, малооплачиваемых видов работ с «низким социальным престижем» широко использовался труд иммигрантов, численность которых только в странах Общего рынка превышала 10—12 млн. человек. Но уже с конца 60-х годов везде (за исключением ФРГ и Нидерландов) число безработных стало превышать число вакансий, причем усиливалось отмеченное выше несоответствие между качеством и количеством предложения и спроса на рынке тру-

---

[1] «Manpower Report of the President», April 1975, p. 203.

да. Одновременно начался значительный рост экономически активного населения, что существенно сузило возможности трудоустройства для молодежи, женщин, а также лиц пожилого возраста.

Экономический кризис 1974—1975 гг. как бы «наслоился» на долговременные факторы, обусловленные развитием научно-технической революции и демографическими сдвигами. Сочетание конъюнктурных и структурных моментов превратило безработицу в острейшую социально-экономическую проблему, поскольку в среднем 80% экономически активного населения развитой части капиталистического мира состоит из работников наемного труда.

В 1975 г. общая численность полностью безработных в развитых странах превышала 20 млн. человек, к которым нужно добавить свыше 12 млн. частично безработных, то есть лиц, переведенных на сокращенную рабочую неделю или имеющих случайную, временную, краткосрочную работу.

Следующая таблица дает общее представление о динамике и масштабах безработицы в главных странах капитализма.

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОЛНОСТЬЮ БЕЗРАБОТНЫХ И ИХ ДОЛЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОМ НАСЕЛЕНИИ (%)

	США		ФРГ		Италия		Франция		Англия		Япония	
	числ. (тыс.)	%	числ (тыс.)	%	числ. (тыс.)	%	числ. (тыс.)	%	числ. (тыс.)	%	числ (тыс.)	%
1964	3 786	5,2	169,1	0,7	549	2,7	114,1		413	1,8	370	0,8
1965	3 366	4,5	147,4	0,6	714	3,6	142,1		347	1,5	390	0,8
1966	2 875	3,8	161,1	0,7	759	3,9	147,7		361	1,5	440	0,9
1967	2 975	3,8	459,5	2,1	679	3,5	196,0		558	2,3	630	1,3
1968	2 817	3,6	323,5	1,5	684	3,5	253,8		586	2,5	590	1,2
1969	2 831	3,5	178,6	0,9	655	3,4	223,0		581	2,5	570	1,1
1970	4 088	4,9	148,8	0,7	609	3,2	262,1		618	2,6	590	1,2
1971	4 933	5,9	165,1	0,9	609	3,2	338,2		799	3,4	640	1,2
1972	4 840	5,6	246,4	1,1	697	3,7	383,5		886	3,8	730	1,4
1973	4 304	4,9	273,5	1,2	668	3,5	393,9		630	2,7	670	1,3
1974	5 076	5,6	582,5	2,6	560	2,9	497,8		631	2,7	720	1,4
1975	7 830	8,5	1 074,0	4,7	654	3,3	839,7		1 014	4,4	990	1,9
1976 [1]	7 026[3]	7,4[3]	1 016,0	4,1	780[2]	3,8[2]	935	-	1 306	5,5	1 068[3]	2,0[3]

[1] октябрь [2] июль [3] сентябрь

Источники: «Main Economic Indicators», OECD, December 1976, pp. 59, 81, 87, 95; «Monthly Bulletin of Statistics», December 1976, p. 20.

Действительные размеры безработицы еще более значительны, поскольку в официальную статистику по тем или иным причинам попадают далеко не все лица, ищущие работу. Кроме того, вследствие разного подхода к учету безработных цифры по отдельным странам иногда трудносопоставимы; в частности, за более низким уровнем полной безработицы в ряде случаев скрывается более высокий уровень частичной безработицы[2]. И тем не менее даже далеко не полные официальные данные показывают громадный рост безработицы в период кризиса.

В **США** в 1975 г. число лиц, не имеющих работы, достигло почти 8 млн. человек, или 8,5% экономически активного населения, что выше соответствующих показателей в самые худшие годы послевоенного периода (при этом не учитываются несколько миллионов человек, переведенных на сокращенную рабочую неделю). Занятость в том же году уменьши-

[2] ILO. Employment, Growth and Basic Needs: A One-World Problem. Report of the Director-General. Geneva, 1976, p. 82.

лась на 1,1 млн. человек (против роста на 1,5 млн. в 1974 г.). Такого резкого падения ее в периоды предыдущих послевоенных кризисов в США не наблюдалось. В первом полугодии 1976 г. абсолютная численность занятых стала возрастать, но безработица за год уменьшилась весьма незначительно. По официальным данным, в ноябре она составляла свыше 7,5 млн. человек (7,9%), а по данным профсоюзов — свыше 10 млн.[3].

Еще более резким в 1975 г. был взлет безработицы в **ФРГ** — самой «благополучной» в этом отношении стране: число безработных в 1970 г. не превышало здесь 149 тыс. (0,7%), а на промышленных предприятиях и в сфере услуг использовался труд 3—4 млн. иностранных рабочих. В конце 1975 г. в ФРГ было уже почти 1,5 млн. безработных (5,2%) и, кроме того, 850 тыс. частично безработных[4]. К середине 1976 г. ситуация несколько улучшилась главным образом в результате высылки из страны свыше 600 тыс. иностранных рабочих, которых увольняли в первую очередь. Но в целом безработица осталась необычайно высокой, особенно в ряде промышленных районов (прежде всего в Руре).

Во **Франции**, где до кризисного взрыва безработица хотя и была намного большей, чем в ФРГ, но все же, если исключить предкризисный период, довольно низкой, кризис дал сильный импульс ее росту. По официальным данным, число безработных осенью 1975 г. составляло почти 840 тыс. человек (5%), а по данным ВКТ, — не менее 1,2 млн. полностью безработных и 400 тыс. частично безработных. Некоторое оживление конъюнктуры в 1976 г. отнюдь не привело к уменьшению их численности; в августе число полностью безработных даже возросло до 1,3 млн. человек и лишь частичная безработица слегка сократилась. Особенно сильно безработица затронула отсталые районы запада, юго-запада и юга Франции, где она и прежде была намного выше, чем средняя по стране. В 1974—1975 гг. перестал поглощать избыточную рабочую силу из других частей страны и Парижский район, который сам превратился в один из крупных очагов безработицы.

Чрезвычайно тяжелая обстановка сложилась на рынке труда в **Великобритании**, где число ищущих работу в 1975 г. также превысило 1 млн. человек (4,4%), а в августе 1976 г. достигло 1,5 млн. (6,4%). Как и во Франции, наиболее высок уровень безработицы в отсталых районах — в Северной Ирландии (10,6%), Северной Англии (7,8%)[5].

Что касается **Италии**, то рост безработицы в 1975 г. был здесь относительно меньшим, чем в других развитых капиталистических странах, однако ее уровень с начала 1975 г. и до лета 1976 г. составлял около 6% (1,2 млн. человек)[6]. Эти данные почти вдвое выше указанных в таблице, поскольку официальная статистика исключает из своих подсчетов примерно 800 тыс. человек, получающих пособия по безработице из специальной «интеграционной кассы»[7]. С прекращением эмиграции итальянских рабочих в государства Западной Европы ситуация еще более ухудшилась. В 1976 г. экономическое положение страны оставалось тяжелым, занятость продолжала снижаться почти во всех отраслях промышленности и проблема безработицы еще больше обострилась.

В **Японии**, по официальным данным, безработица выросла в 1975 г. до 1 млн. человек — почти на 68% против 1970 г., но уровень ее составлял 1,9%, что намного ниже, чем в западноевропейских странах и тем более в США. Однако японская статистика безработицы еще менее точна, чем в других капиталистических государствах, и не охватывает очень мно-

---

[3] «The New York Times» 6.XI.1976; «Правда», 18.I.1977.
[4] «Wirtschaftswoche», 5.XII.1975, S. 15.
[5] «Monthly Digest of Statistics», December 1976, p. 25.
[6] «Unità, 12.X.1976.
[7] Ibid., 26.II.1976.

гих категорий трудящихся — женщин, временных и поденных рабочих[8], которых обычно увольняют в первую очередь. Несмотря на некоторое оживление в промышленности в 1976 г., положение на рынке труда было далеко не благоприятным для японских трудящихся: безработица продолжала нарастать. Примечательно, что в 1976 г. увольнения коснулись и постоянных рабочих; их занятость во II квартале была почти на 3% ниже, чем в тот же период 1975 г.[9].

Сохранение высокого уровня безработицы типично для большинства промышленно развитых капиталистических стран, причем удлиняются сроки пребывания в рядах армии «лишних рук», увеличивается численность полубезработных, главным образом вследствие перевода трудящихся на сокращенную рабочую неделю.

По мнению многих буржуазных экономистов, перспективы возврата к высокой занятости и в целом небольшой безработице 60-х годов по крайней мере в течение ближайших пяти и даже десяти лет выглядят весьма сомнительными. Рост массовой безработицы в сочетании с безудержной инфляцией, дороговизной и потерей немалой части заработков у подавляющего большинства работников наемного труда нанес тяжелый удар по жизненному уровню трудящихся. В свою очередь, подрыв покупательной способности широких масс ограничил возможности быстрого оживления экономики и поставил правящие круги перед необходимостью резкого увеличения непосредственной помощи безработным при одновременном проведении стимулирующих мероприятий для увеличения инвестиций (облегчение кредита, предоставление налоговых льгот для расширения производства или строительства новых предприятий и различных целевых субсидий предпринимателям). Однако монополистический капитал в 1975—1976 гг. воздерживался от сколько-нибудь значительных инвестиций, число рабочих мест продолжало сокращаться, и, по прогнозам большинства буржуазных экономистов, темпы экономического роста во второй половине 70-х годов будут сильно отставать от предкризисных, а безработица сохранится на более высоком уровне, чем тот, который считался в 60-х годах «нормальным» и «неопасным» в социальном отношении (4—5% для США и 2—3% для развитых стран Западной Европы).

СТРУКТУРА БЕЗРАБОТИЦЫ

В 1974—1976 гг. по сравнению с предкризисным периодом претерпел значительные изменения состав безработных. Прежде в число лиц, не имеющих работу, попадали большей частью полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие, а также, но уже в меньшей степени, служащие с низкой квалификацией. В 1974—1976 гг. безработица охватила практически все профессионально-квалификационные и возрастные категории лиц наемного труда.

Новым явлением стал рост безработицы среди служащих. В США в середине 1975 г. они составляли свыше 1/4 всех безработных, причем в расчет принимались лишь те, кто прежде имел работу[10]. Массовые увольнения не только промышленных рабочих, но и служащих различных категорий, специалистов с высшим образованием, управляющих и т. п. имели место также и в Великобритании. В марте 1976 г. «белые воротнички» составили здесь 24,5% всех безработных[11]. В ФРГ, несмотря на

---

[8] Поденным в Японии считается рабочий, нанятый на срок до одного месяца, а временным — на срок более одного месяца, но не свыше одного года. Система найма на временную работу широко распространена не только в торговле и сфере услуг, но и во многих отраслях промышленности. Постоянные работники большей частью трудятся на одном предприятии всю жизнь — практика, уходящая своими корнями в традиции японского патернализма.

[9] «Main Economic Indicators», OECD, November 1976, pp. 58, 59.

[10] «Employment and Earnings», July 1976, p. 29.

[11] «Department of Employment Gazette», June 1976, p. 609.

некоторое улучшение положения дел на рынке труда к лету 1976 г., число безработных служащих возросло по сравнению с предыдущим годом на 25,1%[12]. Сходные процессы наблюдались во всех других развитых странах капитализма. Следует отметить, что этим категориям работников наемного труда, привыкшим к более или менее стабильной занятости, потеря работы наносит особенно глубокие психологические травмы.

Значительную часть безработных все же составляют и ныне менее квалифицированные группы, среди них в Западной Европе — иностранные рабочие, а в США — небелые.

Массовые увольнения в 1974—1976 гг. особенно сильно затронули иностранных рабочих. Примечательно, что безработные иммигранты лишь в небольшом количестве покидали страны Западной Европы. Дело в том, что многие из них надеялись получить здесь хоть небольшие пособия[13] и, кроме того, опасались, что после возвращения на родину уже не смогут вернуться назад, поскольку повсеместно были введены существенные ограничения для новой иммиграции. В наиболее трудном положении оказались нелегально прибывшие иностранные рабочие, доля которых составляет по крайней мере 10% от всех иммигрантов: при потере работы они не могли рассчитывать на пособия[14].

Не менее сложным является положение иммигрантов в США, постоянный приток которых усложняет решение проблемы занятости. За период 1964—1974 гг. в страну прибыло легально 3,5 млн. человек, а с учетом нелегально прибывших — 8—12 млн. человек. В общей сложности они составляли свыше 10% рабочей силы в стране[15]. Во время кризиса именно рабочие-иммигранты стали первыми жертвами увольнений.

Не в лучшем положении оказались многие категории трудящихся женщин, которые в большинстве случаев как в промышленности, так и в сфере услуг заняты малоквалифицированным трудом. Рост экономически активного населения не только абсолютный, но и относительный, четко выявившийся во второй половине 60-х годов, был в значительной мере связан с усилившимся стремлением женщин к получению работы по найму. Доля женщин в экономически активном населении промышленно развитых стран неуклонно возрастала (до 40% от всего экономически активного населения Соединенных Штатов, свыше 30% в странах Западной Европы). Но почти в такой же степени, как увеличивался приток женщин на рынок труда, среди них даже в предкризисные годы усиливалась безработица. Так, в США женщины составляли в 1960 г. 35,5%, в 1973-м — 48,0%, в июне 1976 г. — 45,9% всех безработных[16].

В других крупных капиталистических странах полная и в особенности частичная безработица также крайне тяжело отразилась на положении трудящихся женщин. В 1975 г. в Италии, например, они составляли 37,5% всех безработных и 53,3% не полностью занятых[17]. В Японии кризис побудил многих предпринимателей увольнять женщин в возрасте старше 30 лет, а при найме — отдавать предпочтение наиболее молодым, которым «традиционно» можно платить гораздо более низкую заработную плату.

Особенно велики масштабы безработицы среди молодежи. Это явление порождено отнюдь не только одним экономическим кризисом. Капиталистическое общество не смогло обеспечить нужную профессиональную подготовку и работу для крупных контингентов молодежи, появившихся на

[12] «Informationen zur Wirtschaftsentwicklung und Lage der Arbeiterklasse», № 3, 1976, S. 12.

[13] Например, в Италию вернулись в 1975 г. лишь 250 тыс. человек, или около 10% эмигрантов («Unità», 16.II.1976).

[14] «The Economist», 9.VIII.1975, p. 24.

[15] «The New York Times», 9.XI.1976.

[16] «Manpower Report of the President», February 1974, p. 271; «Employment and Earnings», July 1976, p. 28.

[17] «Paese sera», 15.I.1976.

свет в первое послевоенное десятилетие, когда в большинстве промышленно развитых стран отмечалась наиболее высокая рождаемость. В итоге уровень безработицы среди молодежи повсюду намного превысил существующий у остальных категорий трудящихся (за исключением женщин всех возрастов, о чем говорилось выше). Между тем анализ демографических тенденций показывает, что, судя по всему, большой прирост молодежи в составе экономически активного населения в Западной Европе и США сохранится примерно до середины 80-х годов, хотя и с существенными колебаниями по отдельным странам.

В США доля безработных среди молодежи в возрасте 16—19 лет в 1973 г. достигала 14,5%, а негритянской—30,2%, в 1974 г.— соответственно 16 и 33% и весной 1975 г.— 22 и 40% [18]. Еще выше доля безработной молодежи в Западной Европе: в Великобритании в конце 1976 г. свыше 44% безработных были в возрасте до 25 лет, во Франции—38%, в ФРГ—почти 30%, в Италии—свыше 33% [19].

Число «лишних» молодых людей продолжает возрастать. Только в странах Общего рынка в начале 1977 г. число безработных в возрасте до 25 лет достигло 2 млн. человек, причем довольно велика доля тех, кто только что окончил средние и высшие учебные заведения. В силу этого современная безработица аккумулирует в себе еще больший заряд социального возмущения, чем прежде. «Бомба с зажженным фитилем, готовая взорваться в любое мгновение» — такими словами охарактеризовал проблему молодежи в странах капитала американский журнал «Тайм» в статье с красноречивым названием «Разочарованное поколение». Вчерашних школьников ожидают многолетние поиски работы, пока они не убедятся, что никому не нужны. Не лучше положение и тех, кому посчастливилось окончить высшее учебное заведение. И они пополняют ряды безработных [20]. Многие буржуазные исследователи с горечью признают, что нынешнее поколение молодых людей на Западе—это своего рода «класс, который подвергается постоянным лишениям». Психологическая травма, наносимая молодому поколению безработицей, считают французские социологи, тяжело отразится не только на его взглядах, но и на отношении к труду, на качестве продукции и управления. Глубокое разочарование молодежи в самом характере отношений в капиталистическом мире, отмечает цитированный выше журнал «Тайм», «может привести к потрясениям».

Массовые увольнения, происходившие в 1974—1976 гг. и продолжающиеся, хотя и в меньших масштабах, в 1977 г., имеют далеко идущие последствия для рабочего класса в целом. Во всех странах предприниматели осуществляют отбор наиболее «выгодных» для себя работников, стремятся избавиться от тех, кто не справляется с повышенными нормами выработки или протестует против них, увольняют профсоюзных активистов и лиц, неугодных им по политическим мотивам, и т. п.

Характерной чертой политики монополистического капитала в условиях громадной безработицы являются попытки всячески усилить эксплуатацию тех, кто оставлен на работе. Одновременно повсеместно готовится или уже проводится реорганизация производства, перевод его на более высокий технический уровень, при котором благодаря новому оборудованию количество выпускаемой продукции резко возрастет, а расходы на рабочую силу снизятся. На многих крупных предприятиях разрабатываются новые формы эксплуатации, включающие в себя так называемое «обогащение» содержания труда, расчленение конвейера на отдельные, полусамостоятельные участки и циклы операций, создание «автономных бригад» и т. п. Все это должно вести к повышению выработки опять-таки у меньшего количества занятых и вместе с тем к повышению прибылей предпри-

[18] «Monthly Labor Review». July 1975, pp. 76, 78.
[19] «Time», 13. XII.1976, pp. 13, 14.
[20] См. «Time», 13.XII.1976, p. 13.

нимателей. Аналогичные цели преследуются и в тех случаях, когда имеет место резкое сокращение рабочей недели при большом увеличении продолжительности рабочего дня, использование части рабочих в течение неполного дня и т. д. Предприниматели стремятся таким образом получить максимальную отдачу от эксплуатации дорогостоящего оборудования и избежать сверхурочных работ, которые оплачиваются по повышенным тарифам. Кроме того, монополиям для подготовки квалифицированных, но сравнительно немногочисленных кадров предоставляются государственные субсидии.

В результате еще больше ограничиваются возможности для массы молодежи получить профессиональную подготовку и соответствующую работу. Правящие круги развертывают широкую пропаганду «ценности простого физического труда» и ориентации молодежи на неквалифицированную низкооплачиваемую работу, не требующую специального обучения.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Экономический кризис нанес двойной удар по трудящимся: наряду с беспрецедентным взлетом безработицы невиданными темпами растет дороговизна жизни. В прошлом кризисные фазы цикла были связаны обычно с понижательной тенденцией цен. В последнее время в результате интенсивного неконтролируемого процесса инфляции, нарастающего с середины 60-х годов, отчетливо выявилась тенденция увеличения цен не только в фазе подъема, но и в период кризиса. Это новое явление в развитии современного капитализма тесно связано с огромным увеличением военных расходов, ростом бюджетных дефицитов, расстройством механизма государственно-монополистического регулирования, с одной стороны, и ускорением концентрации и монополизации производства и усилившимся воздействием монополий на процесс ценообразования — с другой. Повышательному движению цен способствовало также переплетение циклического кризиса с рядом структурных кризисов (сырьевым, энергетическим, продовольственным).

Рост стоимости жизни в большинстве развитых капиталистических стран в 1974 и 1975 гг. измерялся двузначными цифрами. В среднем стоимость жизни в них увеличилась в 1974 г. на 12,6%, а в 1975 г.— еще на 11% [21]. Хотя в 1976 г. темпы инфляции замедлились, тем не менее потребительские цены в апреле 1976 г. были на 9% выше, чем год назад [22]. При этом особенно подорожали предметы первой необходимости: за 1974—1975 гг. цены на продовольствие в 7 главных капиталистических странах (США, Япония, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия, Канада) выросли в среднем на 33%, в том числе в Японии и Италии—на 48%, Великобритании—на 45%, Канаде—на 31%, во Франции — на 26% [23]. Резко подскочили квартирная плата, стоимость медицинского обслуживания.

В условиях кризиса и инфляции особенно ощутимым становится усиливающееся давление налогового пресса. Сумма подоходного налога, взимаемого с населения, увеличилась в 1975 г. в ФРГ—на 3%, в США—на 6,9%, в Канаде, Франции и Японии—на 12%, в Италии— на 27%, в Великобритании—на 34% [24]. Осуществляемые буржуазным государством в качестве антикризисных мер налоговые реформы, которые рекламируются как средство повышения покупательной способности населения, в действительности приносят выгоды лишь монополистическим корпорациям.

[21] «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1975 и начало 1976 г.» (Приложение к «МЭ и МО», № 8, 1976, стр. 9).
[22] «МЭ и МО», № 9, 1976, стр. 66.
[23] «Экономическое положение...», стр. 10.
[24] Там же.

В результате резкого увеличения стоимости жизни и роста налогов в ряде капиталистических стран происходит снижение реальных доходов населения. По данным Организации экономического развития и сотрудничества, совокупные реальные доходы иаселения 7 главных капиталистичесних стран уменьшились в 1974—1975 гг. в среднем на 1,3%. Только в 1975 г. они сократились в США на 2,6%, в Италии — иа 2,3%, в ФРГ—на 1,5%[25]. За этими средними цифрами, включающими высокие и постоянно растущие доходы высших служащих, скрывается еще более ощутимое снижение реальных заработков рабочего класса.

Так, у рабочих обрабатывающей промышленности **США** недельная реальная заработная плата в 1975 г. сократилась по сравнению с 1973 г. на 9,7%, а у строительных рабочих—на 11%. Нерадостны и перспективы на ближайшее время. Вопреки справедливому требованию американских профсоюзов о повышении национального минимума заработной платы на 30% правительство и предприниматели, по-видимому, будут стремиться не допускать такого роста этого минимума. Судя по всему, на сколько-нибудь значительиое улучшение социально-экономического положения очень многим слоям трудящихся США, прежде всего лицам, имеющим доход ниже официального прожиточного минимума (их число достигло уже 40 млн. человек), рассчитывать не приходится.

Впервые за много лет произошло заметное снижение темпов роста номинальной заработиой платы в **Японии.** Все прибавки, вырваиные ценой весенних и осенних наступлений 1975 и 1976 гг., «съедаются» ростом цен. В 1975 г. иидекс потребительских цен на товары и услуги был на 72% выше, чем в 1970 г., а в первом полугодии 1976 г.—уже на 82% выше, причем особенно повысились цены на продовольствие и квартплату (на 96,4%)[26].

В **Великобритании,** где темпы инфляции особенно высоки, правительственная программа регулирования цен и доходов главным образом тормозит повышение заработной платы, тогда как эффект ее влияния на снижение цен почти неощутнм. Лейбористское правительство проводит эту программу под видом так называемого «социального контракта», который в первой фазе—до лета 1975 г.—предусматривал добровольное согласие профсоюзов не добиваться повышения заработной платы, превышающего рост стоимости жизни, а во второй фазе—с лета 1975 г.—ограничеиие роста заработной платы 10% при отсутствии контроля над ценами. В итоге реальные заработки рабочих и служащих (до уплаты налогов) снизились с ноября 1974 по октябрь 1975 г. на 3,6%, но поскольку снльно возросли подоходный налог и взносы в фонды социального страхования, то с учетом этого обстоятельства средияя недельная заработная плата упала на 8,3%.

Во **Франции** и **Италии,** где профсоюзы успешно отбивают попытки правительства и предпринимателей заставить их отказаться от требоваиий повышения заработной платы, ее слабый рост перестал «справляться» с дороговизной, повышением иалогов и взносов в социальные фонды. Кроме того, во Франции небывалая засуха летом 1976 г. привела к особенно значительному росту цен на продукты питаиия, что ставит в весьма тяжелое положение массу низкооплачиваемых рабочих и служащих: свыше 80% из них получают менее 2 000 фр. в месяц, тогда как именно эта сумма, по оценкам профсоюзов, должна составлять минимум заработной платы. Однако правительство в 1976 г. объявило, что в рамках «политики цен и доходов» повышение заработной платы не должно превышать 6,5% в 1976 и 1977 гг. В то же время, по подсчетам ВКТ, за январь — ноябрь 1976 г. цены уже выросли иа 9,7%, что по крайней мере на 2,5% больше, чем показывает официальный, явно заниженный индекс

[25] Там же.
[26] «Main Economic Indicators», OECD, August 1976, p. 150.

стоимости жизни. Следовательно, ограничение роста заработной платы пределом в 6,5% означает дальнейшее падение реальных заработков трудящихся [27].

В **ФРГ** повышение налогов на 16,8% и взносов в социальные фонды до 13% от средней заработной платы привело к тому, что к началу 1976 г. реальные доходы трудящихся сократились на 2,5% [28].

В обстановке кризиса увеличился и дефицит социальных услуг, ставший весьма ощутимым даже в самых развитых капиталистических странах. И тем не менее буржуазные правительства одно за другим объявляют о сокращении ассигнований на образование, здравоохранение, социальное обеспечение.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕД ТРУДНЫМ ИСПЫТАНИЕМ

Своеобразие нынешнего кризиса, и прежде всего беспрецедентное сочетание глубокого спада производства с галопирующей инфляцией, вызвало замешательство среди буржуазных теоретиков и политиков. Обычно они использовали паллиативные меры, которые были направлены порознь — либо против кризиса, либо против инфляции. При сочетании же того и другого привычные «лекарства» оказывались не только неэффективными, но лишь усугубляли болезнь. Дело в том, что традиционные средства антикризисной политики буржуазных правительств в современной обстановке были чреваты опасностью усиления инфляционного процесса, а антиинфляционные меры могли привести к углублению спада и росту безработицы. В результате поле для маневрирования традиционными средствами буржуазной экономической политики резко сократилось.

Отсюда — всякого рода колебания и непоследовательность. Антиинфляционный курс (нередко с опозданием) сменяется антикризисным и наоборот. Так, например, в США во второй половине 1974 г. в условиях сокращения производства и быстрого роста безработицы была принята антиинфляционная программа. В Японии в середине 1975 г., когда в стране бурно развивалась инфляция (с мая 1974 г. по май 1975 г. цены возросли на 11,7%), правительство отдавало предпочтение мерам оживления хозяйственной конъюнктуры путем понижения учетной ставки.

Глубокий и всеобъемлющий характер экономического кризиса остро поставил вопрос о жизнеспособности самой системы капиталистического предпринимательства. Некоторые буржуазные теоретики (американский профессор В. Леонтьев, один из руководящих деятелей ЕЭС Анри Симоне и др.) заговорили о необходимости планирования. Впервые были предприняты попытки согласования антикризисной политики империалистических держав на международном уровне (совещание в Рамбуйе в ноябре 1975 г., в Пуэрто-Рико в июне 1976 г., в Лондоне в мае 1977 г.).

Антикризисные программы буржуазных правительств несут на себе явный отпечаток классовой направленности и ограниченности. Так, меры по снижению налоговых ставок и облегчению кредита преследуют прежде всего цель обеспечить благоприятные условия для роста капиталистических прибылей. То же самое относится и к антиинфляционным мерам. Вводимые буржуазными правительствами экономия расходов и контроль над доходами и ценами на деле оборачиваются урезыванием капиталовложений на социальные нужды и «замораживанием» заработной платы или ограничением ее роста.

Несмотря на то, что в нынешней обстановке тенденция к еще большей неустойчивости занятости и увеличению безработицы по сравнению с предшествующим десятилетием проявилась вполне отчетливо, в програм-

[27] «Peuple», 1-15XI.1976, pp. 1, 5; «Perspectives», 30.IX.1976, p. 25.
[28] «IPW-Forschungshefte», № 2, 1976, S. 117; «Informationen...», № 1, 1976, S. 7.

мах по регулированию рынка труда, выдвинутых в 1975—1976 гг. в большинстве промышленно развитых стран капитализма, предусматриваются главным образом кратковременные меры, направленные лишь на ликвидацию последствий экономического кризиса 1974—1975 гг.

В **США** президент Дж. Картер, победа которого на выборах в немалой степени объясняется и широко распространившимся недовольством в связи с неэффективностью экономической политики прежней администрации, сразу же после прихода к власти выдвинул свою программу антикризисных мероприятий. Главный акцент в ней делался на стимулирование экономики с помощью сокращения налогов. Предполагалось, в частности, уменьшить на 7—11 млрд. долл. налоги, уплачиваемые в 1977 г. за 1976 г., и сократить в последующем налоги на доходы частных лиц и корпораций соответственно на 4 и 2 млрд. долл. ежегодно[29]. Общая сумма снижения налогов за два года должна была составить 31,2 млрд. долл. Однако, как показали последующие события, эта цифра во многом носила рекламный характер. Под предлогом продолжающейся инфляции она была снижена на 12,5 млрд. долл.

Некоторые буржуазные экономисты высказывают обоснованные сомнения по поводу эффективности подобных мер. Так, по мнению американского экономиста М. Фридмена, эти меры правительства приведут к значительному увеличению дефицита государственного бюджета, за который трудящемуся населению придется расплачиваться усилением инфляции и увеличением налогов в будущем для выплаты государственных займов[30].

Экономическая программа Картера предусматривает и некоторое увеличение государственых расходов на осуществление ряда проектов, включающих общественные работы. Ассигнования на эти цели возрастут в 1977/78 фин. г. на 2 млрд. долл., а в следующем финансовом году — на 5—8 млрд. долл. В результате численность занятых на общественных работах должна возрасти с 260 тыс. до 500 тыс. в 1977 г. и до 725 тыс. в 1978 г.[31]. При наличии почти 8-миллионной армии безработных перспективы довольно скромные!

Предложенная Картером программа ставит целью обеспечить темпы развития экономики в 1977 г. в размере 6% и сократить безработицу на 1,5% против существующего уровня (8,1% экономически активного населения). Однако многие американские экономисты отмечают, что намеченные мероприятия вряд ли позволят выполнить эту задачу.

В 1975 г. программу поддержания занятости, улучшения образования и подготовки молодых рабочих приняло федеральное правительство **ФРГ**, ассигновав на это 200 млн. марок[32]. Поскольку за период с середины 1975 г. до середины 1976 г. общая численность безработной молодежи в возрасте до 20 лет повысилась на 12,6%, а численность окончивших университеты и другие высшие учебные заведения—на 32%[33], то правительство вновь вернулось к вопросу о мерах по улучшению положения с занятостью. В декабре 1976 г. канцлер Г. Шмидт заявил, что в 1977 г. на эти цели предполагается выделить 1,5 млрд. марок, и призвал предпринимателей и профсоюзы «проникнуться социальной ответственностью» для осуществления задачи по обеспечению «полной занятости». Г. Шмидт обещал также сохранить в 1977 г. все ограничения по найму новой иностранной рабочей силы и решить вопрос о находящихся в ФРГ нескольких миллионах иностранных рабочих на специальной комиссии с участием представителей всех общественных сил[34].

---

[29] «БИКИ», 15.I.1977.
[30] «U. S. News and World Report», 7.III.1977, p. 20.
[31] «Newsweek», 17.I.1977, p. 4; «Time», 17.I.1977, p. 17.
[32] «Archiv der Gegenwart», 18—27.II.1976, S. 20025B.
[33] «Informationen...», № 3, 1976, S. 12.
[34] «Neue Zurcher Zeitung», 18.XII.1976.

В **Великобритании** правительство в 1976 г. также наметило ряд мероприятий, призванных смягчить безработицу среди молодежи. Одним из них является предоставление субсидий частной промышленности в размере 10 ф. ст. в неделю на каждое рабочее место для молодого человека в возрасте до 20 лет, находящегося без работы в течение полугода. Всего на эти цели было выделено 5,4 млн. ф. ст., что явно недостаточно при существующем уровне безработицы [35]. К тому же срок действия субсидирования рабочих мест был ограничен шестью месяцами. Другой мерой является ассигнование 19 млн. ф. ст. на расширение курсов профессиональной подготовки, рассчитанных на 30 тыс. человек, и финансирование части расходов компаний, осуществляющих профподготовку на своих предприятиях. Предполагается, что программа в целом может дать работу 60 тыс. молодых людей, что в 11 (!) раз меньше, чем количество юношей и девушек, занятых поисками работы (652 тыс. человек).

В **Италии**, где, по оценкам экономистов, среди учащихся высших технических учебных заведений только 5% могут рассчитывать на получение постоянной работы, а 30% обречены на безработицу в течение по крайней мере 2 лет (остальные могут найти работу, но не по специальности или временную), правительство в конце 1976 г. одобрило ассигнование 440 млн. долл. на создание 300 тыс. рабочих мест в частных фирмах и в сельском хозяйстве и 120 тыс. мест в государственном секторе [36].

В **Японии** в 1975 г. правительство приняло «программу регулирующих субсидий», цель которой заключается в оказании помощи частным компаниям для сохранения ими наиболее нужной рабочей силы. В 1975 г. ассигнования по этой программе составили 54,5 млрд. иен и охватили почти 60 тыс. компаний с числом занятых около 3 млн. человек. На 1976 г. были выделены еще 39,9 млрд. иен [37].

Перечисленные выше меры, предпринимаемые правящими кругами, естественно, не могут не только решить проблему безработицы, но и сколько-нибудь существенно ослабить ее.

Как известно, под давлением рабочего класса в развитых капиталистических странах создана система страхования по безработице, предусматривающая ряд мер по смягчению ее последствий для трудящихся. Однако перед лицом возросших экономических трудностей особенно остро ощущаются серьезные изъяны этой системы. Прежде всего пособия получают далеко не все безработные. В большинстве случаев они предоставляются только тем, кто имеет соответствующий стаж работы и был застрахован в течение определенного срока. В некоторых странах страхование по безработице не охватывает отдельные категории трудящихся (сельскохозяйственных рабочих, домашнюю прислугу, временных рабочих и т. д.). В США вследствие жестких условий предоставления пособий, а также в силу ряда других причин пособия получают не более половины безработных.

Большей частью ограничивается и срок выплаты пособия. В США в соответствии с чрезвычайным законодательством в конце 1974 г. он был продлен с 26 до 52 недель. Тем не менее, по оценке помощника министра труда Колберга, к концу 1975 г. примерно 1 млн. безработных лишался права на получение пособия [38].

По своему размеру пособия, конечно, отнюдь не компенсируют материальный ущерб, причиняемый трудящимся вынужденной безработицей. В Англии, по приблизительным оценкам, пособие составляет 50% заработной платы. Во Франции большинство безработных получают по-

---

[35] «Department of Employment Gazette», August 1976, pp. 827, 828.
[36] «Time», 13.XII.1976, p. 14.
[37] «The Oriental Economist», № 786, 1976, p. 40; «Economic Survey. Japan», OECD, 1976, p. 18.
[38] «Business Week», 21.IV.1975, p. 27.

собие в размере $^2/_3$ прежней заработной платы [39]. В ФРГ из фонда, образуемого за счет взносов работающих по найму и предпринимателей, безработным, имеющим трудовой стаж до потери работы не менее 6 месяцев, выплачивается страховое пособие в размере 68% прежнего заработка. В США размер пособий в различных штатах неодинаков. В 15 штатах, в которых, однако, проживает около половины рабочих, охваченных страхованием по безработице, максимальное недельное пособие не достигает и половины средненедельной заработной платы. В 31 штате пособия составляют от 50 до 64% средненедельной заработной платы и только в 4 достигают $^2/_3$ ее [40].

Таким образом, ни государственное регулирование экономики, ни существующие системы страхования не обеспечивают надежной защиты трудящихся от безработицы и связанных с ней материальных и моральных лишений и других социальных бедствий, усугубленных кризисом. Только мужественная, организованная борьба рабочего класса способна вносить коррективы в действие законов капитализма, обрекающих миллионы людей на вынужденную безработицу и вызывающих постоянный рост стоимости жизни.

НОВЫЙ ПОДЪЕМ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Несмотря на давление массовой безработицы, классовая борьба не только не затухает, но приобретает еще больший размах и еще более острые формы. Во многих случаях она выливается во всеобщие, общенациональные, а иногда и межнациональные забастовки, приводит к занятию предприятий рабочими в ответ на решение предпринимателей об их закрытии.

Все более важное место в выступлениях трудящихся в последнее время занимает борьба против увольнений. Профсоюзы решительно добиваются права на обсуждение и контроль всех решений, предусматривающих сокращение и перестановку персонала, а также проектов реорганизации предприятий, равно как и всех других вопросов, касающихся занятости.

Среди демократической общественности ширится понимание того, что как бы ни была важна сама по себе борьба против увольнений в рамках отдельных предприятий, она не может в полной мере обеспечить защиту интересов трудящихся. Рабочий класс и его организации требуют признания права на труд в конституциях и национальном законодательстве, социальной защиты любого лица, ищущего работы, путем предоставления пособий, обеспечивающих ему и членам его семьи приемлемые условия существования. В частности, широкую поддержку среди трудящихся получает требование гарантированного дохода в размере 90% заработной платы и эффективного содействия со стороны государственных органов в подыскании работы, а также уменьшения продолжительности рабочей недели без сокращения оплаты.

Первостепенное значение в условиях непрекращающейся инфляции и роста дороговизны приобретает сохранение покупательной способности заработной платы и социальных выплат трудящимся. Некоторые коллективные договоры предусматривают подвижную шкалу заработной платы в зависимости от повышения индекса стоимости жизни. Однако это средство защиты покупательной способности заработков трудящихся пока еще не является достаточно эффективным. Во-первых, пункт о подвижной шкале

---

[39] В декабре 1974 г. во Франции была введена новая система социального обеспечения безработных, предусматривающая выплату уволенным по экономическим причинам 90% прежней зарплаты. Однако такую компенсацию на начало 1975 г. получили лишь 3,7% безработных. Даже при полном введении этой системы она охватит, согласно имеющимся оценкам, лишь 20—30% лиц, получающих пособие.

[40] «Manpower Report of the President», February 1974, p. 46.

заработной платы распространяется на ограниченную часть рабочих [41]. Во-вторых, пересмотр ставок заработной платы значительно отстает во времени от повышения стоимости жизни. В-третьих, система подсчетов официальных индексов стоимости жизни имеет существенные недостатки, которые приводят к занижению действительных размеров дороговизны.

В связи с этим профсоюзы развертывают борьбу за распространение пункта о подвижной шкале на всех рабочих и служащих, за компенсацию потерь и покупательной способности заработков, которые происходят за период, предшествующий пересмотру ставок. Профсоюзы выступают также в защиту интересов трудящихся, живущих на пенсии, пособия и другие социальные выплаты, добиваются пересмотра официальных индексов стоимости жизни с тем, чтобы они полнее отражали реальную картину роста дороговизны товаров и услуг, входящих в круг повседневного потребления трудящихся.

Борьба против последствий кризиса, разумеется, не ограничивается коллективными договорами. Она развертывается на всех уровнях и неизбежно приводит к прямой конфронтации трудящихся со всей системой государственно-монополистического капитализма. В противовес стремлению монополий ограничить рост заработной платы рабочее движение выступает за введение эффективной системы контроля над ценами. Оно добивается экономии государственных средств не за счет социальных расходов, а на путях сокращения военных расходов, закрытия различных лазеек, позволяющих корпорациям уклоняться от уплаты налогов на часть своих прибылей.

Отстаивая право на труд, выступая за сохранение и повышение жизненного уровня, организации рабочего класса все острее ощущают необходимость выработки альтернативных демократических программ, предусматривающих борьбу не только против **последствий**, но и против **самой** политики монополий, программ, учитывающих, в частности, качественно новые аспекты и всю сложность проблем безработицы и инфляции, их связь со всем комплексом острейших социально-экономических противоречий современного капитализма, углублением его общего кризиса.

В противоположность политике монополий, прикрываемой демагогическим лозунгом «равного» распределения бремени кризисной ситуации, а на деле перекладывающей всю ее тяжесть на плечи трудящихся, коммунистические и рабочие партии, классовые профсоюзы выдвигают реалистические программы, предусматривающие коренные сдвиги в экономических структурах, переориентацию ресурсов и изменение системы приоритетов. Речь идет при этом не только о сбалансированном экономическом развитии на основе демократического программирования экономики, но и о создании новых рынков, в значительной мере за счет удовлетворения коллективных социальных потребностей трудящегося населения (здравоохранение, образование, бытовое обслуживание, детские учреждения, жилищное строительство, охрана природной среды и т. п.). Естественно, что финансирование подобных программ возможно лишь при прекращении гонки вооружений.

Борьба за коренные социальные и демократические реформы развертывается ныне в обстановке углубляющегося кризиса всех сторон жизни капиталистического общества. Как подчеркивается в документе, принятом Берлинской конференцией коммунистических и рабочих партий, «рабочий класс, трудящиеся капиталистической Европы борются за демократический выход из кризиса, за выход, который отвечает интересам народных масс и открывает путь к социалистическому преобразованию общества» [42].

---

[41] В США, например, на конец 1974 г. из 5 млн. рабочих, охваченных действием коллективных договоров, лишь 2,1 млн. имели пункт о скользящей шкале заработной платы.

[42] «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы». М., 1976, стр. 29.

Военная разрядка и перестройка международных отношений

А. НИКОНОВ

Одной из основных особенностей современного мирового развития, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», является то, что **«на основе коренных изменений в соотношении сил в мире происходит глубокая перестройка всей системы международных отношений»**. Свое практическое воплощение такая перестройка находит прежде всего в развитии процесса разрядки международной напряженности. Разрядка, отмечал Л. И. Брежнев, «это путь от конфронтации к сотрудничеству, от угроз и бряцания оружием к решению спорных вопросов путем переговоров и в целом перестройка международных отношений на здоровых началах мирного сосуществования, взаимного уважения и взаимной выгоды».

I

За последние годы миролюбивым силам удалось добиться позитивного поворота от «холодной войны» к разрядке напряженности, к утверждению в практике международной жизни принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Отодвинута угроза мировой термоядерной войны.

Все это оказало благотворное воздействие на международную обстановку. «Успехи, достигнутые в оздоровлении политического климата планеты, — отмечается в постановлении ЦК КПСС, — стали возможны прежде всего благодаря возросшей мощи Советского Союза и других социалистических государств, их последовательной миролюбивой политике, настойчивой борьбе за мир широких народных масс на всех континентах. Правящие круги капиталистических государств ныне вынуждены считаться с полной бесперспективностью и бессмысленностью расчетов на военную победу над социализмом. Утверждаются более реалистические тенденции во внешней политике ряда капиталистических стран, признание их руководящими деятелями необходимости мирного сосуществования государств с различным общественным строем».

Несмотря на возрастающее сопротивление реакционных империалистических кругов, разрядка напряженности продолжает оставаться ведущей тенденцией развития международных отношений. Однако дальнейшее упрочение и практическая реализация этой тенденции, как и весь ход перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования, во многом зависят от того, насколько успешно и действенно политическая разрядка будет подкрепляться и дополняться разрядкой в военной области.

Военная разрядка — непременное условие и один из важных путей перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования. Такая перестройка не может быть осуществлена, если не будет

включать в себя разрядку международной напряженности в военной области. Военная разрядка неотделима от разрядки политической. Хотя каждое из этих явлений имеет свою специфику, оба они в силу взаимозависимости выступают, по сути дела, как две стороны единого процесса.

Решающая роль в этом процессе принадлежит разрядке политической. Без нее военная разрядка вообще не могла бы иметь места. Поэтому далеко не случайно, что разрядка напряженности получила первые импульсы именно в сфере межгосударственных политических отношений в результате принятия различными странами совместных мер по нормализации и улучшению своих взаимоотношений прежде всего во внешнеполитической области.

Среди таких мер можно назвать оздоровление обстановки в Европе на основе успешного развития советско-французских отношений, заключение договоров СССР и других европейских социалистических стран с ФРГ, четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Поистине историческое значение имело успешное проведение общеевропейского совещания в Хельсинки. Решающую роль в деле ослабления угрозы новой мировой войны и углубления процесса разрядки сыграл поворот к лучшему в отношениях между СССР и США, который нашел свое воплощение в таких принципиальных документах, как «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», Соглашение о предотвращении ядерной войны и ряд договоренностей об ограничении стратегических вооружений.

Эти документы в своей совокупности заложили солидную политическую и международно-правовую основу для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества СССР и США на принципах мирного сосуществования. Вместе с тем они убедительно показали, что прогресс политической разрядки тесно связан с конкретными шагами, направленными на осуществление разрядки в военной области.

В результате совещания в Хельсинки и других успехов в деле политической разрядки возросли реальные возможности перехода совместными усилиями всех государств к ее широкой и всесторонней материализации, включающей в себя разработку и проведение комплекса действенных мер по решению назревших международных проблем. Среди них первостепенная роль принадлежит мерам, нацеленным на прекращение гонки вооружений, переход к реальному разоружению, исключение из межгосударственных отношений всех форм применения силы или угрозы силой. Несомненно, что чем успешнее будет продвижение по этому магистральному пути, тем большей станет степень взаимного доверия в межгосударственных отношениях, расширятся возможности для принятия и осуществления крупномасштабных мер по материализации разрядки на таких ее важных направлениях, как всемерное расширение и углубление международного экономического сотрудничества, совместная деятельность государств по охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов и решению многих других проблем, имеющих общечеловеческое значение. В свою очередь, позитивное решение таких проблем наверняка будет способствовать созданию более благоприятной обстановки для реализации мер военной разрядки.

Процесс перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования, охватывая многие области взаимосвязей между государствами с различным общественным строем, не распространяется, разумеется, на область идеологии. Различия в идеологии государств с противоположным общественным строем — объективная историческая реальность, из которой исходят принципы и политика мирного сосуществования. Их смысл в том именно и состоит, чтобы государства могли успешно и взаимовыгодно развивать свои отношения в интересах мира и безопасности народов как раз в условиях различий в их общественном строе и несмотря на такие различия.

Поэтому любые попытки вмешиваться во внутренние дела других государств, ставить в качестве условия разрядки чуть ли не изменение их общественного строя, образа жизни или идеологии несовместимы с принципом мирного сосуществования. «Ведь предельно ясно,— подчеркивал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС,—что разрядка, мирное сосуществование касаются межгосударственных отношений. Это означает прежде всего, что споры и конфликты между странами не должны разрешаться путем войны, путем применения силы или угрозы силой. Разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы. Никто не может рассчитывать на то, что в условиях разрядки коммунисты примирятся с капиталистической эксплуатацией или монополисты станут сторонниками революции. А вот строгое соблюдение принципа невмешательства в дела других государств, уважение их независимости и суверенитета — это одно из непременных условий разрядки».

Совершенно очевидно, что такой принципиальный подход полностью относится и к военной разрядке, задачи которой совпадают с целями всего процесса перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования.

Подход к политической и военной разрядке как двум взаимосвязанным сторонам единого процесса перестройки международных отношений, конечно, не означает, что военная разрядка, или разрядка в военной области, не имеет своей особой сферы действия.

II

Межгосударственные военно-политические отношения — это совокупность военно-дипломатических, военно-технических и военно-экономических связей, которые на политической основе осуществляют между собой государства с однотипным или различным общественным строем. Конкретные проявления таких связей весьма многообразны. Они включают в себя: участие государств в двусторонних или многосторонних союзах военно-политического характера, межгосударственные переговоры и соглашения по военным аспектам проблем, связанных с послевоенным мирным урегулированием или улаживанием военно-конфликтных ситуаций, сотрудничество в области поставок и совместного производства вооружений, обмена военно-технической информацией, подготовки военных кадров и т. п. В последние годы все большее практическое значение приобретают многосторонние и двусторонние переговоры, соглашения и договоры, направленные на ограничение тех или иных видов вооружений, на принятие конкретных мер по разоружению.

Развивающийся процесс перестройки системы современных международных отношений на принципах мирного сосуществования прямо предполагает необходимость серьезных качественных изменений во всех входящих в нее компонентах, включая и межгосударственные военно-политические связи. Международная разрядка в военной области направлена на их качественное изменение, на приведение их в соответствие с ходом и задачами коренной перестройки международных отношений.

Межгосударственные военно-политические отношения — это та специфическая область, которую международная военная разрядка затрагивает наиболее прямо и непосредственно. Именно здесь она призвана в первую очередь получить свое конкретное материальное воплощение, и поэтому не будет преувеличением утверждать, что процесс военной разрядки — это прежде всего и главным образом перестройка военно-политических отношений между государствами в интересах мира и социального прогресса человечества.

Военно-политические отношения между государствами не есть нечто раз навсегда данное и застывшее. Как и всякое общественное явление, они носят исторически преходящий характер, и потому при исследовании возможностей их перестройки в полной мере применим научный марксистско-ленинский принцип историзма, суть которого состоит в том, чтобы «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1].

Для правильного представления о принципиальной возможности и перспективах военной разрядки, а по существу — преобразования военно-политических отношений, важное методологическое значение имеет указание В. И. Ленина о том, что марксизм ставит все вопросы развития общества на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению» [2].

Курс на неуклонное продвижение вперед разрядки в военной области, который последовательно проводят КПСС и Советское государство, является наглядным примером ленинского подхода. Этот курс базируется на всестороннем учете главных закономерностей общественного развития, результатов и перспектив развития мирового революционного процесса, продолжающегося изменения глобального соотношения сил в пользу мира и социализма.

Огромное значение для успешного развития позитивных тенденций имеют укрепление позиций мирового социализма, прогрессивная социальная сущность стран социалистического содружества, органически присущая им активная миролюбивая внешняя политика. Добиваясь военной разрядки, СССР, братские социалистические страны борются, как, впрочем, и на всех других направлениях своей внешнеполитической деятельности, за торжество принципов мирного сосуществования, укрепление мира и безопасности народов, предотвращение мировой войны, исключение из межгосударственных отношений всех форм прямого и косвенного военного насилия.

Вместе с тем страны социалистического содружества в полной мере учитывают, что агрессивная природа империализма не изменилась, что именно по его вине все еще сохраняется угроза мировой войны, продолжается и даже усиливается гонка вооружений, вспыхивают то в одном, то в другом районе мира военные конфликты. Все это вынуждает СССР и другие братские страны проявлять бдительность, укреплять свою обороноспособность, развивать всестороннее сотрудничество в военно-политической области, прежде всего в рамках Варшавского Договора, с целью обуздания агрессивных поползновений империализма, активного противодействия его попыткам с помощью силы или угрозы силой изменить в свою пользу соотношение сил в мире.

С точки зрения возможностей и перспектив военной разрядки весьма важно, что империализм уже оказался вынужденным серьезно считаться с реальностями современного мира, в первую очередь с фактом советско-американского «ядерного паритета» — состоянием сложившегося динамического равновесия стратегической ракетно-ядерной мощи обоих государств.

Хотя в милитаристских кругах США еще не отказались от желания нарушить такое равновесие в свою пользу путем создания новых видов оружия массового уничтожения, жизнь уже достаточно убедительно показала всю тщетность подобных надежд. «Тем, кто рассчитывает добить-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

ся военного превосходства над Советским Союзом при помощи такого оружия,— пишет член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов,— следовало бы помнить, что экономика, наука и техника в нашей стране находятся сейчас на таком высоком уровне, что мы в состоянии в кратчайшие сроки создавать любой вид оружия, на который захотели бы сделать ставку враги мира» [3].

Понимание практической невозможности добиться военного превосходства над СССР становится постепенно достоянием все более значительной части правящих кругов капиталистических стран, в том числе и США. Растет там и понимание того, что ставка на развязывание новой мировой войны гибельна и преступна. Все это сыграло немалую роль в том, что в капиталистических странах возникла и стала набирать силу тенденция к поискам договоренностей с миром социализма, пересмотру некоторых постулатов периода «холодной войны» и переходу к переговорам и соглашениям с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества относительно совместных конкретных мер военной разрядки, которые по своей объективной направленности являются начальными шагами к разоружению.

Отношения государств с различным общественным строем, развиваясь в условиях борьбы и сотрудничества, естественно, носят внутренне противоречивый характер. В них явно проступают две стороны, две тенденции. Одна из них, порожденная агрессивной природой империализма, связана с подготовкой к войнам и военным конфликтам; вторая, вызванная к жизни социализмом и поддерживаемая всеми миролюбивыми силами, непосредственно направлена на разработку и осуществление мер, имеющих целью предотвращение войн и военных конфликтов между государствами. С неуклонным ростом воздействия второй тенденции нельзя не считаться, когда речь идет о конкретном содержании и характере международных отношений.

Многообразие современного мира порождает различные типы отношений между государствами и в военно-политической сфере (между социалистическими странами, между капиталистическими государствами, между социалистическими и капиталистическими странами, между развивающимися странами, между ними и социалистическими либо капиталистическими государствами и т. п.). Первостепенное значение имеет, конечно, расширение и углубление военной разрядки между капиталистическими и социалистическими странами, постепенный перевод их военно-политических взаимоотношений на новый путь — путь поддержания мира и международной безопасности. Дальнейшее снижение уровня напряженности между ними, особенно между США и СССР, совместная разработка и осуществление действенных мер по ослаблению военного противостояния значительно уменьшили бы вероятность возникновения военно-конфликтных ситуаций на глобальном, региональном и межстрановом уровнях, что существенно изменило бы всю военно-политическую обстановку в мире и могло бы привести к крупным позитивным переменам во всей системе международных отношений.

Нетрудно представить себе, какие огромные возможности для такого рода сдвигов могло бы открыть, например, осуществление предложения Советского Союза и других стран социалистического содружества об одновременном роспуске Организации Варшавского Договора и организации Североатлантического договора или — в качестве первого шага — о ликвидации их военных организаций, а также практическая реализация выдвинутого Бухарестским совещанием Политического консультативного комитета (ПКК) государств — участников Варшавского Договора предложения о том, чтобы не предпринимать действий, которые могли бы привести

---

[3] «Коммунист», № 3, 1977, стр. 18.

к расширению существующих или созданию новых замкнутых группировок и военно-политических союзов.

Для дальнейших перспектив военной разрядки особое значение имеет то обстоятельство, что теперь все большую практическую роль в межгосударственных военно-политических отношениях стала играть такая их форма, как разработка, заключение и неукоснительное выполнение многосторонних или двусторонних договоров и соглашений, направленных на ограничение, а затем и прекращение гонки вооружений, на переход к разоружению. Достижение таких договоренностей, равно как и связанные с ними переговоры возможны только в том случае, если они основаны на принципе равенства и равной безопасности сторон, предполагающем, что ни одна из них не должна стремиться к получению каких-либо односторонних военных выгод. В этой связи принципиальное значение имеет сделанный Л. И. Брежневым на XXIV съезде КПСС вывод о том, что «вообще переговоры по разоружению, а тем более такие, где на обсуждение поставлены весьма деликатные военно-технические аспекты, могут быть продуктивны, только если в равной степени учитываются интересы безопасности сторон и никто не ищет односторонних преимуществ».

Для того, чтобы обеспечить неукоснительное соблюдение этого основополагающего принципа, участвующим в переговорах государствам приходится принимать весьма ответственные политические решения, самым непосредственным образом связанные с их национальной безопасностью, тщательно взвешивать многообразные соображения военно-стратегического, военно-экономического и военно-технического порядка. Подобные соображения учитывались должным образом, например, при заключении серии многосторонних договоров и соглашений по таким важным проблемам, как прекращение значительной части испытаний ядерного оружия и принятие мер против его дальнейшего распространения, а также по неразмещению его в космосе, на дне морей и океанов, запрещению и ликвидации бактериологического оружия. Не менее важные и сложные вопросы военно-политического и военно-технического характера пришлось решать и в связи с двусторонними советско-американскими договорами и соглашениями, включая Соглашение о предотвращении ядерной войны, Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и владивостокскую договоренность о заключении нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Без всестороннего учета деликатных военно-политических аспектов проблемы прекращения гонки вооружений и разоружения было бы невозможно вырабатывать в ходе переговоров взаимоприемлемые конкретные качественные и количественные критерии, необходимые для решения таких весьма существенных вопросов, как, например, сопоставление военной мощи государств или ее отдельных компонентов, согласование общего подхода к оценке так называемых «стратегических асимметрий», выработка принципов и конкретных методов контроля за выполнением достигнутых соглашений и решение многих других проблем военно-политического характера.

Разумеется, заключение договоров и соглашений, ограничивающих, например, применение тех или иных средств вооруженной борьбы, — дело само по себе не новое (можно сослаться, в частности, на некоторые положения Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. или на Женевский протокол 1925 г.). Новое и принципиально важное состоит в том, что только при современном мировом соотношении сил появилась реальная возможность использовать традиционную договорную форму для постепенной переделки межгосударственных военно-политических отношений, приведения их в соответствие с задачами перестройки всей системы международных отношений на новой основе.

III

В современных условиях пути дальнейшего развития военной разрядки проходят прежде всего через разработку, заключение, строгое и неукоснительное соблюдение двусторонних и многосторонних договоров, соглашений и договоренностей, нацеленных на то, чтобы, во-первых, ограничить, а затем и полностью прекратить гонку вооружений, перейти к реальным мерам по разоружению, и, во-вторых, ограничить, а в дальнейшем полностью исключить возможность применения силы или угрозы силой в отношениях между государствами. Эти два взаимосвязанных направления и являются главными во всем процессе разрядки в военной сфере. «Мы убеждены, что от продвижения вперед именно на этих двух направлениях в решающей мере зависит фундаментальное укрепление устоев всеобщего мира»,— подчеркивал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Обеспечению прогресса прежде всего в данных областях служат многочисленные предложения Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Значение первого из указанных направлений для упрочения мира определяется уже тем, что подхлестывание гонки вооружений и разрядка напряженности — это два процесса, которые идут в противоположные стороны, а потому одновременно бесконечно развиваться не могут. «...Невозможно, — говорил Л. И. Брежнев, — долгое время совмещать развитие международной разрядки и постоянное увеличение военных потенциалов государств, совершенствование и накопление оружия. Поэтому мало говорить о разоружении, пора переходить к конкретным соглашениям о сокращении военных приготовлений государств. Именно этого добивается Советский Союз».

СССР выработал и проводит в жизнь глубоко реалистическую, научно обоснованную программу борьбы за успешное решение этой исторической задачи. Такая программа неоднократно формулировалась и развивалась в важнейших документах высших органов КПСС и Советского государства, в выступлениях советских руководителей. Облеченная в форму конкретных предложений, она не раз излагалась в Организации Объединенных Наций и на других международных форумах. Ее конечной целью было и остается всеобщее и полное разоружение. Вместе с тем советская программа реалистически учитывает отсутствие готовности к нему многих государств и потому предусматривает возможность осуществления ряда промежуточных (частичных) мер, которые постепенно, шаг за шагом, поступательным продвижением вперед на отдельных участках и направлениях могли бы приблизить достижение всеобщего и полного разоружения.

Именно такой подход лежит в основе тех мер и путей борьбы за прекращение гонки вооружений, за разоружение, которые были определены XXV съездом КПСС и получили свою конкретизацию в меморандуме Советского Союза, внесенном в сентябре 1976 г. на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В этом принципиально важном документе проблема прекращения гонки вооружений и разоружения охарактеризована в качестве «самой крупной по масштабу и самой важной по значению проблемы современных межгосударственных отношений».

Огромное значение данной проблемы со всей определенностью подчеркнуто Бухарестским совещанием ПКК государств — участников Варшавского Договора. В принятой им 26 ноября 1976 г. декларации сказано: «Самой острой и неотложной задачей современности остается прекращение гонки вооружений и осуществление разоружения, в первую очередь — ядерного, устранение угрозы мировой войны. Без этого невозможно сделать действительно необратимыми положительные тенденции в развитии международных отношений, нельзя обеспечить подлинную безопасность в мире».

За последние годы, главным образом благодаря усилиям и инициативам Советского Союза и других стран социалистического содружества, удалось достигнуть определенных успехов на пути к разоружению. Заключена целая серия многосторонних и двусторонних договоров и соглашений, в той или иной мере ограничивающих гонку вооружений на некоторых ее направлениях. Они, несомненно, сыграли большую позитивную роль, способствуя изменению к лучшему общемировой политической атмосферы, развитию здоровых тенденций в международной жизни.

При всем значении этих договоров они, по сути дела, являются начальными шагами в деле ограничения вооружений, разоружения. На нынешнем этапе борьбы за мир и безопасность народов определенно обнаруживается их недостаточность. Касаясь этого вопроса в интервью французскому телевидению 5 октября 1976 г., Л. И. Брежнев отметил: «Кое-что в ограничении вооружений за последние годы сделать удалось. Однако это никак нельзя считать удовлетворительным». Глубокая обоснованность такого вывода подтверждается тем фактом, что до сих пор, несмотря на достигнутые успехи, гонку вооружений еще не удалось остановить. Более того, подстегиваемая агрессивными силами империализма, она приняла за последние годы еще более широкий и опасный характер. Суровой реальностью наших дней является то, что до сих пор темпы гонки вооружений намного обгоняют усилия государств по ее сдерживанию, и разрыв этот не только не сокращается, а, наоборот, увеличивается.

Такой разрыв проявляется прежде всего в том, что в то время, пока обсуждаются и заключаются договоры и соглашения об ограничении какого-то одного или нескольких направлений в развитии вооружений, другие, не менее опасные направления остаются неперекрытыми и продолжают беспрепятственно развиваться. Более того, наряду с существующими возникают и начинают выходить на первый план совершенно новые, потенциально еще более опасные направления гонки вооружений.

Курс на подхлестывание гонки вооружений — органическая часть глобальной политической стратегии наиболее агрессивных кругов империализма. В нем воедино слился целый комплекс классовых интересов, исторически бесперспективных надежд и весьма превратных представлений о реальностях современного мира. Тут и тщетное стремление с помощью гонки вооружений добиться военного превосходства над миром социализма, и расчеты на возможность таким путем экономически ослабить Советский Союз и тем самым помешать его успешному продвижению к коммунизму, и желание сорвать или хотя бы существенно притормозить развитие международной разрядки, тут и корыстные интересы военно-промышленного комплекса, извлекающего из гонки вооружений колоссальные прибыли, и многие другие враждебные делу мира и социального прогресса интересы и расчеты.

Особая опасность курса на подхлестывание гонки вооружений состоит в том, что заинтересованные в нем круги все еще пользуются в США и других странах НАТО значительным экономическим и политическим влиянием, располагают немалыми возможностями для нагнетания международной напряженности. Об этом свидетельствует, например, развернутая на Западе шумная пропагандистская кампания против разрядки. Прикрываясь демагогическими рассуждениями о якобы односторонней выгодности разрядки для Советского Союза, размахивая жупелом «советской военной угрозы» и прибегая к другим приемам «холодной войны», организаторы этой кампании стремятся сильнее подхлестнуть гонку вооружений, придать ей новый размах и напряженность.

Сейчас с большей остротой, чем когда-либо прежде, перед человечеством встала дилемма: или гонка вооружений будет остановлена и государства перейдут к разоружению, постепенно снижая военную опасность, высвобождая материальные и интеллектуальные ресурсы на цели экономического и социального развития, или гигантская машина материальной

подготовки войны станет поглощать все больше жизненно необходимых для людей средств, а опасность военной катастрофы будет все более угрожающе нависать над народами.

Максимально содействовать позитивному решению этой жгучей дилеммы современности — одна из центральных задач разрядки в военной области, а в более широком плане — одно из важнейших условий поступательного развития всего процесса перестройки международных отношений. Для этого прежде всего необходимо, чтобы государства безотлагательно приняли совместные действенные меры по прекращению гонки вооружений, переходу к реальному разоружению.

Конкретная советская программа таких мер содержится в Меморандуме по вопросам прекращения гонки вооружений и разоружения, представленном на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. На основе глубокого и всестороннего учета современной политической и военно-стратегической обстановки в мире, тенденций и перспектив ее развития, экономических и военно-технических факторов, определяющих материальное содержание гонки вооружений, в меморандуме четко показаны главнейшие направления согласованных действий государств, необходимых для осуществления мер по успешному продвижению к разоружению.

К числу таких мер относятся: прекращение гонки ядерных вооружений, сокращение и последующая ликвидация ядерного оружия; запрещение его испытаний; укрепление режима нераспространения ядерного оружия; запрещение и уничтожение химического оружия; запрещение создания новых видов и новых систем оружия массового уничтожения; сокращение вооруженных сил и обычных вооружений; создание зон мира в Индийском океане и других районах; сокращение военных бюджетов; переговоры по вопросам прекращения гонки вооружений и разоружения.

Внося свои предложения, Советский Союз исходит из того, что проблема прекращения гонки вооружений и перехода к реальному разоружению, как и вся военная разрядка, не сводится только к ограничению, сокращению и запрещению тех или иных видов и систем вооружений. Она включает в себя также широкий круг других международных военно-политических вопросов, нерешенность которых способствует возникновению военно-конфликтных ситуаций в различных районах земного шара, усиливает военную напряженность в мире и тем самым стимулирует гонку вооружений. В этом отношении весьма серьезную роль призваны сыграть региональные меры военной разрядки. К их числу относятся, в частности, создание зон мира в Индийском океане и других районах, а также создание безъядерных зон, урегулирование в интересах мира и безопасности военных конфликтов и взрывоопасных ситуаций на Ближнем Востоке, в Южной Африке и других местах земного шара.

Назревших задач, связанных с решением проблемы прекращения гонки вооружений и перехода к реальному разоружению, накопилось немало. Теперь дело за их практической реализацией. «Кардинальный вопрос сейчас в том, — отмечается в декларации Бухарестского совещания ПКК государств — участников Варшавского Договора, — чтобы перевести в практическую плоскость имеющиеся инициативы, продвигаться по пути достижения обязывающих, эффективных международных договоренностей в области разоружения».

Для дальнейшего успешного развития всего процесса международной военной разрядки исключительно важное значение имеет завершение подготовки и заключение нового советско-американского соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Надежные основы такого соглашения были заложены владивостокской договоренностью 1974 г., которая, воплощая принцип равенства и равной безопасности сторон, предусматривала реальные ограничения гонки стратегических вооружений и вместе с тем не давала никому односторонних преимуществ.

Главный смысл достигнутой договоренности в том и состоял, чтобы в зафиксированных там параметрах соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений был закреплен взаимоприемлемый баланс интересов сторон в данной области.

Советский Союз неизменно придерживается конструктивной позиции в этом вопросе и делает все от него зависящее для того, чтобы успешно завершить подготовку и обеспечить подписание нового советско-американского соглашения. Иной оказалась позиция американской стороны, о чем говорят предложения, которые привез на обсуждение в Москву государственный секретарь США С. Вэнс в конце марта 1977 г.

Характер и конкретное содержание этих предложений показывают, что в них содержится ревизия владивостокской договоренности, ее основополагающего принципа — принципа равенства и равной безопасности сторон. Советские руководители со всей определенностью подчеркнули, что наша страна никогда не поступится своими законными интересами и не пойдет на подписание соглашения, наносящего ущерб ее безопасности. Вместе с тем советская сторона дала ясно понять, что она стоит за дальнейшее продолжение переговоров о соглашении по ограничению стратегических вооружений. Необходимые предпосылки для этого имеются, поскольку главные условия такого соглашения определены владивостокской договоренностью и многие его конкретные положения были выработаны в ходе последующих встреч на высоком уровне, а также на переговорах делегаций СССР и США в Женеве.

Чтобы завершить проделанную работу, требуются ответственный подход и добрая воля обеих сторон. «Разумная договоренность возможна,— указывал Л. И. Брежнев вскоре после визита С. Вэнса,— но необходимо, чтобы не только мы, но и другая сторона в полной мере осознала свою ответственность в деле обуздания гонки вооружений и не на словах, а на деле искала взаимоприемлемых решений».

Несомненно, что с заключением эффективного советско-американского соглашения об ограничении стратегических вооружений возник бы новый действенный импульс для позитивных сдвигов в решении таких вопросов, как сокращение вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе, укрепление международного режима нераспространения ядерного оружия, запрещение создания новых видов и новых систем оружия массового уничтожения, а также других проблем военной разрядки.

IV

В процессе перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования борьба за прекращение гонки вооружений, за разоружение все более тесно переплетается и взаимодействует с борьбой за исключение силы или угрозы силой из отношений между государствами, то есть устранение из практики межгосударственных отношений всех форм прямого и косвенного использования военной силы.

Прямое применение военной силы включает такие формы, как, например, все виды агрессивных войн, насильственное вторжение в мирное время вооруженных сил одного государства на территорию другого, оккупация и насильственное удержание захваченных в результате этого чужих территорий, артиллерийский, ракетный или иной обстрел территории одного государства с территории другого, бомбардировка с самолетов, вооруженная блокада портов, организация вооруженных пограничных столкновений и т. п.

Косвенное использование военной силы может осуществляться в условиях мира между соответствующими государствами и проводиться без ведения каких-либо открытых боевых действий вооруженных сил одного государства против вооруженных сил другого государства, без боевого соприкосновения между ними. В наиболее концентрированном виде угроза

силой находит свое воплощение в империалистической «стратегии устрашения».

Для правильного понимания косвенного использования военной силы принципиальное методологическое значение имеет его оценка В. И. Лениным. Конспектируя в «Тетрадях по империализму» книгу И. И. Рюдорфера «Основные черты современной мировой политики», В. И. Ленин выписал из нее следующее положение: «Неверно, что современные великие державы хотя и вооружаются, но свои вооружения не используют»,— и тут же сопроводил его своим пояснением: «Эти вооружения «калькулируются», их учитывают при дипломатических переговорах, при «давлении»...» [4].

Пояснение В. И. Ленина дает ключ к пониманию того, что для использования вооружений как важного компонента военной силы вовсе не обязательно применять их в прямом военном столкновении. Политически они могут использоваться и используются уже в мирное время. Само их наличие, особенно в условиях гонки вооружений, дает империалистическим государствам возможность, так сказать, без «стрельбы» оказывать в той или иной форме политическое давление на другие страны.

Факты истории и современной международной жизни достаточно убедительно свидетельствуют о том, что любые формы применения силы или угрозы силой могут, в зависимости от конкретной обстановки, приводить к нагнетанию международной напряженности, стимулированию гонки вооружений, усилению опасности мировой войны. Вот почему борьба за отказ от использования силы или угрозы силой тесно связана с задачей прекращения гонки вооружений и перехода к разоружению.

В настоящее время оба эти процесса находятся в начальной стадии своего развития. На пути к разоружению сделаны лишь первые шаги (например, заключена серия договоров и соглашений, в той или иной степени ограничивающих развитие некоторых видов вооружений), а продвижение к запрещению применения силы или угрозы силой до последнего времени ограничивалось принятием международных документов, декларировавших сам этот принцип.

Настало время принять дополнительные меры, которые придали бы зафиксированному в Уставе ООН принципу неприменения силы бо́льшую действенность и практическую эффективность, способствовали его утверждению в качестве незыблемого закона. В нынешних условиях существует не только необходимость, но и реальная возможность принятия таких мер. Учитывая это, Советский Союз выступил с исторической инициативой перенесения проблемы неприменения силы из сферы декларирования этого принципа в область его претворения в жизнь, в практику межгосударственных отношений.

Такая инициатива нашла свое конкретное воплощение в выдвинутом с трибуны XXV съезда КПСС предложении — заключить Всемирный договор о неприменении силы в международных отношениях. Последовательно претворяя в жизнь предначертания съезда, Советский Союз представил 28 сентября 1976 г. на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН детально разработанный проект такого договора.

Все содержание проекта свидетельствует о том, что главная цель договора — не допустить агрессии. Если агрессии не будет, то отпадет и необходимость применять силу для ее отражения. Проект полностью отвечает Уставу ООН и исходит из выработанного ООН определения агрессии, которое учитывает принципиальное различие между агрессором и его жертвой, между развязыванием военных действий в целях агрессии и законным правом на отпор последней.

Отношение Советского Союза к этому принципиальному вопросу было предельно четко выражено на октябрьском (1976 г.) Пленуме

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 533.

ЦК КПСС, на котором Л. И. Брежнев заявил: «Здесь я хочу лишь подчеркнуть, что неприменение силы в нашем проекте охватывает межгосударственные отношения, не затрагивая неотъемлемого права народов на борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Мы эти две области строго разграничиваем».

Совершенно очевидно, что предпринимаемые некоторыми кругами на Западе попытки посеять сомнение в целесообразности разработки в настоящее время Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях, противопоставить его Уставу ООН объективно направлены на подрыв авторитета ООН и идут вразрез с интересами развития и углубления разрядки, с задачами перестройки международных отношений на новых началах.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества делают все от них зависящее для того, чтобы конкретными мерами подкрепить и усилить действенность принципа неприменения силы. Об этом говорит и их новая важная инициатива — предложение Бухарестского совещания ПКК государств — участников Варшавского Договора о заключении всеми государствами, подписавшими Заключительный акт общеевропейского совещания, договора о неприменении первыми ядерного оружия друг против друга.

Заключение Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях, а также договора, предложенного Бухарестским совещанием, дало бы новые и более надежные гарантии безопасности всем народам и государствам — большим и малым, упрочило бы их уверенность в том, что мирная жизнь народов не будет нарушена.

Успешное продвижение вперед на главных направлениях военной разрядки является органической и весьма важной частью начавшегося процесса перестройки всей системы международных отношений на принципах мирного сосуществования. Такая перестройка — это процесс борьбы и преодоления сопротивления, которое оказывают разрядке ее противники. Результаты этой борьбы будут в конечном счете и впредь зависеть от дальнейшего изменения соотношения сил на мировой арене в пользу мира и социализма, от укрепления реалистических тенденций среди правящих кругов капиталистических государств. Ответственная роль в борьбе за торжество принципов мирного сосуществования, углубление международной политической и военной разрядки, предотвращение мировой термоядерной войны по праву принадлежит миролюбивым силам современности. Совместными действиями всех прогрессивных сил историческая задача перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования должна и может быть решена.

Экономические проблемы латиноамериканского континента

И. БУНЕГИНА

В силу характерных для нашего времени разносторонних связей между государствами, растущей интернационализации производства в условиях научно-технической революции и сохраняющейся зависимости большинства развивающихся стран от внешних рынков экономический кризис 1974—1975 гг., поразивший центры мирового капитализма, существенно повлиял и на хозяйственное положение в «третьем мире». Причем во многих развивающихся странах это привело к значительному замедлению темпов экономического роста в 1975 г., а для некоторых из них последствия спада были столь разрушительными, что это позволяет характеризовать обстановку, по существу, как кризисную.

Особенности экономического кризиса 1974—1975 гг., ход его развития и социальные последствия в главных капиталистических государствах достаточно подробно освещены в советской печати[1]. Что же касается его воздействия на страны «третьего мира», большинство которых, находясь в рамках мировой капиталистической системы хозяйства, так или иначе вынуждены «сопереживать» ее кризисные потрясения, то это явление исследовано пока лишь в самой общей форме. Между тем заметно усилилась неравномерность экономического положения отдельных групп развивающихся стран, возникли большие различия в условиях и возможностях их дальнейшего роста. Это вызывает необходимость дифференцированного подхода к рассмотрению последствий экономического кризиса в «третьем мире».

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

По сравнению с другими развивающимися странами Латинская Америка оказалась более восприимчивой к экономическому кризису 1974—1975 гг. Под его ударами хозяйственное развитие этого региона резко затормозилось. В частности, в 1975 г. существенно снизились темпы роста наиболее динамичной отрасли экономики — обрабатывающей промышленности, уменьшился объем выпуска продукции добывающей промышленности, сократилось сельскохозяйственное производство и обострилась в связи с этим продовольственная проблема, упали цены на многие товары латиноамериканского экспорта (кроме нефти). В то же время произошло сильное вздорожание импорта, возрос дефицит торговых и платежных балансов, увеличились валютно-финансовые трудности, усилился инфляционный рост цен, огромных размеров достигла безработица, значительно

[1] См., например, «Экономический кризис в мире капитализма» («МЭ и МО», №№ 4, 5, 1975).

понизился жизненный уровень широких слоев населения. Все это настолько серьезно потрясло хозяйственную жизнь латиноамериканских стран, что и в 1976 г. пагубные последствия кризиса все еще продолжали остро сказываться на экономическом положении большинства из них. Как писала мексиканская газета «Эксельсиор», «Латинская Америка оказалась районом, более затронутым кризисом, от которого страдает экономика Запада с 1974 г. Он проявляется здесь в сокращении экспорта, увеличении внешней задолженности, галопирующей инфляции и замедлении роста» [2].

Более глубокое воздействие экономического кризиса на страны Латинской Америки, очевидно, нельзя считать случайностью, а его причины следует искать в некоторых специфических особенностях их исторического и социально-экономического развития. Одна из них заключается в том, что в отличие от сравнительно недавно освободившихся молодых государств Азии и Африки страны латиноамериканского региона прошли довольно длительный путь капиталистического развития. В основном это страны, находящиеся на стадии так называемого среднеразвитого зависимого капитализма, а некоторые из них, например, Бразилия, под влиянием усиления неравномерности экономического развития капитализма в этом регионе становятся, опираясь на иностранный капитал, на путь зависимого государственно-монополистического капитализма.

В сложившейся структуре хозяйства Латинской Америки присущие капиталистическому способу производства закономерности проявляются отчетливее, чем в афро-азиатских странах. Сказанное относится и к экономическому кризису. Последний оказался для латиноамериканских стран не просто отголоском серьезных потрясений в мировом капиталистическом хозяйстве, но и результатом возникновения кризисной ситуации в их собственной экономике. Безусловно, путь зависимого капитализма, по которому идут эти страны, вносит известные модификации в характер и формы проявления экономического кризиса по сравнению с развитыми капиталистическими государствами. Однако существа дела это не меняет.

Другая особенность заключается в специфике их зависимости, что выражается во всеохватывающем контроле иностранных монополий не только над природными ресурсами, но и над важнейшими отраслями экономики многих латиноамериканских стран, в исторически сложившемся экономическом и политическом влиянии североамериканского империализма, а также в исключительно сильной привязанности экономики региона к рынкам индустриальных капиталистических центров [3]. Кризисные явления, привносимые в экономику латиноамериканских стран извне по каналам внешнеэкономических связей, были в громадной степени усилены политикой международных монополий, пытающихся выйти из кризиса за счет народов «третьего мира».

Филиалы империалистических монополий, контролирующие ряд важнейших отраслей промышленности в странах Латинской Америки, в условиях кризиса первыми начали свертывать производство, переходить на сокращенную рабочую неделю, увольнять рабочих и служащих. В то же время именно под давлением монополий в развитых капиталистических государствах ужесточилась протекционистская политика, были введены запреты и дополнительные ограничения на импорт латиноамериканских товаров.

Используя экономические трудности стран региона, в частности их острую нужду в финансировании в условиях кризиса, империалистические государства, и прежде всего США, стали все жестче обусловливать предоставление займов вмешательством во внутренние дела, требовать серьезных уступок многонациональным компаниям, все более решительно на-

---

[2] «Excelsior», 23.XI.1976.

[3] Подробнее о «модели» зависимого капиталистического развития стран Латинской Америки см.: А. Глинкин, П. Яковлев. Латинская Америка: современный этап противоборства с империализмом («МЭ и МО», № 7, 1976).

ставать на отказе от прогрессивных преобразований и от проведения независимого внешнеполитического курса.

Подобная политика международных монополий в сочетании с возросшей неустойчивостью конъюнктуры мировых товарных рынков способствовала нагнетанию кризисных явлений в экономике латиноамериканских стран, еще большему обострению их хозяйственных трудностей.

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одной особенности, характеризующей состояние латиноамериканской экономики, а именно о ее недостаточной обеспеченности энергетическими ресурсами, в частности нефтью. Из 25 стран Латинской Америки нетто-экспортерами нефти являются лишь четыре — Венесуэла, Эквадор, Боливия и Тринидад и Тобаго,— остальные в той или иной степени зависят от импорта нефти или нефтепродуктов. В условиях энергетического кризиса это создало для них большие трудности. Повышение мировых цен на нефть привело к резкому увеличению расходов на оплату ее импорта, что явилось одной из причин серьезного ухудшения валютного положения нефтеимпортирующих стран континента. С трудностями, хотя и иного рода, столкнулись и экспортеры нефти, в частности Венесуэла и Эквадор. Последние стали жертвой принятого в США закона о торговле 1974 г., предусматривающего применение экономических санкций против развивающихся стран — членов ОПЕК.

Таким образом, имеются все основания говорить о том, что Латинская Америка в большей степени, нежели остальные страны «третьего мира», пострадала от нынешнего экономического кризиса. Естественно, глубина и характер его проявления в различных странах региона были неодинаковы. Тем не менее общим для большинства из них было замедление темпов экономического роста, обострение валютно-финансовых трудностей, рост безработицы и снижение уровня жизни народа. Эти три наиболее характерные для данного региона особенности экономического кризиса заслуживают, на наш взгляд, более детального рассмотрения.

ЗАМЕДЛЕНИЕ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

С начала 70-х годов страны Латинской Америки развивались относительно быстрыми темпами. Среднегодовой прирост их валового внутреннего продукта (ВВП) в 1971—1973 гг., по данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки, составлял 6,6%, причем в Бразилии, Эквадоре, Колумбии и Коста-Рике он был выше этого среднего показателя.

Ускоренное развитие латиноамериканских стран в указанный период происходило под влиянием многих факторов. Среди них в первую очередь следует выделить такие, как дальнейшее развитие процесса капиталистической индустриализации, расширение государственных капиталовложений в экономику, усиление инвестиционной деятельности международных монополий. Положительную роль сыграл рост валютных поступлений вследствие благоприятной конъюнктуры на мировом рынке основных сырьевых и продовольственных товаров, являющихся традиционными статьями латиноамериканского экспорта. В результате темпы экономического роста стран континента ускорились и в 1973 г. достигли своего предкризисного максимума — 7,2%.

В то время как в основных капиталистических странах с начала 1974 г. уже достаточно явственно обнаружились симптомы экономического спада, Латинская Америка все еще пожинала плоды экспортного бума, начавшегося в 1973 г. и продолжавшегося вплоть до середины 1974 г. Но со второй половины 1974 г., когда конъюнктура на мировых товарных рынках (кроме нефти) резко ухудшилась, кризис стал захлестывать и Латинскую Америку. Экономические трудности проявились в первую очередь в сфере внешнеторговых и валютно-финансовых связей, что выразилось в падении экспорта латиноамериканских стран, увеличении их расхо-

дов на импорт, особенно нефти и промышленных товаров, дефицит торговых и платежных балансов, значительном росте внешней задолженности.

Со второй половины 1974 г. во многих странах континента наметилась и стала усиливаться тенденция к ослаблению деловой активности. Особенно отчетливо это проявилось в 1975 г., когда первоначальное, сравнительно небольшое замедление темпов экономического роста (до 6,9% в 1974 г.) сменилось резким спадом. По данным ЭКЛА, среднегодовой прирост ВВП латиноамериканских стран в 1975 г. находился на уровне 2,6%, а в пересчете на душу населения не достигал и 1%, то есть был значительно ниже прироста населения.

Экономический кризис затронул все сферы материального производства латиноамериканских стран. Прежде всего происходило снижение темпов роста, а в некоторых странах абсолютное сокращение промышленного производства — наиболее динамично развивавшейся до этого отрасли экономики. Наметился застой и в сельскохозяйственном производстве, а в ряде стран даже произошло его существенное сокращение.

Экономический кризис затронул в первую очередь крупнейшие и развитые в промышленном отношении государства — Бразилию, Мексику и Аргентину, на долю которых приходится $^3/_4$ суммарного ВВП региона. Исключительно сложная обстановка создалась в Чили, где антинациональная политика военной хунты поставила страну на грань экономической катастрофы. В то же время кризис в меньшей степени повлиял на нефтеэкспортирующие страны — Венесуэлу, Эквадор, Боливию, Тринидад и Тобаго, у которых за счет возросших валютных поступлений от нефти возникли предпосылки для экономического роста. Но даже этим относительно «благополучным» странам не удалось избежать последствий кризиса, о чем свидетельствовали безработица, сокращение в 1975 г. темпов роста их экспорта, возникновение в отдельных странах (Боливии, Эквадоре) дефицитов торговых и платежных балансов, увеличение внешней задолженности, инфляционный рост цен и повышение стоимости жизни.

Особенно замедлилось хозяйственное развитие Бразилии, в которой с 1968 г. наблюдался прирост ВВП в среднем более 10% в год, что, в частности, привело к рождению мифа о так называемом «бразильском чуде». Кризис развеял этот миф. В 1975 г. прирост ВВП Бразилии уменьшился более чем вдвое, составив лишь 4,2% по сравнению с 9,6% в 1974 г. и 11,4% в 1973 г.

Экономический спад в этой стране особенно ощущался в сфере промышленного производства, прирост которого в 1975 г. сократился до 4% по сравнению с 11% в 1974 г. и 15,8% в 1973 г. Лишь в четырех отраслях — металлургии, цементной, автомобильной и тракторной промышленности — уровень производства был несколько выше 1974 г., в остальных же он был значительно ниже. Так, в отраслях, связанных с переработкой нерудного сырья, темпы прироста снизились с 14,8 в 1974 г. до 9,0% в 1975 г., в металлообрабатывающей промышленности, производстве электроприборов и средств связи — с 11 до 7,4%, в химической промышленности — с 10,4 до 2,8%, в резинотехнической — с 10,8 до 2,7%, в пищевой — с 6,5 до 1,2% соответственно. Выпуск бумаги сократился на 14,6% по сравнению с приростом в 4,3% в 1974 г.

Несмотря на ряд мер, принятых правительством для преодоления спада, последствия экономического кризиса продолжали сказываться на экономике Бразилии и в 1976 г. Прирост ее ВВП, по предварительным оценкам, составил 8%, однако был ниже уровня 1968 г. При этом следует отметить, что данный показатель был достигнут главным образом за счет очередной весьма внушительной инъекции иностранного капитала, колоссального увеличения внешнего долга, одностороннего упора на рост автомобильной промышленности, который потянул за собой соответствующее развитие обслуживающих ее отраслей, а также за счет дальнейшего усиления эксплуатации и наступления на жизненный уровень трудящихся.

Все это привело к такому обострению диспропорций и противоречий в экономике страны, что в ноябре 1976 г. правительство было вынуждено признать достигнутый рост промышленного производства чрезмерным. В связи с этим оно объявило о резком изменении экономической политики, в частности о сокращении в 1977 г. капиталовложений на 40% (или 3,7 млрд. долл.)[4].

Переход к политике сдерживания экономики свидетельствует о серьезных трудностях, переживаемых Бразилией. Большинство экономических обозревателей сходятся на том, что 1977 г. будет для нее «одним из самых тяжелых за последнее время»[5]. В отношении перспектив развития страны высказываются еще более мрачные прогнозы. Предполагают, например, что прирост ВВП составит не более 3%. Так, сама капиталистическая действительность сделала очевидной нежизнеспособность «бразильской модели развития», которую еще недавно империалистическая пропаганда выдавала за образец для других стран «третьего мира»[6].

Мировой кризис вызвал существенное замедление темпов экономического развития Мексики, где до этого относительно устойчивый прирост ВВП составлял примерно 7% в год. Под влиянием спада в США, с которыми Мексика как пограничная страна имеет тесные хозяйственные связи, темпы ее экономического роста стали резко замедляться: в 1974 г. они снизились до 5,9% по сравнению с 7,6% в 1973 г., а в 1975 г. упали до 3,9%.

Как и в Бразилии, это было обусловлено снижением прироста в промышленности — до 4,0% в 1975 г. по сравнению с 5,9 в 1974 г. и 8,8% в 1973 г. Наиболее заметным был спад в черной металлургии, химической, фармацевтической промышленности и производстве бытовых электроприборов, а также на автосборочных и строительных предприятиях. Важно отметить, что существенно сократился выпуск продукции на промышленных предприятиях, находящихся в пограничных с США районах и производящих товары для американского рынка.

В 1976 г. экономическое положение страны еще более ухудшилось из-за серьезных валютно-финансовых затруднений, связанных с девальвацией мексиканского песо. Это отразилось на темпах хозяйственного развития страны — прирост ее ВВП в 1976 г. упал до 3,2%.

Новый президент Мексики Х. Лопес Портильо, вступивший на пост 1 декабря 1976 г., объявил, что для преодоления переживаемого страной экономического кризиса его правительство намерено проводить программу строгой экономии. С этой целью предусматривается сокращение правительственных расходов и установление контроля над бюджетом федерального правительства, ограничение займов за границей, предназначенных для развития государственного сектора, регламентация импорта и проведение антиинфляционных мероприятий. Кроме того, было объявлено о мерах по уменьшению безработицы. В качестве первого шага в этом направлении мексиканское правительство заключило 10 соглашений о сотрудничестве с наиболее крупными национальными компаниями. Последние обязались вложить 5 млрд. долл. в 10 отраслей промышленности, в том числе нефтехимическую, черную металлургию, тяжелое и среднее машиностроение, автомобильную, цементную, пищевую. Предполагается, что это позволит создать 300 тыс. новых рабочих мест и ослабить зависимость страны от импорта.

Однако в ближайшие годы трудно ожидать от объявленной программы значительного эффекта. Не случайно мексиканская печать характеризует текущий год как год тревожных для страны перемен. В частности, прирост ВВП на 1977 г. прогнозируется в размере лишь 2%, причем пред-

[4] «Financial Times», 19.XI.1976.

[5] «El Sol de México», 17.XII.1976.

[6] Подробнее о «бразильской модели развития» см.: А. Караваев. Бразильская модель развития: сущность и некоторые итоги («МЭ и МО», № 2, 1976).

полагается замедление темпов роста в черной металлургии, химической и целлюлозно-бумажной промышленности, а также в отраслях, производящих товары широкого потребления.

Если в Бразилии и Мексике экономический кризис привел к значительному снижению темпов их роста, то в Аргентине даже наблюдалось абсолютное сокращение производства в течение двух лет подряд. Валовой внутренний продукт этой крупнейшей страны Латинской Америки под влиянием кризиса и сложной внутриполитической обстановки уменьшился в 1975 г. на 1,4% по сравнению с приростом в 6,6 в 1974 г., а в 1976 г. — еще на 3%. Ее промышленное производство сократилось за те же годы соответственно на 3,6 и 9,3%. Общий объем капиталовложений в экономику за два года упал на 24%, в том числе в 1976 г. — на 12,7%.

Кризис охватил большинство отраслей аргентинской промышленности, но особенно от него пострадали автомобильная, металлургическая, машиностроительная, химическая и легкая промышленность, а также отрасли, выпускающие потребительские товары длительного пользования. Это проявилось в сокращении выпуска и продаж продукции, недогрузке производственных мощностей. Многие мелкие и средние предприятия использовали их всего на 40 — 50%, а недогрузка производственных мощностей на крупных предприятиях, как свидетельствует опрос, проведенный в 1976 г., достигла 30%.

Эти и другие показатели, например, резкое увеличение безработицы и безудержный рост инфляции, позволяют характеризовать состояние аргентинской экономики в 1975 — 1976 гг. фактически как кризисное.

В поисках выхода из сложившейся ситуации военное правительство Аргентины, пришедшее к власти в марте 1976 г., встало на путь широкого привлечения в страну иностранного капитала, надеясь с его помощью оживить экономику. С этой целью им был декретирован ряд мер, в частности отменена существовавшая с 1922 г. монополия государства на добычу нефти, принят новый закон об иностранных капиталовложениях, устанавливающий для них режим, самый либеральный за всю историю страны. Одновременно для стимулирования промышленности были существенно понижены таможенные пошлины на импортируемые товары.

Ценой сдачи иностранным монополиям ключевых позиций в экономике, ограничения государственного сектора и либерализации таможенного режима правительство Аргентины рассчитывает повысить деловую активность в стране. Однако либерализация режима иностранных капиталовложений способна привести лишь к дальнейшему усилению экономической зависимости Аргентины от империализма.

Таким образом, экономические перспективы Аргентины на 1977 г. представляются весьма проблематичными. По оценкам, сделанным американской фирмой «Макгроу-Хилл», прирост ВВП Аргентины в 1977 г., возможно, составит 4%, но в этом случае он достигнет лишь того уровня, с которого три года тому назад началось его абсолютное сокращение.

Кризис оказал разрушительное воздействие на производительные силы Чили, где его последствия были в огромной степени усилены политикой экономического удушения, которую более 3 лет проводит военная хунта. Кризисные явления в экономике Чили достигли своего апогея в 1975 г., когда ВВП страны уменьшился на 14,7%, а промышленное производство — на 24,3%. Таких масштабов абсолютного сокращения производства в Чили не наблюдалось со времени кризиса 1929 — 1933 гг.

Спад произошел во всех отраслях чилийской промышленности, причем особенно пострадало производство электрооборудования, средств транспорта, химикатов, резинотехнических и пластмассовых изделий, а также товаров широкого потребления. Падение абсолютного объема производства в этих отраслях варьировало в 1975 г. от 19 до 63%.

Резкое сокращение внутреннего спроса и недостаток кредитов поставили многие промышленные предприятия в крайне тяжелое финансовое

положение. Большинство из них было вынуждено пересмотреть и урезать производственные программы, в результате чего недогрузка мощностей достигла в Чили небывалых размеров. Например, на предприятиях, выпускающих изделия из меди, они использовались в 1975 г. всего на 28%, а на предприятиях по производству фосфатных удобрений и в резинотехнической промышленности не более чем на 10%. В текстильной промышленности половина фабрик была закрыта полностью или частично. Многие предприятия, в том числе и крупные, были разорены и объявили о своем банкротстве.

Несмотря на катастрофическое положение, создавшееся в стране, военная хунта и в 1976 г. продолжала проводить политику, направленную на денационализацию экономики и подчинение ее иностранному капиталу. Фактически завершилась реприватизация около 500 промышленных предприятий, национализированных еще при правительстве Народного единства. 295 из них были возвращены прежним владельцам, а 200 проданы местным и иностранным капиталистам[7]. Продолжалось также активное привлечение в страну иностранных инвесторов. После исключения Чили в октябре 1976 г. из членов Андского пакта в связи с несовместимостью позиций, занимаемых чилийской хунтой и остальными странами — членами этой региональной организации по вопросу об ограничении деятельности иностранного капитала, клика Пиночета, уже не маскируясь, открыто встала на путь распродажи национальных богатств страны. В ноябре 1976 г. стало известно, что она вступила в переговоры с иностранными компаниями о вложении в чилийскую экономику свыше 2 млрд. долл.

Принятый на 1977 г. государственный бюджет Чили свидетельствует о том, что большая часть чрезвычайных мер по сдерживанию инфляции останется в силе и в текущем году. Политика хунты по-прежнему направлена на сокращение государственных расходов, увеличение налогов и наступление на заработную плату трудящихся. Как указывает чилийский журнал «Эрсилья», являющийся рупором христианско-демократической партии, «в 1977 г. экономическое положение будет характеризоваться новыми увольнениями, ограничением финансирования государственных предприятий и нехваткой валюты для погашения внешнего долга»[8].

Кризис и антинациональная политика военной хунты отбросили Чили в ее развитии более чем на десять лет назад: в 1975 г. ВВП в пересчете на душу населения был меньше, чем в 1965 г. Что касается его абсолютного объема, то, по имеющимся оценкам, он и в 1978 г. вряд ли достигнет уровня 1974 г.

Снижение темпов роста и обострение хозяйственных трудностей под влиянием экономического кризиса наблюдались и в других странах Латинской Америки, в частности в Перу, Колумбии, Уругвае и большинстве центральноамериканских республик. Так, в Колумбии спад производства и рост безработицы в 1975 г. отмечались в текстильной, фармацевтической, автомобильной, строительной отраслях промышленности, а в 1976 г. — в добывающей, нефтехимической, металлообрабатывающей.

Следует подчеркнуть, что пагубное воздействие мирового кризиса на страны Латинской Америки не ограничивается замедлением темпов их хозяйственного развития в уже истекшие 1975—1976 гг. Его последствия еще длительное время будут оказывать негативное влияние и на долгосрочное развитие этих стран, поскольку большинство из них, и в первую очередь наиболее крупные и развитые в промышленном отношении государства, испытывают серьезные трудности и стоят перед мрачными перспективами. Принятые в ряде стран чрезвычайные меры по стабилизации экономики предусматривают сокращение государственных капиталовложений, ограничение импорта, жесткую экономию валютных средств, пере-

---

[7] «Excelsior», 15.X.1976.

[8] Цит. по: «Excelsior», 18.XII.1976.

смотр наметок действующих программ экономического развития. Естественно, в этих условиях трудно ожидать существенного ускорения темпов роста латиноамериканских стран по крайней мере в течение ближайших лет.

НАРАСТАНИЕ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ

Наиболее ощутимым оказалось воздействие экономического кризиса на валютно-финансовую сферу стран Латинской Америки. Отрицательные последствия неблагоприятной конъюнктуры мирового капиталистического рынка и ухудшение условий торговли были многократно усилены политикой международных монополий, стремящихся переложить бремя кризиса на плечи латиноамериканских народов.

Под предлогом компенсации потерь от роста цен на нефть международные монополии резко подняли цены на промышленные изделия, поставляемые в Латинскую Америку. Это привело к серьезному вздорожанию ее импорта, уже отягощенного высокими ценами на топливо и продовольствие, ввоз которого особенно увеличился в 1975 г. в связи с неурожаем.

В то же время под влиянием кризиса, вызвавшего сокращение спроса в развитых капиталистических государствах, монополии уменьшили закупки в странах Латинской Америки их традиционных товаров, цены на которые упали. Сокращение валютных поступлений от экспорта при одновременном огромном увеличении расходов по импорту вызвало резкое ухудшение состояния торговых и платежных балансов большинства стран региона.

Этому способствовало и усиление протекционизма в развитых капиталистических государствах, которые в условиях кризиса стали вводить различные дополнительные ограничения импорта. Например, принятый в США закон о торговле 1974 г. не только запрещает распространять существующую в США систему таможенных преференций на Венесуэлу и Эквадор как членов ОПЕК, но и предусматривает, что аналогичный запрет может быть применен и к другим латиноамериканским государствам, входящим в организации экспортеров сырья и продовольствия или ведущим борьбу против засилья американских монополий путем национализации их собственности.

Закон устанавливает, что преференции не распространяются на текстиль, одежду, обувь, стекло и изделия из него, часы и многие другие товары, составляющие основу латиноамериканского экспорта готовых изделий. Характерно, что преференции не являются одинаковыми для всех стран. Так, они не распространяются на импорт из Перу меди, сахара, шерсти местных животных (лама, альпака), из Аргентины — консервированной говядины, яблок, сахара, некоторых сортов древесины, из Мексики — семян пшеницы, какао-бобов, сахара, некоторых тропических фруктов и т. д.

По существу, закон о торговле, воздвигающий на пути экспорта стран Латинской Америки в США дополнительные барьеры, является неприкрытой торговой дискриминацией этих стран, что в условиях экономического кризиса особенно серьезно ухудшило условия торговли для последних.

Сильный удар по латиноамериканским странам — производителям и экспортерам сахара нанес также декрет президента США от 21 ноября 1976 г. о повышении в три раза импортных пошлин на сахар. Поскольку большая его часть поступает на американский рынок, новая протекционистская мера США наносит непосредственный ущерб их традиционным поставщикам. Например, Доминиканская Республика теряет 28 млн. долл. ежегодно.

В годы кризиса усилились протекционистские тенденции и в политике западноевропейских стран. В частности, введение Европейским экономическим сообществом с 1974 г. ограничений на импорт говядины из «третьих

стран» создало большие трудности для Аргентины, Уругвая и Бразилии. Так, убытки Аргентины оцениваются в 700 млн. долл. в год.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что протекционистская политика империалистических государств, и прежде всего США, стала в условиях экономического кризиса важным фактором, сдерживающим экспорт латиноамериканских стран и способствующим образованию дефицита в их внешней торговле.

Разрыв в темпах роста экспорта и импорта стран региона начал давать негативные последствия уже в 1974 г., когда для их экспорта еще была характерна тенденция к увеличению. Действительно, по сравнению с 1973 г. он поднялся на 35%, однако их импорт за это время возрос на 71%. Это привело к тому, что торговый баланс региона, который в 1973 г. имел положительное сальдо в 4,5 млрд. долл., в 1974 г. был сведен с дефицитом в 2,9 млрд. долл. В 1975 г. положение ухудшилось, поскольку рост экспорта сменился его падением: по сравнению с 1974 г. он уменьшился на 10%, тогда как импорт продолжал увеличиваться, превысив уровень 1974 г. на 7%. В результате дефицит торгового баланса региона в 1975 г. составил 9,9 млрд. долл.

При этом следует иметь в виду, что латиноамериканские страны — экспортеры нефти в результате повышения мировых цен на нефть добились опережающего роста своего экспорта над импортом и их торговый баланс был в течение 1973—1975 гг. сведен со значительным активом. Совершенно иная картина наблюдалась в странах, не являющихся экспортерами нефти (21 страна). Актив их торгового баланса, составлявший 2,3 млрд. долл. в 1973 г., сменился в 1974 г. огромным дефицитом в 9,9 млрд. долл., возросшим в 1975 г. до 12,9 млрд. долл. Устойчивую тенденцию к росту имел и пассив их платежного баланса по текущим операциям: с 4 млрд. в 1973 г. он увеличился до 13,2 млрд. в 1974 г. и достиг небывалой величины в 16,3 млрд. долл. в 1975 г. При этом $^3/_4$ этой суммы приходилось на три страны — Бразилию, Мексику и Аргентину [9].

Основная вина за растущий дефицит внешней торговли стран Латинской Америки ложится на США. Помимо принятых в США дискриминационных мер в отношении латиноамериканского экспорта, это связано также и с политикой американских монополий в странах региона. Показательно, что исследование по этому вопросу, проведенное в Бразилии правительственной комиссией, привело ее к выводу, что «многонациональные компании являются главной причиной серьезного дефицита торгового баланса» [10]. Изучение деятельности 115 таких компаний выявило, в частности, что осуществлявшийся ими импорт для нужд производственного процесса в их филиалах в Бразилии превышал экспорт готовой продукции на 2,1 млрд. долл. Именно эта сумма составила бо́льшую часть (60%) дефицита торгового баланса страны в 1975 г.

Империалистические монополии несут прямую ответственность за огромный рост дефицита платежных балансов латиноамериканских стран, о чем свидетельствует продолжающийся и усилившийся в годы кризиса вывоз ими из этих стран огромных средств в виде прибылей на вложенный капитал, процентов, дивидендов, платы за патенты, лицензии, использование технических специалистов и т. д. Если в 1950 г. иностранные компании вывезли из Латинской Америки 700 млн. долл. прибыли, то в 1974 г. — 9,2 млрд.

Финансирование дефицитов платежных балансов стало важнейшей проблемой, которую экономический кризис чрезвычайно остро поставил перед латиноамериканскими странами. Необходимость ее решения вынудила их наряду с расходованием золотовалютных резервов во всевозрастающем объеме привлекать средства из внешних источников. Кроме того, не-

---

[9] Рассчитано по: «International Financial Statistics», January 1977.
[10] «Wall Street Journal», 8.X.1976.

которые страны вынуждены были принять специальные меры по экономии валюты, жесткому ограничению импорта и стимулированию экспорта. Так, в Бразилии были повышены таможенные пошлины и введены валютные ограничения на импорт ряда товаров, составляющих более $1/3$ ее ввоза. В Мексике для стимулирования экспорта готовых изделий принято решение о понижении вдвое пошлин на сырье. В Аргентине снижен экспортный налог на зерно и введен контроль за импортными операциями государственных организаций. В Перу стали применяться ограничения на ввоз газетной бумаги, алкогольных напитков и некоторых других товаров. Однако эффективность подобных мер оказалась весьма относительной. Поэтому в конечном счете большинство латиноамериканских стран делают упор на выравнивание торговых и платежных балансов с помощью иностранных займов, что ведет лишь к дальнейшему росту внешней задолженности.

Напряженное валютное положение многих стран Латинской Америки в 1975—1976 гг. проявилось в дальнейшем обесценении национальных валют. Своеобразный рекорд в этом отношении был поставлен Чили, где в 1975 г. национальная валюта была девальвирована 29 раз. Систематические девальвации проводились также в Бразилии, Аргентине, Уругвае. Хотя за свою частоту и незначительное в каждом отдельном случае снижение курса национальной валюты по отношению к доллару США они получили название «мини-девальваций», их кажущаяся безобидность при многократном повторении в конечном итоге оборачивалась весьма внушительным обесценением валюты соответствующих стран. Так, в Бразилии в 1975 г. в результате 14 девальваций курс крузейро по отношению к доллару США упал на 22%, а в 1976 г. после 16 девальваций — еще на 36%. В Уругвае 20 девальваций в течение 1976 г. привели к обесценению песо на 46,5%.

В 1976 г. волна девальваций захлестнула еще две страны — Мексику и Перу, валютные трудности которых под влиянием экономического кризиса значительно возросли. Особенно болезненно это отразилось на Мексике, где в течение последних 22 лет сохранялся устойчивый курс песо по отношению к доллару США. Введенный с сентября 1976 г. свободно колеблющийся курс мексиканского песо сначала «в регулируемых пределах», а затем с октября того же года «без регулируемых пределов» снизил его стоимость по отношению к доллару США почти на 52,8%. Это породило обстановку неуверенности в деловых кругах и паническое бегство капиталов из страны, ввергнув ее в тяжелый валютно-финансовый кризис.

Ухудшение условий торговли и растущий дефицит платежных балансов латиноамериканских стран серьезно обострили проблему их внешней задолженности. Если в 1970 г. она выражалась в сумме 21 млрд. долл., в 1974 г. возросла до 45,4 млрд., то в 1976 г. уже превышала 70 млрд. долл. [11], что вдвое больше стоимости латиноамериканского экспорта за этот же год. Особенно больших размеров в 1976 г. достиг внешний долг Бразилии — 28 млрд. долл., что соответствует $1/3$ ее ВНП. Огромную внешнюю задолженность имеют также (в млрд. долл.) Мексика — 24, Аргентина — 12, Чили — 7, Перу — 3,7, Колумбия — 4,5 и т. д. «Тревожно то, — подчеркивает известный аргентинский экономист Рауль Пребиш, — что этот долг не представляет собой производственных капиталовложений для ускорения экономического развития, а является финансированием импорта, предназначенного для потребления» [12].

По мере накопления внешнего долга стран Латинской Америки в нем растет доля обязательств, имеющих сроки погашения до 10 лет. В 1970 г. на них приходилось 68%, а в 1974 г. — уже 79% внешней задолженности стран региона [13].

---

[11] «El Sol de México», 19.XI.1976.
[12] Ibidem.
[13] «Excelsior», 23.XII.1976.

В поисках средств для погашения внешней задолженности латиноамериканские государства вынуждены все чаще обращаться за новыми займами к международным финансовым организациям и частным банкам отдельных капиталистических государств. Например, в 1975 г. общая сумма иностранных кредитов, полученных Бразилией, достигла 10,8 млрд. долл. Большие займы для выравнивания своих платежных балансов получили Аргентина и Мексика. Так, банки США, Канады, Японии и стран Западной Европы, а также Международный валютный фонд предоставили в 1976 г. Аргентине в общей сложности 1,3 млрд. долл. В том же году Международный валютный фонд и казначейство США выделили Мексике 1,9 млрд. долл. Временно смягчая напряженное положение с платежами, новые займы в то же время увеличивают внешнюю задолженность латиноамериканских стран.

Под влиянием экономического кризиса в большинстве стран Латинской Америки ухудшилось также и их внутреннее финансовое положение. Во многих из них возрос дефицит государственных бюджетов, усилился инфляционный рост цен, значительно вздорожала стоимость жизни. Попытки некоторых стран региона уменьшить дефицит бюджета и принять меры для борьбы с инфляцией сопровождались, как правило, сокращением государственных капиталовложений и кредитов, что, в свою очередь, оказывало сдерживающее влияние на темпы их экономического роста.

РОСТ БЕЗРАБОТИЦЫ И УХУДШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Важнейшим социальным последствием экономического кризиса в странах Латинской Америки стала безработица, которая в условиях замедления темпов роста экономики приобрела массовый характер. Почти повсеместно происходило принудительное сокращение рабочей недели, практиковались массовые увольнения, а в некоторых случаях закрывались предприятия. Ряды безработных пополнялись и за счет возвратившихся на родину латиноамериканцев, выезжавших на заработки в развитые капиталистические страны и лишившихся там работы вследствие кризиса. По данным Экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки, полностью или частично безработными в этих странах являются 34% трудоспособного населения[14]. Причем в эту цифру не входят десятки миллионов женщин, способных заниматься продуктивным трудом и нуждающихся в нем по экономическим причинам; кроме того, не учитывается несколько миллионов латиноамериканцев, ведущих убогое крестьянское хозяйство и, по существу, являющихся безработными.

Подсчеты, проведенные Международной организацией труда, показали, что в 1975 г. в Латинской Америке не имели работы 25 млн. человек, или примерно $1/3$ самодеятельного населения региона. Поскольку работа является для трудящихся единственным источником дохода, ее потеря означает лишение средств к существованию не только для них, но и для членов их семей. Иными словами, речь может идти о 125—150 млн. человек, обреченных на голод и нищету.

Особенно острый характер безработица приобрела в Чили, где ее рост был обусловлен не только последствиями кризиса, но и антинародной экономической политикой военной хунты. Даже по данным властей этой страны, средний уровень безработицы в сентябре 1976 г. возрос до 22, а по неофициальным оценкам — до 30% самодеятельного населения страны. Это означает, что в 1976 г. не имели работы свыше 800 тыс. чилийцев.

Внушительных размеров достигла также безработица в Аргентине — к сентябрю 1976 г. она увеличилась до 8,8% экономически активного населения, или примерно до 900 тыс. человек. Хотя официальная статистика не учитывает безработных, тем не менее из сообщений, время от

[14] «Правда», 10.III.1977.

времени просачивающихся в печать, следует, что и в других странах их число достигает огромных размеров. Так, в Бразилии крах «экономического чуда» привел к тому, что из 35 млн. человек самодеятельного населения в 1975 г. $^1/_3$ составляли частично или полностью безработные. В Мексике в 1976 г. безработицей было охвачено 30% трудящихся, в Гайане — 25—30%, в Уругвае — 19,4%, в Панаме — от 15 до 25%, в Колумбии — 10,4%.

Одна из отличительных черт последнего экономического кризиса заключается в том, что он развернулся в условиях галопирующей инфляции. которая придала особую остроту кризисным процессам. В странах Латинской Америки она тяжело отразилась на положении широких слоев трудящихся, стала причиной систематического снижения покупательной способности их и без того мизерной заработной платы, вызвав новое резкое снижение уровня жизни народа. «Во многих странах Латинской Америки,—указывается в декларации конференции коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшейся в Гаване в 1975 г.,—преобладает нищенская заработная плата. Та часть национального дохода, которую получает рабочий класс, все больше уменьшается, а реальная заработная плата снижается в связи с инфляцией и постоянным ростом стоимости жизни» [15].

Особой остроты эти проблемы достигли в Аргентине и Чили. По официальным данным, индекс стоимости жизни в Аргентине в 1975 г. увеличился на 334,9, а в 1976 г.— на 347,5%. В Чили он возрос за эти же годы на 340,7 и 174,3% соответственно. Это привело к резкому снижению покупательной способности трудящихся. В частности, в Аргентине, по свидетельству официальных источников, реальная заработная плата в 1976 г. упала на 50%. В результате непрерывного роста дороговизны стоимость жизни за минувший год существенно увеличилась и в других странах: в Бразилии—на 46, Уругвае—40, Колумбии—26, Эквадоре—13,1, Боливии—на 12%.

Рост цен коснулся прежде всего продовольственных товаров и предметов первой необходимости; подорожали также коммунальные услуги, в особенности плата за жилье и проезд в городском транспорте. Все это болезненно сказалось на бюджете широких слоев населения, вызвало значительное ухудшение их материального положения.

Массовая безработица, падение реальной заработной платы и как результат—снижение уровня жизни народа способствовали чрезвычайному обострению социальной напряженности в регионе, нарастанию стачечной борьбы. В 1975—1976 гг. трудящиеся стран Латинской Америки настойчиво выступали с требованием о повышении заработной платы и улучшении условий труда, а также с протестом против незаконных увольнений и роста дороговизны.

Показательны в этом отношении события в Аргентине, где в 1975 г. было проведено около 1100 забастовок, в которых приняли участие свыше 28 млн. человек. В 1976 г., несмотря на изданные военным правительством законы, запрещающие забастовки, борьба аргентинских трудящихся за свои права усилилась. В частности, в сентябре—декабре прошлого года бастовали 250 тыс. рабочих.

Волна массовых забастовок с требованием повысить заработную плату, демонстраций и маршей протеста против дороговизны прокатилась в 1976 г. по большинству стран Латинской Америки. Накал классовой борьбы в регионе не только не ослабевает, а, наоборот, нарастает.

* * *

Кризис 1974—1975 гг., охвативший мировую капиталистическую систему, вызвал в большинстве стран Латинской Америки резкое замедле-

[15] «Коммунист», № 10, 1975, стр. 100.

ние, а в некоторых из них — прекращение экономического роста, отбросив регион в его развитии на несколько лет назад. При этом темпы выхода капиталистических государств из самого серьезного со времени 30-х годов экономического кризиса не позволяют питать надежд на быстрое преодоление его последствий, тем более в экономике латиноамериканских стран.

Стремясь преодолеть кризис, большинство стран Латинской Америки вынуждено прибегать к чрезвычайным мерам — ограничению импорта и экономии валютных средств, уменьшению бюджетных ассигнований и сокращению капиталовложений, к урезыванию своих программ экономического развития, то есть к мероприятиям, которые неизбежно связаны с замедлением темпов роста.

Те страны, которые делают ставку на привлечение иностранного капитала для оживления экономики, вынуждены расплачиваться за это новыми, еще большими уступками международным монополиям, что ведет к усилению их зависимости от империализма.

Жизнь показала всю трудность решения жгучих экономических и социальных проблем Латинской Америки в рамках ее зависимого капиталистического развития. Как указывается в декларации конференции в Гаване, «подлинный путь развития латиноамериканских стран заключается не в капитуляитском реформизме, не в выпрашивании «помощи» у монополий, а в проявлении политической решимости добиться экономической независимости и провести глубокие преобразования» [16].

---

[16] Там же, 1975, стр. 94.

Экспорт частного долгосрочного капитала и платежный баланс США

В. УШАКОВ

Экспорт капитала принадлежит к числу наиболее характерных черт империалистической стадии капитализма. По определению В. И. Ленина, вывоз капитала является одной из самых существенных экономических основ империализма, экономическим условием его существования [1]. Достигнув гигантских масштабов в послевоенный период, экспорт капитала стал одним из важнейших факторов экономической и политической жизни капитализма.

На современном этапе развития мирового капиталистического хозяйства экспорт капитала и возникающие на его основе международные корпорации оказывают значительное воздействие на весь комплекс экономических отношений между капиталистическими государствами. Международные корпорации концентрируют в своих руках огромный экономический потенциал. В начале 70-х годов они контролировали примерно $^1/_5$ производства валового общественного продукта, около половины промышленного производства, половину внутренней и внешней торговли, 90% заграничных прямых инвестиций капиталистических стран, а их ликвидные активы более чем в два раза превышали общие валютные запасы центральных банков и международных валютных организаций. Вместе с тем деятельность международных корпораций является источником наиболее глубоких и острых межимпериалистических противоречий. На XXV съезде КПСС подчеркивалось, что «возросшая мощь международных монополий сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной», а это оказывает дестабилизирующее воздействие на развитие международных экономических отношений капитализма, в том числе платежно-расчетных, получающих отражение в платежных балансах капиталистических государств.

ФОРМЫ И МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРЯМЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС

Экспорт частного долгосрочного капитала оказывает разностороннее и подчас весьма противоречивое воздействие на внешнеэкономические расчеты страны, и в первую очередь на ее платежный баланс (таблица 1).

Непосредственное воздействие прямых инвестиций на платежный баланс включает их первоначальный отток и ассоциированный товарный экспорт, то есть связанный с капиталовложениями вывоз капитального оборудования и запасных частей, который бы не осуществлялся в случае отсутствия зарубежных филиалов транснациональных корпораций капиталистических государств.

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397; т. 26, стр. 352.

Таблица I

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРЯМЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС

Вид воздействия	Форма воздействия	Влияние на платежный баланс
Непосредственное воздействие	Перевод валюты для прямых капиталовложений за границу	Платежи —
	Ассоциированный товарный экспорт	Поступления +
Вторичное воздействие	Экспорт материалов и запасных частей	Поступления +
	Экспорт услуг, включая управленческие и патентные права	Поступления +
	Обратный перевод доходов от зарубежных инвестиций	Поступления +
Третичное воздействие	Содействие экспорту посредством заграничных филиалов	Поступления +
	Замещение экспорта производством на заграничных филиалах	Уменьшение поступлений —
	Конкуренция со стороны импорта из зарубежных филиалов	Платежи —

Подавляющая часть прямых зарубежных инвестиций промышленно развитых капиталистических стран сосредоточена в обрабатывающей, горнодобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях промышленности. Эти прямые инвестиции после их осуществления порождают постоянный приток доходов в платежный баланс. Три вида вторичного воздействия прямых инвестиций на платежный баланс, приведенные в таблице 1, включают поступления от экспорта товаров в зарубежные филиалы и оказание им услуг в виде предоставления современной технологии, а также репатриируемые доходы, которые играют главную роль в анализе взаимоотношения прямых зарубежных инвестиций и капиталистического платежного баланса. Величина финансовых поступлений по ранее осуществленным прямым капиталовложениям достигает обычно значительных размеров по сравнению с другими статьями платежного баланса, а норма прибыли на зарубежные инвестиции является определяющим фактором темпа роста экспорта капитала в форме прямых инвестиций.

Первый и второй вид третичного воздействия представляют собой содействие экспорту через зарубежные филиалы, когда, например, некоторые виды товаров направляются в филиалы для перепродажи или же когда осуществляется экспорт полуфабрикатов и компонентов с целью их дальнейшей обработки и сборки за рубежом и замещение экспорта производством за границей, характеризующимся более низкими издержками производства и реализации. Последняя форма третичного воздействия прямых зарубежных инвестиций на платежный баланс состоит в конкуренции со стороны импорта из зарубежных филиалов, когда промежуточные продукты и готовые изделия, выпущенные зарубежным филиалом и при более низких издержках производства, направляются обратно в страну материнской компании.

Требуется ряд лет, чтобы первоначальный отток капитала привел к образованию обратного потока доходов и чистых поступлений от торговли, равных этому оттоку; такой период времени называется в экономической литературе сроком окупаемости (или периодом возмещения). Норма прибыли на зарубежные инвестиции и сумма репатриируемых прибылей, остающаяся после вычета местных налогов в капиталоимпортирующих государствах, являются основными факторами, определяющими продолжительность периода, необходимого для того, чтобы данный объем зарубежных

инвестиций породил свою собственную компенсацию для платежного баланса на ежегодной или кумулятивной основе.

Существует два способа рассмотрения воздействия прямых зарубежных инвестиций на платежный баланс. Первый заключается в выделении какого-то определенного оттока прямых инвестиций и в определении его последствий для платежного баланса в последующие периоды. Второй подход состоит в анализе влияния на платежный баланс длительного оттока капитала, предназначенного для прямых инвестиций. В последнем случае предусматривается возможность постоянного роста общей суммы прямых зарубежных капиталовложений с учетом последствий, которые оказывают на платежный баланс единичные прямые инвестиции. В результате возрастут доходы от прямых инвестиций, переводимые обратно в страну-инвестор, которые в платежном балансе фигурируют в качестве приходной статьи (при наличии постоянного отношения между репатриируемыми доходами и общей суммой прибыли, полученной за границей). Основой этого роста доходов явится увеличение инвестиционной базы, финансируемой за счет внутренних фондов, полученных из нераспределенной заграничной прибыли, и оттока нового капитала, предназначенного для прямых инвестиций из капиталоэкспортирующей страны. В этом варианте следует различать по крайней мере две возможности. Первая предполагает наличие постоянного оттока прямых инвестиций в каждом году, в то время как вторая исходит из их возрастающего оттока. Репатриируемые доходы от зарубежных инвестиций и продолжительность периода возмещения для платежного баланса для всех трех видов анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 рассчитана исходя из предположения, что норма прибыли на инвестиции составляет 20% (относительно высокий уровень), а отношение репатриируемых доходов к общей (валовой) прибыли — 60%. В результате нераспределенные заграничные прибыли увеличиваются на 8% в год. При этих условиях потребуется семь лет для получения положительного кумулятивного эффекта на платежный баланс. Однако первый подход не дает ответа на вопрос о том, что случится с платежным балансом в случае постоянного оттока прямых инвестиций. В разделе «B» таблицы 2 исходим из аналогичных предположений в отношении нормы прибыли и процента репатриируемых доходов, но допускаем наличие постоянного (фиксированного по величине) оттока новых прямых инвестиций. Расчеты показывают, что для получения чистого положительного сальдо платежного баланса потребуется семь лет и для достижения кумулятивного положительного итога — тринадцать лет. Во втором варианте этого подхода предполагается, что длительный отток прямых инвестиций возрастает ежегодно на 10% (раздел «C» таблицы 2). В этом случае потребуется десять лет для получения чистого и шестнадцать лет — кумулятивного положительного воздействия на платежный баланс.

Из предшествующего анализа можно заключить, во-первых, что общее влияние на платежный баланс зависит в значительной степени от темпа роста оттока прямых инвестиций. Во-вторых, когда чистый доход от прямых капиталовложений (репатриируемые доходы в процентном отношении к инвестированному капиталу) превышает темп роста оттока прямых инвестиций, можно в конечном счете ожидать чистое положительное воздействие на платежный баланс. В-третьих, чем больше превышение нормы прибыли над темпом роста оттока прямых инвестиций, тем быстрее будет получен чистый и кумулятивный положительный эффект прямых зарубежных инвестиций для платежного баланса.

В действительности экспорт капитала выступает как непрерывный процесс, интенсивность которого увеличивается из года в год. Поэтому наиболее обоснованной, на наш взгляд, является третья модель, в то время как для индивидуальных инвесторов более оправданной является первая модель. Это подтверждается многочисленными опросами американских

Таблица 2

РЕПАТРИИРУЕМЫЕ ДОХОДЫ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРИОДА ВОЗМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА

(в долл.)

Год	Отток капитала	Прибыли	Репатриируемые доходы	Ежегодное воздействие на платежный баланс	Кумулятивное воздействие на платежный баланс
А. Единичные прямые инвестиции					
0	1 000	-	-	−1 000	− 1 000
1	»	200	120	+ 120	− 880
2	»	216	130	+ 130	− 750
3	»	233	140	+ 140	− 610
4	»	252	151	+ 151	− 459
5	»	272	163	+ 163	− 296
6	»	294	176	+ 176	− 120
7	»	318	191	+ 191	+ 71
В. Длительный отток капитала, презназначенный для прямых инвестиций					
0	1 000	-	-	−1 000	−1 000
1	»	200	120	− 880	−1 880
2	»	417	250	− 750	−2 630
3	»	650	390	− 610	−3 240
4	»	902	541	− 459	−3 699
5	»	1 173	704	− 296	−3 995
6	»	1 467	880	− 120	−4 115
7	»	1 785	1 071	+ 71	−4 044
8	»	2 127	1 276	+ 276	−3 768
9	»	2 497	1 498	+ 498	−3 270
10	»	2 897	1 738	+ 738	−2 532
11	»	3 328	1 997	+ 997	−1 535
12	»	3 795	2 277	+1 277	− 258
13	»	4 298	2 579	+1 579	+1 321
14	»	4 842	2 905	+1 905	+3 226
С. Длительный увеличивающийся отток капитала, предназначенный для прямых инвестиций					
0	1 000	-	-	−1 000	−1 000
1	1 100	200	120	− 980	−1 980
2	1 210	437	262	− 948	−2 928
3	1 330	713	428	− 902	−3 830
4	1 460	1 035	621	− 839	−4 669
5	1 610	1 410	846	− 764	−5 433
6	1 770	1 845	1 107	− 663	−6 096
7	1 950	2 347	1 408	− 542	−6 638
8	2 140	2 923	1 754	− 386	−7 024
9	2 360	3 585	2 151	− 209	−7 233
10	2 590	4 343	2 606	+ 16	−7 217
11	2 850	5 210	3 126	+ 276	−6 941
12	3 140	6 197	3 718	+ 578	−6 363
13	3 454	7 320	4 392	+ 938	−5 425
14	3 800	8 595	5 157	+1 357	−4 068
15	4 180	10 043	6 026	+1 846	−2 222
16	4 598	11 682	7 009	+2 411	+ 189

Рассчитано по: Nicholas K. Bruck and Francis A. Lees. Foreign Investment, Capital Controls, and the Balance of Payments (New York University, Graduate School of Business Administration, Institute of Finance. «The Bulletin», April 1968, p. 31).

бизнесменов, принимающих участие в осуществлении прямых инвестиций в Западной Европе, большинство из которых считает период окупаемости своих зарубежных капиталовложений равным даже 3—4 годам [2].

ПРЯМЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ИХ РОЛЬ В СИСТЕМЕ ПЛАТЕЖНО-РАСЧЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Величина прямых американских инвестиций за границей может быть увеличена за счет дополнительного поступления капитала из США, представляющего собой расходную статью в платежном балансе, или же за счет реинвестиции прибылей, полученных зарубежными филиалами американских корпораций, которые не связаны непосредственно с платежным балансом. Экспорт капитала для прямого инвестирования за границей возрос с 1,6 млрд. в 1961 г. до 7,7 млрд. долл. в 1974 г., но затем сократился до 6,3 млрд. в 1975 г., причем основная часть финансовых средств направлялась в зарубежные филиалы монополий обрабатывающей и нефтяной отраслей промышленности.

Наличие производственных активов за границей ведет к образованию финансовых накоплений, часть которых возвращается в США в виде доходов от инвестиций и дивидендов и регистрируется в качестве приходной статьи платежного баланса. Доходы от прямых зарубежных инвестиций США явились положительным фактором в платежном балансе. Они увеличились с 2,8 млрд. в 1961 г. до 17,8 млрд. долл. в 1974 г., уменьшившись до 9,5 млрд. в 1975 г. Некоторое сокращение текущего вывоза капитала для целей прямого зарубежного инвестирования и довольно существенное уменьшение обратных поступлений доходов от прямых капиталовложений за границей в 1975 г. по сравнению с 1974 г. были вызваны экономическим кризисом, а также сокращением на 3—5% капитальных затрат зарубежных филиалов транснациональных промышленных корпораций США (исключая отрасли нефтеперерабатывающей промышленности) [3]. Несмотря на то, что экспорт капитала представляет собой лишь один из источников финансирования капитальных затрат за границей (помимо реинвестируемых прибылей и амортизационных отчислений), исторически наблюдается устойчивая корреляция между оттоком капитала и капитальными затратами зарубежных филиалов. Кроме того, материнские компании, находящиеся в США, получают выплаты от своих зарубежных филиалов в виде отчислений и вознаграждений за пользование патентами, управленческими услугами и прочими видами технической информации, которые также являются статьей приходной части платежного баланса; их сумма возросла с 0,7 млрд. в 1961 г. до 3,5 млрд. долл. в 1975 г.

С принятием в 1968 г. программы обязательного контроля за зарубежными инвестициями американских корпораций [4] монополии США стали в значительно большей, чем прежде, степени полагаться на иностранные источники для финансирования своих прямых инвестиций, в первую очередь путем выпуска облигаций или же непосредственно на основе получения ссуд у зарубежных финансовых учреждений. Эти иностранные займы при условии первоначального перевода вырученных средств в США регистрируются как приходная статья платежного баланса, которая уравно-

[2] Из таблицы 2 видно, что среднее превышение первоначального оттока капитала над общей суммой обратных поступлений в течение семилетнего периода составляет около 500 долл. Иначе говоря, требуется половина этого периода (то есть три с половиной года) для того, чтобы был компенсирован первоначальный отток капитала, предназначенного для прямых зарубежных инвестиций (Emile Benoit. The Balance of Payments Payoff of Direct Foreign Investments («International Finance for Multinational Business». Ed. by Lee Charles Nehrt. Scranton, 1967, pp. 181—182).

[3] «Survey of Current Business», March 1976, p. 21.

[4] Руководство программой было возложено на Управление прямых зарубежных инвестиций министерства торговли США. С 1 января 1970 г. были приняты меры по смягчению контроля над вывозом капиталов из США, а в январе 1974 г. этот контроль был отменен.

вешивает экспорт капитала, направленный на увеличение прямых зарубежных инвестиций. За период с 1968 по 1975 г. иностранные займы составляли в средием за год 2,4 млрд. долл., то есть около 40% (с учетом банковских кредитов) средней суммы всех валютных поступлеиий, отражаемых в платежном балансе страны. Данные об уплате процентов по иностранным займам имеются лишь с 1967 г., так как до 1965 г. иностранные займы были незиачительными.

Чтобы определить степень влияния прямых зарубежиых иивестиций иа платежный баланс, статьи дебета и кредита могут быть сопоставлены за каждый год или же сразу за определеиный период в несколько лет. Из таблицы 3 видно, что приток в платежный баланс доходов от прямых инвестиций, платежей за патенты и прочие виды технической информации и поступлений от иностранных займов зиачительио превосходил отток капитала для осуществления прямых инвестиций и уплату процентов по иностранному долгу. В целом чистый приток средств в платежиый балаис за 1961—1975 гг. составил свыше 78 млрд. долл., при этом примерио одну четверть поступлений можно отнести за счет займов у иностранных учреждений и лиц. Однако следует иметь в виду, что одновременно частиый международный кредит в определенной степени подрывает платежиый баланс страны-заемщика, так как вынуждает ее изыскивать дополнительиые финансовые ресурсы в национальной экономике для погашеиия осиовного долга и уплаты процеитов и дивидендов в долгосрочной перспективе.

Кроме счетов движеиия капитала в платежиом балансе, экспорт капитала в форме прямых иивестиций влияет на торговый баланс, в частно-

Таблица 3

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ АМЕРИКАНСКИХ КОРПОРАЦИЙ НА СТАТЬИ ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА США, УЧИТЫВАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА

(в млрд. долл., зиак — означает отток капитала)

Счета, отражающие движение капитала	Годы											
	1961	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	Итого за 1961—1975
Прямые американские инвестиции за рубежом	-1,6	-3,7	-3,1	-3,2	-3,3	-4,4	-4,9	-3,5	-5,0	-7,7	-6,3	-56,2
Займы американских прямых инвесторов за границей	...	0,7	0,5	3,4	2,4	3,9	1,9[1]	2,8[1]	2,4[1]	1,5[1]	0,6[1]	20,4
Уплата процентов по заграничным займам . .	+	+	-0,1	-0,2	-0,2	-0,6	-0,7	-0,8	-0,6	...	...	-3,4
Доход от прямых инвестиций за границей .	2,8	4,0	4,5	5,0	5,7	6,0	6,4	6,9	8,8	17,8	9,5	91,2
Поступления в виде платежей за патенты и прочие виды технической информации . .	0,7	1,3	1,4	1,5	1,7	1,9	2,2	2,4	2,5	3,0	3,5	26,0
Чистая сумма движения капитала	1,9	2,3	3,2	6,5	6,1	6,8	4,9	7,8	8,1	14,6	7,3	78,0

Примечания: + Менее 50 млн. долл.
[1] Включаются поступлеиия от продажи за границей акций и облигаций иовых эмиссий, осуществленных американскими корпорациями, а также другие долгосрочные обязательства американских корпораций; не включаются средства, полученные за границей от банков.

Рассчитано по: Susan B. Foster. Impact of Direct Investment Abroad by United States Multinational Companies on the Balance of Payments (Federal Reserve Bank of New York. «Monthly Review», July 1972, p. 172); «Survey of Current Business», August 1974, Part II, pp. 11, 16, 23; September 1973, p. 22; March 1974, p. 40; October 1975, pp. 47, 49; March 1976, pp. 40, 45; August 1976, pp. 42, 44, 45.

сти на товарный экспорт. Существуют два типа воздействия прямых зарубежных инвестиций на вывоз товаров — это ассоциированный и замещенный (вытесненный) экспорт.

В 1970 г. экспорт американских компаний в зарубежные филиалы составил 9,8 млрд. долл. Кроме того, монополии США вывезли различных товаров на сумму 11,4 млрд. долл. зарубежным филиалам для перепродажи или сдачи в аренду иностранным заказчикам, не входящим в состав филиалов. Таким образом, общая сумма экспорта, направляемого в адрес транснациональных корпораций США, составила в 1970 г. 21,2 млрд. долл.[5], из которых 15,3 млрд. (или 72%) приходилось на промышленно развитые капиталистические государства. Что касается замещенного (вытесненного) экспорта, то это явление имеет место только в обрабатывающих отраслях промышленности, так как производственная деятельность прочих филиалов, в первую очередь нефтеперерабатывающих и горнометаллургических, связана с промышленной переработкой первичных энергоресурсов и других сырьевых материалов, которых недостает в самих США. Проблема определения объема замещенного экспорта чрезвычайно сложна и не поддается точной количественной оценке. В этом случае необходимо знать, за счет каких источников удовлетворялся бы спрос других стран на те или иные товары при отсутствии зарубежных филиалов американских транснациональных корпораций: с помощью экспорта готовых изделий из США или же за счет производства этой продукции на предприятиях, принадлежащих другим государствам.

Поскольку замещение американского товарного экспорта производством на зарубежных филиалах является постоянным, то это дает возможность проследить изменение доли рынка, приходящейся на экспорт из США, по отношению к объему производства зарубежных филиалов. Данные об экспорте из США и объеме продаж, осуществленных зарубежными филиалами американских транснациональных корпораций по пяти основным категориям готовых изделий, показывают, что доля рынка, обслуживаемая экспортом из США, сократилась с 35% в 1962 г. до 27% в 1974 г.[6] (таблица 4).

Если бы относительная доля товарного экспорта на рынке оставалась неизменной, то его объем в 1974 г. был бы на 13 млрд. долл. больше по сравнению с фактически достигнутым уровнем.

Таким образом, степень вытеснения экспорта из-за прямых зарубежных инвестиций (4 млрд. в 1970 г. и 13 млрд. долл. в 1974 г.) является незначительной по сравнению с ассоциированным товарным экспортом (21,2 млрд. долл. в 1970 г.), а экспортный вклад американских транснациональных корпораций в платежный баланс США в большинстве случаев положителен.

Что касается влияния экспорта капитала в форме прямых инвестиций на импорт США, то здесь необходимо различать ввоз товаров, который имел бы место даже в случае отсутствия американских филиалов за границей, и ту часть импорта, которую можно непосредственно отнести на их счет. К первой категории относится импорт, осуществляемый из филиалов нефтеперерабатывающей и горнометаллургической отраслей, который отражает основные потребности США в этих видах сырья и который получил особое значение в условиях обострения энергетического и сырьевого кризисов.

Наличие за границей более низких издержек производства и обращения побуждает американские корпорации не только строить производст-

[5] «Survey of Current Business», December 1972, pp. 25—26.

[6] Общий объем поставок на рынок определяется как сумма продаж зарубежных филиалов монополий обрабатывающей промышленности за пределами США плюс экспорт из Соединенных Штатов по указанным пяти категориям товаров, по которым имеются сравнительные данные.

Таблица 4

ЭКСПОРТ США И ОБЪЕМ СБЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛИАЛОВ АМЕРИКАНСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ (в млрд. долл.)

Виды товаров	Годы											
	1962	1963	1964	1965	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Химические изделия												
Продажа филиалами	4,4	5,1	5,9	6,9	8,9	10,2	11,0	12,6	15,1	18,5	25,5	36,2
Экспорт США . . .	1,9	2,0	2,4	2,4	2,8	3,3	3,4	3,8	3,8	4,1	5,7	8,8
Резиновые изделия												
Продажа филиалами	1,3	1,3	1,6	1,7	2,0	2,1	2,2	2,4	2,7	3,2	3,9	5,0
Экспорт США . . .	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,5
Оборудование, кроме электрического												
Продажа филиалами	3,4	3,7	4,6	5,4	7,4	8,2	10,3	12,0	13,9	16,5	22,2	27,4
Экспорт США . . .	4,1	4,2	4,8	5,2	6,2	6,5	7,4	8,6	8,7	9,8	12,6	17,3
Электрическое оборудование и машины												
Продажа филиалами	2,7	3,0	3,6	4,0	4,8	5,3	5,9	7,3	9,1	10,9	13,9	17,4
Экспорт США . . .	1,4	1,5	1,7	1,7	2,1	2,3	2,7	3,0	3,1	3,7	5,0	7,0
Транспортное оборудование												
Продажа филиалами	6,7	8,0	9,5	10,7	12,8	14,5	16,1	16,7	20,2	24,1	30,4	32,7
Экспорт США[1] . .	1,8	1,9	2,2	2,2	3,1	3,7	5,5	5,6	6,9	7,5	8,0	10,5
Всего по указанным видам товаров												
Продажа филиалами	18,5	21,1	25,2	28,7	35,9	40,3	45,5	51,0	61,0	73,2	95,9	118,7
Экспорт США[1] . .	9,3	9,7	11,3	11,7	14,4	16,0	19,2	21,2	22,7	25,3	31,6	44,1

[1] Исключая гражданские самолеты.

Примечание: Доля рынка, обслуживаемая за счет экспорта из США, составляла в 1962 г. приблизительно 35% ($\frac{9,3}{18,5+9,3} \times 100\% = 35\%$), а в 1974 г.— приблизительно 27% ($\frac{44,1}{44,1+118,7} \times 100\% = 27\%$).

Рассчитано по: Susan B. Foster. Impact of Direct Investment Abroad by United States Multinational Companies on the Balance of Payments (Federal Reserve Bank of New York. «Monthly Review», July 1972, p. 175); «Overseas Business Reports». Department of Commerce, June 1974, pp. 12, 14, 18, 20, 22; April 1975, pp. 6—8; «Survey of Current Business», August 1974, Part II, pp. 34—38; August 1975, pp. 36—37; May 1976, p. 27.

венные предприятия за пределами США, но и импортировать продукцию этих филиалов для ее непосредственного сбыта или последующей сборки импортируемых узлов и деталей в США. Примером такого рода деятельности является производство компонентов электронного оборудования в ряде стран Дальнего Востока. В других случаях определенные преимущества в области производственных издержек могут быть результатом инициативы со стороны правительств тех стран, где создаются филиалы американских корпораций. Например, в Мексике предоставляются специальные налоговые льготы в целях поощрения создания сборочных заводов, причем готовые изделия экспортируются обратно в США. Предоставляя иностранным инвесторам возможность учреждения филиалов на своей территории, принимающая страна получает ряд выгод, обеспечивая занятость своего населения и получая доход в иностранной валюте.

За 1962—1974 гг. импорт из всех зарубежных филиалов обрабатывающей промышленности вырос приблизительно в девять раз и достиг в

последний год этого периода 11,2 млрд. долл.[7], составив около 11% общего объема импорта, за исключением товаров военного назначения. Хотя это увеличение весьма значительно, тем не менее оно в первую очередь является результатом соглашения о поставках автомобилей и деталей к ним, подписанного Соединенными Штатами и Канадой в 1965 г. Если же исключить импорт транспортного оборудования из Канады (4,9 млрд. долл. в 1974 г.), то окажется, что ввоз остальных товаров за указанный период вырос в пять раз, то есть почти вдвое меньше, а его сумма составила 6,3 млрд. долл. Это увеличение импорта приходится в основном опять же на Канаду, откуда в США поставляются бумага и сопутствующие продукты, первичные и обработанные металлы и оборудование. Объем перечисленных поставок в США достиг только 1,5% от общей величины продаж, осуществленных филиалами в 1974 г. (437,7 млрд. долл.). Таким образом, подавляющая часть продукции, производимой зарубежными филиалами обрабатывающей промышленности (94% в 1974 г.), предназначается для сбыта в других странах, а не на рынке США, а удельный вес ввоза продукции такого рода в общем объеме американского импорта значительно меньше доли ассоциированного товарного экспорта в общем экспорте США.

Таким образом, прямое зарубежное инвестирование оказывает положительное влияние как на статьи платежного баланса, по которым учитывается международная миграция капитала, так и на торговый баланс США, причем степень этого воздействия в значительной мере зависит от финансовых последствий прямых инвестиций для счетов движения капитала в платежном балансе.

ПОРТФЕЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ВАЛЮТНАЯ СФЕРА

В начале XX в., особенно в 20-е годы, продажа иностранных акций и облигаций на рынке США достигала значительного размера. Однако мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и вторая мировая война привели к сокращению оттока из страны портфельного капитала, который вновь увеличился в середине 50-х годов. Под портфельными инвестициями понимается приобретение резидентами США иностранных акций, облигаций и других долгосрочных ценных бумаг, причем эти инвестиции не связаны с осуществлением контроля над заграничными предприятиями.

Воздействие на платежный баланс, оказываемое покупкой акций, аналогично влиянию прямых инвестиций. Покупка акций приводит к притоку дивидендов, в то же время приобретаемый актив обычно является более ликвидным, чем прямые инвестиции. Акции корпораций, в особенности те из них, которые обращаются на бирже, пользуются устойчивым спросом. Иностранец, владеющий акциями, может продать их и получить обратно свой капитал за короткий отрезок времени. Страны, зарубежные активы которых принимают эту форму, получают бóльшие преимущества быстрой реализации своих авуаров, чем те, активы которых представлены прямыми инвестициями, но уступают последним в области осуществления эффективного контроля над экономикой капиталоимпортирующих государств.

Воздействие на платежный баланс, оказываемое оттоком капитала, вызванным покупкой облигаций, определить легче, чем при приобретении акций, если облигации впредь до наступления срока погашения будут находиться у резидентов США. Воздействие на платежный баланс определяется на основе графика процентных платежей и выплаты основного долга при наступлении срока платежа. Вычисленная таким образом общая величина притока средств превысит к концу срока погашения их первоначальный отток на сумму процентных платежей.

Кроме того, приток фондов из-за границы, связанный с приобретением иностранными инвесторами национальных акций и облигаций, обыч-

[7] «Survey of Current Business», May 1976, p. 28.

но сопровождается дополнительным расходованием денежных средств в иностранных государствах, что увеличивает экспорт страны-кредитора[8].

По мере того, как резиденты США осуществляют куплю-продажу иностранных ценных бумаг, складывающееся соотношение между оттоком портфельного капитала и последующим поступлением связанных с ним доходов в конечном счете и предопределяет чистый положительный или отрицательный итог для платежного баланса США.

Ввиду отсутствия необходимых данных невозможно дать точную количественную оценку влияния портфельных инвестиций на платежный баланс США и срока окупаемости портфельного капитала для платежного баланса. Можно лишь предположить, что оно не является таким ощутимым и что срок окупаемости больше, чем в случае с прямыми инвестициями, хотя бы потому, что в 60-е годы, по оценкам американского экономиста Ф. Белла, норма прибыли на портфельный капитал, инвестированный в иностранные долгосрочные ценные бумаги, составляла 7%[9], а темп роста оттока портфельного капитала из США за границу равнялся в среднем 10%. Это предположение подтверждается данными Международного валютного фонда относительно портфельных капиталовложений США за границей и обратных поступлений доходов по ним за период 1968—1974 гг.

Таблица 5

СТЕПЕНЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОРТФЕЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС США
(в млн. долл., по курсу 1971 г.)

Годы	Вложения частного долгосрочного капитала в иностранные ценные бумаги — портфельные инвестиции США	Проценты и дивиденды по портфельным инвестициям за границей
1968	1 239	1 949
1969	1 494	2 267
1970	942	2 597
1971	966	2 556
1972	566	2 484
1973	628	2 183
1974	1 653	4 029
Итого за 1968—1974 гг.	7 488	18 065

Рассчитано по: International Monetary Fund. «Balance of Payments Yearbook», February 1976, Statement 1 and 2; July 1974, p. 5, table E; p. 9, table 4.

Из таблицы 5 следует, что превышение доходов по портфельным капиталовложениям за границей над общей суммой портфельных инвестиций за 1968—1974 гг. составило 10,6 млрд. долл., в то время как доходы от прямых инвестиций за границей (включая поступления за патенты и прочие техническне информации) были больше общей суммы прямых зарубежных капиталовложений за тот же период времени на 46,5 млрд. долл.

[8] Подробнее об этом см. Richard Ward. International Finance. Prentice-Hall (N. J.), 1965, p. 29.

[9] Philip W. Bell. Private Capital Movements and the U. S. Balance-of-Payments Position («Factors Affecting the United States Balance of Payments». Washington, 1962, p. 416).

Но существует и другой, не менее важный аспект. В отличие от капитала, предназначенного для прямых инвестиций, отток портфельного капитала направлялся в основном в страны, которые не аккумулировали доллары, а скорее их расходовали (таблица 6).

На конец 1975 г. 89% портфельных инвестиций США приходилось на страны и районы за пределами Западной Европы, причем американский портфельный капитал направлялся в основном в Канаду, а также в развивающиеся страны и международные организации: Более показательным является сальдо движения портфельного капитала между США и другими районами капиталистического мира (см. таблицу 6). Всего США поставили 17,3 млрд. долл. долгосрочного портфельного капитала в Канаду и 5,5 млрд. долл. в развивающиеся страны и международные организации и, так сказать, полностью финансировали экспорт портфельных инвестиций за счет его импорта из стран Западной Европы (24,2 млрд. долл. по состоянию на конец 1975 г.). Поскольку капитал, предназначенный для инвестиций в иностранные долгосрочные ценные бумаги, двигался из Соединенных Штатов в страны, которые преимущественно расходуют доллары, в то время как из государств, которые их аккумулируют, он направлялся в Соединенные Штаты, можно сказать, что движение портфельного капитала не способствовало ухудшению платежного баланса США, а, наоборот, явилось фактором его активизации (положительное сальдо движения портфельного капитала на конец 1975 г. составило 1,4 млрд. долл.).

Возросшая миграция портфельного капитала между США, с одной стороны, и Западной Европой и Канадой — с другой, получившая развитие после всеобщего ослабления валютных ограничений и введения обратимости основных капиталистических валют в 1958—1959 гг., отражает довольно значительные по объему накопления частного долгосрочного капитала, отличного от прямых инвестиций, большая часть которого является

Таблица 6

ДВИЖЕНИЕ ПОРТФЕЛЬНОГО КАПИТАЛА
В ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ
(в млн. долл., на конец 1975 г.)[1]

	Канада	Западная Европа	Другие районы	Международные организации	Весь капиталистический мир
Чистые американские покупки:					
иностранных облигаций	—14 949	—1 195	—5 977	—3 456	—25 577
акций иностранных корпораций	—5 956	—2 674	—952	—	—9 582
Итого	—20 905	—3 869	—6 929	—3 456	—35 159
Чистые иностранные покупки:					
облигаций американских корпораций	+509	+8 662	+632	+37	+9 840
акций американских корпораций	+3 074	+19 458	+3 842	+334	+26 708
Итого	+3 583	+28 120	+4 474	+371	+36 548
Сальдо движения портфельного капитала в:					
облигации	—14 440	+7 467	—5 345	—3 419	—15 737
акции	—2 882	+16 784	—2 890	+334	+17 126
Итого	—17 322	+24 251	—2 455	—3 085	+1 389

[1] знак (—) означает отток средств, отражаемый в платежном балансе; знак (+) — соответствующий приток средств.

Рассчитано по: «Survey of Current Business», August 1976, p. 32.

потенциально мобильной. Долгосрочный портфельный капитал устремляется за границу в поисках благоприятных процентных доходов от ценных бумаг, диверсификации капиталовложений и в зависимости от перспектив развития валютного курса [10]. Важность первого фактора была искусственно преуменьшена в результате введения в США в 1963 г. «уравнительного» налога на покупку иностранных ценных бумаг американскими резидентами — банками, промышленными компаниями, частными лицами и т. д. Цель этого мероприятия заключалась в том, чтобы сделать нью-йоркский рынок капиталов более дорогим для иностранных заемщиков и тем самым ограничить вывоз американского капитала в форме портфельных инвестиций. С отменой в январе 1974 г. «уравнительного» налога Нью-Йорк в долговременной перспективе может вернуть себе положение ведущего центра международного долгосрочного кредитования.

Миграция портфельного капитала тесно связана также с уровнем деловой активности в североатлантическом регионе. Во время экономических кризисов в США 1960—1961 и 1969—1971 гг. американские резиденты осуществляли портфельные инвестиции в Западной Европе, что было вызвано перспективами получения крупных прибылей вследствие высоких темпов экономического роста в западноевропейских странах. В то же время отмечалось замедление притока портфельного капитала в США из-за границы.

Интересно отметить, что портфельные инвестиции в определенной степени являются субститутами прямых. Отток портфельного капитала, например, может противодействовать экспорту прямых инвестиций за границу в той степени, в которой:

— он уменьшает предложение долгосрочных инвестиций для национальных фирм;

— увеличивает рыночную стоимость ценных бумаг иностранных компаний, вызывая рост расходов по приобретению иностранных фирм отечественными корпорациями, что способствует повышению курса валюты капиталоимпортирующей страны [11].

Однако, как показывает практика, американские экспортеры капитала традиционно отдают предпочтение прямым инвестициям за рубежом, в частности в Западной Европе. К факторам, которые уменьшают привлекательность портфельных инвестиций в компании западноевропейских государств, относятся относительная узость и меньшая эффективность рынка ценных бумаг в большинстве из этих стран по сравнению с США, что может вызывать значительно более сильные колебания рыночных курсов акций, а следовательно, и нормы прибыли компаний, чем в самих Соединенных Штатах. Кроме того, прямые инвестиции характеризуются меньшей степенью риска при той же норме прибыли и позволяют контролировать иностранные компании.

Что касается западноевропейских вкладчиков капитала, то наряду с приобретением контрольных пакетов акций в Западной Европе, они осуществляют портфельные капиталовложения в США, стимулом для которых выступает значительно большая эффективность и емкость американского рынка ценных бумаг.

Следует также рассмотреть воздействие, оказываемое портфельным капиталом на курс валюты капиталоэкспортирующей страны [12].

---

[10] Paul Meek. United States Investment in Foreign Securities (Excluding Canadian and IBRD Issues) («U. S. Private and Government Investment Abroad». Ed. by Raymond F. Mikesell. Eugene (Oregon), 1962, pp. 246—247).

[11] Giorgio Ragazzi. Theories of the Determinants of Direct Foreign Investment («International Monetary Fund Staff Papers», July 1973, pp. 480—482).

[12] Обратное явление, то есть влияние валютного курса на движение долгосрочного капитала, рассматривается в следующих статьях: Г. Матюхин. Можно ли прогнозировать валютные курсы? («МЭ и МО», № 3, 1974, стр. 104, 107); Э. К. Карачев. Переоценка валют и ее последствия («США: экономика, политика, идеология»,

Предположим, что США экспортируют долгосрочный капитал за границу и производят покупку акций и облигаций иностранных фирм[13]. В этом случае имеется спрос на иностранную валюту и предложение национальной, поскольку а) на доллары приобретаются, например, фунты стерлингов, б) осуществляется перевод фунтов стерлингов в Великобританию, в) производится покупка ценных бумаг английских компаний.

Если платежный баланс США является положительным, то предложение долларов будет уравновешиваться спросом на американскую валюту, который предъявляется зарубежными должниками США, в результате чего курс доллара практически не изменится. Если же платежный баланс США сводится с дефицитом, то предложение долларов превысит спрос на них, вследствие чего курс доллара снизится на рынке иностранной валюты. В условиях бумажно-денежного обращения кривые спроса и предложения уравновесятся в точке, соответствующей более низкому, чем нормальный, валютному курсу, то есть произойдет обесценение доллара. Таким образом, при наличии постоянного дефицита платежного баланса, характерного для валютно-экономического положения США с начала 50-х годов, экспорт портфельного капитала за границу порождает тенденцию к снижению курса валюты капиталоэкспортирующей страны.

ЭКСПОРТ КАПИТАЛА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПРОТИВОРЕЧИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КАПИТАЛИЗМА

Экспорт предпринимательского капитала и формирование на его основе международных корпораций вносят дополнительный элемент неустойчивости в структуру мирового капиталистического хозяйства и вызывают конфликты и противоречия между национальными государствами и международными корпорациями, а также между планомерной организацией хозяйства в пределах одного монополистического союза и анархией экономического развития в целом. Экспорт капитала играет двойственную роль в мировой капиталистической экономике. С одной стороны, в условиях интернационализации хозяйственной жизни он стимулирует рост производства, повышает экономическую эффективность и степень технологического развития в мировом капиталистическом хозяйстве. С другой — в определенных условиях вывоз капитала может оказывать негативное воздействие на экономический рост в капиталистическом мире, обостряя проблемы занятости, ценообразования, валютной неустойчивости, структурных диспропорций в экономике. В конечном счете интернационализация капиталистического типа с помощью таких инструментов, как экспорт капитала, в целом отрицательно сказывается на независимости и экономическом суверенитете капиталистических государств.

Международные корпорации в качестве субъекта движения капитала существенно ослабляют эффективность государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики и вносят дезорганизацию в функционирование мирового капиталистического хозяйства. Например, перемещая капитал в целях получения прибыли за счет разницы в про-

№ 3, 1972, стр. 82). Основная мысль авторов сводится к тому, что у каждой страны в тот ли иной отрезок времени имеются вполне определенные внешнеэкономические задачи, которые она решает или старается решить с помощью валютного курса. Особое значение здесь приобретает внешнеторговая политика и политика в отношении экспорта долгосрочного капитала. Страна, для которой в первую очередь важен сбыт товаров на внешних рынках, приложит максимум усилий, чтобы сохранить заниженный курс своей национальной валюты или провести девальвацию. Она будет также добиваться ревальвации валют стран-конкурентов. И, наоборот, если делается упор на экспорт долгосрочного капитала, то государство всячески будет противиться девальвации своей валюты или даже пойдет на ее ревальвацию.

[13] Может также производиться подписка на иностранные ценные бумаги, эмитируемые в США. Однако экономические последствия иностранных эмиссий те же, что и при непосредственном участии в акционерном капитале иностранных компаний.

центных ставках, филиалы международных корпораций способствуют повышению низких процентных ставок, так как предъявляют повышенный спрос на дешевые деньги, и понижению высоких. В результате они подрывают внутреннюю денежно-кредитную политику стран, стремящихся к расширению занятости с помощью низких ставок, и государств, делающих упор на борьбу с инфляцией путем установления высоких ставок. Перебрасывая крупные средства в страны с сильной валютой, международные корпорации способствуют развертыванию инфляционного процесса в этих государствах через механизм «импортируемой» инфляции. Укрывая прибыли от уплаты налогов, бойкотируя выполнение правительственных директив о правилах экспорта и импорта капитала и перевода краткосрочных ликвидных активов, прибегая сплошь и рядом к ограничениям конкуренции, международные корпорации нарушают валютно-финансовое и антитрестовское законодательство капиталистических стран, затрудняют реализацию государственной бюджетной, налоговой, кредитной и ценовой политики. Взятые в совокупности, эти сепаратистские действия международных корпораций начинают все более подрывать изнутри национально обособленные государственно-монополистические комплексы стран — экспортеров и импортеров капитала. Все это расшатывает стабильность хозяйственной жизни, создает благоприятную почву для возникновения острых кризисных ситуаций не только в рамках отдельных стран, но и в мировом капиталистическом хозяйстве в целом, ослабляет капитализм как систему.

В то же время в сфере экспорта капитала происходит ожесточенная конкурентная борьба между ведущими капиталистическими государствами, поскольку зарубежные капиталовложения дают уникальную возможность не только присвоения монопольно высокой прибыли, но и осуществления эффективного контроля над производственными, сырьевыми и финансовыми ресурсами капиталоимпортирующих стран. В частности, для последних лет характерно усиленное проникновение иностранного капитала в экономику США наряду с наращиванием американских инвестиций за границей. Богатые капиталом индустриально развитые и некоторые развивающиеся государства (прежде всего нефтедобывающие) ведут настоящую «войну инвестиций», от исхода которой во многом зависит расстановка сил в мировом хозяйстве. Обратной стороной капиталистической интернационализации на базе усиления взаимопроникновения и международного переплетения национальных капиталов является увеличение взаимозависимости и взаимодополняемости экономик капиталистических стран, связанных между собой устойчивыми узами международного разделения труда. Однако на практике эта взаимозависимость носит неравноправный, дискриминационный характер, сопровождается ущемлением прав слабого в пользу сильного и ведет к засилью иностранного капитала в важных секторах экономики стран-импортеров, что в конечном счете чревато для них серьезными экономическими и политическими последствиями. Таким образом, миграция капитала между капиталистическими государствами служит материальной основой дальнейшего обострения межимпериалистических противоречий.

«Социальная ответственность» корпораций и охрана окружающей среды

Б. МАКЛЯРСКИЙ

Резкое ухудшение качества природной среды в наиболее развитых странах капитализма, значительно усложнившее весь процесс расширенного капиталистического воспроизводства и непосредственно угрожающее человеку, главной производительной силе, наносит сокрушительный удар по апологетическим утверждениям буржуазных ученых о совместимости интересов общества и крупных частных предприятий.

Частнопредпринимательская деятельность во имя получения сиюминутных выгод влечет за собой нерациональную трату природных ресурсов, разрушение физической среды, ухудшение условий труда и т. п. Это происходит вопреки утверждениям адептов капитализма о том, что принимаемые в условиях конкурентной борьбы решения децентрализованных хозяйственных единиц, преследующих частный интерес, в конечном счете способствуют достижению общехозяйственного оптимума. Подобные взгляды, оформившиеся в концепцию «социальной ответственности» частного капитала перед обществом [1], ориентировали предпринимателей на сугубо экономические цели и средства и откровенно игнорировали многообразные негативные последствия их деятельности и прежде всего ущерб, наносимый общественному богатству в результате загрязнения природы.

Между тем накопилось огромное количество фактов, убедительно свидетельствующих о разительном контрасте между техническими достижениями капиталистических фирм в области производства и состоянием окружающей среды в промышленно развитых государствах Запада. Растущее недоверие широких слоев населения в капиталистических странах к системе буржуазного «истэблишмента» — такова непосредственная реакция общественного мнения на обострение экологической проблемы. «Стало очевидным, что то, что́ хорошо для бизнеса, оборачивается пагубной политикой для общества», — заявил американский социолог В. Хармен на созванной Белым домом конференции промышленников [2]. По словам Д. Белла, в США растет понимание того, что деятельность корпораций делает общество отталкивающим, загрязненным и пагубным [3]. Рост аналогичных настроений наблюдается и в западноевропейских странах. В Японии под давлением общественности были привлечены к судебной ответственности и приговорены к выплате крупных денежных штрафов фирмы, винов-

---

[1] A. Berle, G. Means. The Modern Corporation and Private Property. New York, 1933; J. Schumpeter. Capitalism. Socialism and Democracy. New York, 1942; J. K. Galbraith. American Capitalism: The Concept of Countervailing Power. Boston, 1952; A. Berle. The Twentieth Century Capitalist Revolution. London, 1955.

[2] «White House Conference on the Industrial World Ahead. Rochelle Park». New York, 1973, p. 39.

[3] См. D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973, p. 272.

ные в возникновении специфических болезней, вызванных загрязнением природы.

Экологический кризис в странах капиталистического мира ставит целый ряд новых и сложных задач перед всеми звеньями современной государственно-монополистической системы и в первую очередь перед основным ее звеном — частными корпорациями. Переплетение взаимозависимостей и причин, вызывающих разрушение среды, не укладывается в традиционные рамки теоретических постулатов и категорий буржуазной экономической науки. Превращение проблемы сохранения природной среды в острый социальный вопрос вынуждает теоретиков крупного бизнеса и правящие круги капиталистических стран заниматься не только решением конкретных задач по внедрению новых форм и методов природопользования. Они все более осознают необходимость в пересмотре своих прежних взглядов на взаимоотношения общества и частных корпораций, на оценку социальных последствий деятельности последних. Сегодня многие буржуазные ученые, еще вчера объявлявшие корпорации главным двигателем прогресса, вынуждены признавать, что именно частнопредпринимательская система производства и реализации товаров и услуг является источником беспрецедентного увеличения так называемых «социальных издержек», то есть убытков, регулярно перекладываемых монополиями на общество. Они включают в это понятие и экологический ущерб, измеряемый ныне астрономическими цифрами.

Буржуазное государство, будучи выразителем общих интересов «совокупного капиталиста», не без основания рассматривает экологическую проблему как дополнительный источник роста общественного недовольства. Признавая обострение отношений между обществом и частным капиталом, оно проявляет в настоящее время сильную заинтересованность в модификации концепции «социальной ответственности» корпораций путем включения в набор традиционных целей предпринимательства новых элементов — достижения и поддержания определенных норм и стандартов, характеризующих качество и образ жизни. Предпринимателей усиленно призывают форсировать развитие и внедрение в практику «рациональной концепции» ответственности перед обществом с тем, чтобы полнее учитывать «социальные издержки» их деловой активности. Новая, скорректированная с учетом духа времени трактовка «социальной ответственности» частного бизнеса необходима правящим кругам для идеологического обоснования интегрирования корпораций в государственно-монополистические программы по регулированию и контролю качества окружающей среды, которые преследуют цель повысить приоритетность охраны природы в деятельности капиталистических фирм. Сами поиски форм и методов природопользования, оптимальных с точки зрения буржуазного государства, выдаются его апологетами за свидетельство якобы начавшейся «гуманизации капитализма» [4].

Что же пересматривается ныне буржуазными учеными в теории и практике капиталистического предпринимательства? В каком направлении происходит модификация доктрины «социальной ответственности» частного бизнеса перед обществом?

КОНЦЕПЦИЯ «СОЦИАЛЬНОГО БАЛАНСА»

Прежняя, неолиберальная концепция «социальной ответственности» частного капиталистического сектора ограничивала его деятельность лишь функциями по обеспечению общества товарами и услугами, а все прочее перекладывалось на политические системы, главным образом на государство. В настоящее время большинство западных социологов и экономистов высказываются за пересмотр этой доктрины, предлагают новое, расши-

---

[4] Ibidem.

рительное толкование обязанностей предпринимателей перед обществом[5]. Дискуссии, идущие среди сторонников «всеобъемлющей социальной ответственности», вращаются в основном вокруг вопросов о том, какие конкретные изменения в поведении корпораций она предполагает[6].

В наибольшей степени на решение этих задач претендует концепция «социального баланса», получившая широкое распространение на Западе, особенно в США и ФРГ. Само понятие «социальный баланс» трактуется ее авторами как воплощение новой системы ценностей для производственных ячеек, внедрение которой в хозяйственную практику связано, по мнению буржуазных социологов и экономистов, с разработкой новых организационных концепций и рекомендаций для менеджмента, перекрывающих прежние экономические теории оптимального использования факторов производства.

Провозглашение «социального баланса» конечной целью деятельности субъектов хозяйственной жизни означает, что отныне сопоставление материальных затрат и доходов в результате их производственной деятельности и реализации товаров и услуг делается отнюдь не единственным мерилом эффективности работы предприятия. Обязательным становится также учет текущих и долгосрочных последствий деятельности хозяйственных единиц для окружающей среды. Причем содержание понятия «окружающая среда» сторонники «социального баланса» не ограничивают только экологическим аспектом, а включают сюда общественные издержки, вызванные производственным травматизмом, чрезмерным изнурительным темпом работы, плохими жилищными и коммунальными условиями и т. п. Одной из первостепенных задач каждой фирмы и всей хозяйственной системы объявляется предвидение и предотвращение негативных социальных последствий экономического роста, даже самых отдаленных.

В трудах авторов данной концепции отчетливо высказывается мысль о невозможности достижения «социального равновесия» только на базе рыночных отношений. Поэтому важную роль в процессе «интеграции» прежних и новых целей частного сектора и соблюдения им «социальной ответственности» они отводят государству. Его участие в претворении в жизнь концепции «социального баланса», по замыслу ее создателей, сводится, с одной стороны, к введению законодательным путем новых целевых установок для деятельности частного сектора, а с другой — к протекционистской поддержке усилий последнего по соблюдению этих установок. По мнению Д. Рокфеллера, законодательное закрепление требований и условий «социального баланса», в частности в области охраны природной среды, становится настоятельным императивом, ибо иначе фирмы, отказывающиеся добровольно нести бремя «социальной ответственности», получат одностороннее преимущества. В свою очередь, Д. Белл ратует за более гибкую налоговую политику с целью стимулировать участие корпораций в мероприятиях по снижению социальных издержек[7].

Обращает на себя внимание, что, выдвигая новые нормы «социальной ответственности», буржуазные ученые явно стремятся рассматривать проблему окружающей среды не как основание для серьезной перестройки экономических и производственных структур, а лишь как фактор, связанный с несовершенством процесса оперативного управления на микроэконо-

[5] J. Monsen. Social Responsibility and the Corporation («Journal of Economic Issues», Spring 1972, p. 126); P. Drucker. The Age of Discontinuity. New York, 1969; M. Dierkes. Die Sozialbilanz. Frankfurt/Main, 1974; «Fortune», December 1970, pp. 104—106, 131—135.

[6] Декларируя в начале 70-х годов о своей готовности нести бремя «ответственности перед обществом», лидеры американского бизнеса в то же время, по их собственному признанию, имели весьма смутное представление о конкретных путях и формах соблюдения вытекающих из нее обязательств. Об этом свидетельствуют, в частности, данные опроса высших должностных лиц крупнейших корпораций страны, проведенного журналом «Форчун» в конце 1970 г. («Fortune», December 1970, p. 106).

[7] См. M. Dierkes. Op. cit., S. 60.

мическом уровне. Существующий механизм принятия решений фирмами и корпорациями не может учитывать весь комплекс многообразных издержек и последствий, вызываемых предпринимательской деятельностью. Его основным недостатком, препятствующим превращению корпораций в так называемый «социальный организм», является, по мысли сторонников «социального баланса», узость и односторонность существующей системы экономических индикаторов деятельности предприятий и отраслей. Данная система показателей, по их мнению, не дает достаточного представления о масштабах соблюдения «социальной ответственности». За ее пределами остается информация о влиянии промышленных, торговых, транспортных и прочих корпораций на состояние природной и социальной среды.

Практическую реализацию концепций «социального баланса» рекомендуется поэтому начинать с расширения существующего ныне набора показателей конкретного вклада предпринимателей в экономический рост, с дополнения его системой индикаторов, позволяющих оценивать деятельность корпораций с точки зрения вызываемых ею последствий. Получаемая таким путем совокупная количественная информация, считают буржуазные ученые, должна стать неотъемлемой составной частью «социально-балансовых» расчетов и оказывать решающее влияние на поведение частных производителей. Благодаря этому руководство корпораций в своих решениях получит возможность учитывать наряду с динамикой производственных издержек и целый ряд других «социально-релевантных» факторов. При выборе альтернативных вариантов, например, развития производственной технологии, изменения товарной структуры, корпоративный менеджмент будет, как рассчитывают сторонники «социального баланса», руководствоваться не только динамикой удельных издержек производства, но и принимать во внимание возможное изменение индекса нагрузки на окружающую среду, степень удовлетворенности занятого персонала характером труда и т. п.

В последнее время на Западе проявляют определенную заинтересованность в новых формах учета количественной информации об экологических последствиях производственной деятельности. Так, в США Совет по качеству окружающей среды, Национальный научный фонд и Комиссия по атомной энергии разработали для практических нужд энергетического «истэблишмента» ряд матричных моделей «MERES», позволяющих получать сведения о влиянии на окружающую среду всех звеньев энергокомплекса. Наиболее простая из них приспособлена для показа воздействия работы электростанций на окружающую среду (воздух, водный бассейн, земельный фонд и здоровье занятого персонала) в зависимости от вида потребляемого топлива. Используя подобную модель, можно, таким образом, проследить и выявить всю цепочку экологических последствий, вызываемых потреблением того или иного вида энергоресурсов.

Зарубежные экономисты предпринимают попытки выразить экономические и финансовые результаты и социальные последствия деятельности коммерческих фирм и в стоимостной форме, что позволило бы получать представление об их работе, весьма близкое по своей целостности к требованиям концепции «социального баланса». Так, в предложенной американским экономистом Д. Линоузом методике учета общественных выгод и потерь в результате деятельности частной фирмы воздействие последней на окружающую среду выражается путем сальдирования расходов фирмы на «противозагрязняющие» мероприятия и убытками от продолжающегося загрязнения среды и т. д.

Потребность в разработке и применении новых форм отчетности и информации о деятельности хозяйственных фирм настоятельно диктуется также и практическими нуждами частного бизнеса. Проведенное в США обследование регулярной отчетности 80 крупнейших корпораций обнаружило тенденцию к расширению круга вопросов, освещаемых в их отчетах.

С 1965 по 1971 г. объем информации по различным аспектам внепроизводственной деятельности частного капитала увеличился более чем в 3 раза. Причем, если в 1965 г. в этой информации превалировали сведения о филантропической деятельности компаний, то в 1971 г. около половины всей информации приходилось на проблемы окружающей среды[8]. Ряд корпораций уже в начале 70-х годов начали публиковать свои «социальные балансы» (компании «СТЕАГ» — в ФРГ, «Дэйтон-Хадсон», «Дженерал моторз», «Вестингауз электрик», «Квейкер оутс» — в США и другие).

Государственно-монополистические круги испытывают потребность не только в новых формах учета деятельности отдельных ячеек капиталистической экономики. Буржуазные экономисты из числа приверженцев концепции «социального баланса» поднимают вопрос о пересмотре и модификации существующей системы национальных счетов с тем, чтобы придать последним характер и значимость показателей, дающих информацию о социальных последствиях производственной деятельности в масштабах всей страны. В этом случае появится возможность применять к оценке эффективности всех видов затрат общественного труда новые критерии, учитывающие всю сумму социальных последствий этих затрат, далеких и близких. Предлагаемая система «социального счетоводства» («social accounting») представляет собой совокупность обобщенных показателей, в которой традиционные экономические показатели (валовой национальный продукт, производительность труда, прибыль и т. п.) дополняются и увязываются с набором социальных индикаторов, характеризующих динамику социальных издержек и состояние отдельных сфер общественной инфраструктуры (охраны природы, здравоохранения, коммунальных услуг, транспорта и т. п.)[9].

Предпринимаемые западными социологами и экономистами попытки ввести в рамках концепции «социального баланса» усовершенствованные критерии общественной эффективности материального производства следует рассматривать как одно из направлений формирования новой социальной статистики. В этом, на наш взгляд, находит свое выражение приспособление буржуазной научной мысли к требованиям, выдвигаемым научно-технической революцией. Для обобщения, количественной и качественной оценки новейших направлений государственно-монополистического контроля и регулирования общественной жизни, и в частности сферы природопользования, необходимы адекватные статистические измерения и информация.

Если оценивать концепцию «социального баланса» в целом, то нельзя не заметить, что ее авторы так или иначе сводят проблему поддержания «равновесия» между общественными и частномонополистическими интересами к преодолению «несовершенств» процесса управления корпорациями при сохранении основ, на которых зиждется капиталистическая система.

Сразу же возникает вопрос, который всячески обходят буржуазные ученые. Могут ли предлагаемые ими статистические новации и усовершенствованные информационные системы сами по себе, не подкрепленные теми или иными мерами по ограничению права собственности на средства производства, введению общественного контроля над экономической политикой корпораций и строгой материальной ответственности за экологический ущерб, обеспечить достижение декларируемых целей? Означает ли это, что наконец-то найдены рецепты, позволяющие изменить природу капиталистического производства при сохранении частной собственности, тех закономерностей, которые в конечном счете и управляют его развитием?

---

[8] Ibid., S. 49, 50.

[9] «The Quality of Working Life». Vol. 1. New York, 1975, p. 28.

Посмотрим, о чем свидетельствует сегодняшняя практика капиталистического природопользования.

ДОКТРИНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Анализ практики контроля и регулирования качества природной среды в странах капиталистического мира позволяет выявить реальные пределы возможностей частномонополистической системы в соблюдении правил, выработанных в рамках концепции «социальной ответственности». Действительное отношение капиталистических предприятий к выполнению экологических требований, степень их заинтересованности в сохранении окружающей среды определяют в конечном счете границы соблюдения ими норм, вытекающих из концепции «социального баланса».

В условиях напряженной экологической обстановки правящие круги капиталистических государств не могли рассчитывать на добровольное выполнение частным капиталом своих обязанностей перед обществом. Отсюда — императивный характер государственно-монополистических экологических программ, преследовавших цель приобщить капиталистических предпринимателей к соблюдению норм «социальной ответственности» [10]. Эти программы, равно как и теоретические построения «социального баланса», решающую роль в нейтрализации экологически вредных последствий материального производства отводят, как известно, самим частным компаниям. Разные плоскости экономических интересов предопределяют далеко не одинаковое отношение отдельных кланов монополистического капитала к мероприятиям по защите окружающей среды. Энергетическими корпорациями введение экологических стандартов воспринималось как непосредственная угроза их прибылям, тогда как компаниям других промышленных отраслей (химической, машиностроительной и т. п.) волна спроса на очистную и «противозагрязняющую» технологию сулила новые импульсы к росту и расширению производственного аппарата.

Хотя в общем плане отношение финансового капитала к проблеме окружающей среды нельзя охарактеризовать однозначно, тем не менее можно выделить ряд моментов, свойственных «экологическому поведению» частнокапиталистического сектора. В настоящее время интересы защиты природной среды, безусловно, в большей мере, чем в прошлом, учитываются капиталистическими фирмами в процессе принятия решений по вопросам инвестиционной политики. Но в целом вопросы охраны природы занимают в их деятельности подчиненное место и полностью зависят от процессов капиталистического накопления.

Наиболее явственно зависимость мероприятий по борьбе с загрязнением природы от задач и целей процесса накопления проявляется в периоды экономических спадов, когда обостряется проблема рентабельности производства. В Японии в 1975—1977 гг. в условиях низкой конъюнктуры и заметного сокращения загрузки производственных мощностей частные фирмы уменьшили свои расходы на «противозагрязняющие» цели. Так, в 1976 г. японские компании израсходовали на защиту природной среды на 13% меньше, чем в предыдущем. Сокращение расходов продолжается: в 1977 г. оно составит 14,5% по сравнению с 1976-м. Аналогичные явления наблюдаются и в США.

Исходной посылкой буржуазных ученых является положение о том, что «социальная ответственность» и предпринимательский доход обусловливают друг друга [11]. Они не видят несовместимости между экономической

---

[10] О государственно-монополистическом регулировании природопользования см.: Р. Новиков. Экологические аспекты углубления противоречий капитализма («МЭ и МО», № 2, 1975); «Проблема окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях». М., 1976.

[11] M. Dierkes. Op. cit., S. 52.

деятельностью, направленной на максимизацию прибыли, и необходимостью гармоничного развития общества. Между тем присущая капиталистической экономике в целом ориентация на получение максимальных прибылей — главное препятствие на пути решения экологической проблемы. Хозяева корпораций рассматривают расходы на охрану среды как угрозу повышения издержек производства. Так, «химические» магнаты ФРГ на своем ежегодном совещании в мае 1976 г. прямо заявляли, что мероприятия по охране природной среды грозят подорвать конкурентоспособность их продукции [12].

Следует иметь в виду, что объем природоохранных затрат частнокапиталистических фирм находится, как правило, в прямой зависимости от их размеров и рыночных позиций. Для мелких и даже средних предприятий расходы, связанные с защитой природной среды, нередко оказываются фактором, ставящим под угрозу само их существование [13]. Крупные же компании благодаря высокой концентрации производства, лучшей организации и технической оснащенности имеют более благоприятные возможности для сохранения экономических выгод при соблюдении стандартов качества окружающей среды. Осуществляя природоохранные мероприятия, эти компании без большого ущерба для себя могут пойти на кратковременное снижение нормы рентабельности, рассчитывая в долгосрочном плане с лихвой окупить затраты на эти цели.

Фирмы, первыми приступившие к сооружению очистных устройств и внедрению безотходной технологии, надеются в ближайшем будущем быстрее и эффективнее осваивать капиталовложения на охрану природной среды. В случае предполагаемого в большинстве капиталистических стран ужесточения экологических нормативов эти корпорации получат несомненные преимущества перед своими конкурентами. Администрация швейцарской компании «Дориах» вполне отдавала себе отчет в том, что сооружение на принадлежащих ей металлургических заводах очистных установок приведет к некоторому снижению конкурентоспособности ее продукции. Руководство компании, однако, уверено, что это явление преходящее, ибо в скором времени и конкурирующие фирмы будут вынуждены осуществлять природоохранные затраты и тем самым сравняются с нею в этом отношении [14].

Частный капитал воспринимает «социальную ответственность» сквозь призму своих прагматических интересов, и экологические стандарты соблюдаются им постольку, поскольку это соответствует главной цели его деятельности — получению максимального дохода. В тех же случаях, когда положения концепции «социального баланса» находятся в явном противоречии с требованиями финансовых балансов фирм и корпораций, последние откровенно игнорируют нормы «социальной ответственности».

Двойственное, противоречивое отношение капиталистических предпринимателей к проблеме борьбы с загрязнением окружающей среды становится особенно наглядным при ознакомлении с некоторыми сторонами деятельности так называемого «экоиндустриального комплекса». Этот термин используется в западной печати для характеристики корпораций, освоивших при непосредственной поддержке государства производство экотехники в широких масштабах. Ведущие позиции в выпуске «противозагрязняющей» техники в развитых капиталистических странах, как правило, принадлежат крупным монополиям, сумевшим своевременно откликнуться на появление нового, быстрорастущего рынка, В ФРГ, например, среди основных производителей экотехники — концерны «Флик»,

---

[12] «Chemische Industrie», № 6, 1976, S. 363—364.

[13] Выборочное обследование, проведенное федеральным Бюро экономического анализа в США, показало, что среди предприятий, закрывающихся по причинам, связанным с мероприятиями по охране окружающей среды, преобладают предприятия с числом занятых до 100 человек («Survey of Current Business», July 1976, p. 17).

[14] «Prometal», № 141, 1974, S. 10—13.

«ДЕГУССА», «Хёхст», «Метальгезельшафт», «Филипс», «Крупп», «Сименс», «Телефункен» [15].

Как показывают материалы специального исследования, проведенного Институтом марксистских исследований в ФРГ, экоиндустриальный комплекс и в перспективе ориентирует на борьбу с загрязнением среды, главным образом путем строительства и внедрения очистных сооружений и оборудования. Таким образом, вместо постепенного внедрения технологии, не загрязняющей среду ни самим процессом производства, ни его отходами, в основу и будущей природоохранной стратегии кладется явно невыгодная для общества, расточительная схема «двойного производства» («Doppelproduktion»), предусматривающая наличие в составе конечного продукта наряду с готовой продукцией остаточных продуктов, что обусловливает необходимость их регулярной очистки, то есть дополнительной производственной стадии. Капиталистические производители крайне неохотно идут на изменение существующих технологических процессов с целью нейтрализации их отрицательного воздействия на окружающую среду, поскольку это связано с преждевременным обновлением еще не амортизированного основного капитала. Монополии, выпускающие экотехнику, поощряют данный курс, поскольку при этом им обеспечивается непрерывный поток заказов [16].

Из материалов вышеупомянутого исследования явствует также, что выпуск экотехники в ФРГ в основном контролируется концернами, причиняющими своим производством наибольший вред природной среде. Так, концерн «Хёхст» выпускает различное оборудование по очистке воздуха и водных стоков, которое находит широкий сбыт. Между тем входящие в состав этого концерна химические предприятия являются основными загрязнителями рек Рейн и Майн. Компания «Декатокс» — дочерняя фирма концерна «ДЕГУССА» — специализируется на производстве экотехники. В то же время сама «ДЕГУССА» является виновником известного «бохумского скандала», вызванного отравлением природы ядовитыми отходами производства этой корпорации [17].

На фоне противоречивого и непоследовательного отношения капиталистических корпораций к проблеме загрязнения природной среды становится особенно наглядной классовая сущность взглядов буржуазных ученых о совместимости интересов корпораций и общества. Капиталистическая действительность резко контрастирует с утверждениями буржуазных экономистов и социологов о способностях капитализма реализовать свои «гуманистические потенции» и нести ответственность перед обществом. Практика природопользования в странах капитала убедительно свидетельствует о том, что в обществе, где господствует частная собственность, сама природа становится объектом коммерческих сделок и спекуляций.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Экологический кризис, с которым в наши дни сталкивается мир капитализма, означает новую ступень в развитии его противоречий. Идеологи буржуазии отдают себе отчет в том, что в сознании сотен миллионов людей в странах капитала деградация природного окружения все более ассоциируется с экономической системой, конечные цели которой определяются корыстными интересами незначительного меньшинства. Усилившееся внимание буржуазных ученых к проблеме взаимоотношения общества и частного предпринимательства, интенсивные поиски модели «общественного равновесия» можно рассматривать как своеобразное признание западной наукой небывалых масштабов пагубного воздействия на условия

[15] IMSF-Informationsbericht № 13. «Von der ACHEMA zur Ölkrise». Frankfurt/Main, 1974, S. 61, 63.
[16] Ibid., S. 58.
[17] Ibid., S. 49, 50.

существования человека производства, нацеленного исключительно на получение прибыли.

Теоретические рассуждения об ответственности частного бизнеса перед обществом призваны внушить веру в «гуманистические потенции» капиталистического «истэблишмента», в его способности к «самоусовершенствованию». Преследуется, таким образом, цель поднять в глазах широких слоев населения авторитет и престиж системы эксплуатации наемного труда. Государственно-монополистические круги связывают с концепцией «социального баланса» определенные надежды на расширение своих возможностей социального маневрирования. Она активно используется для идеологического обоснования наступления монополий на экономические интересы трудящихся под предлогом «спасения» окружающей среды. Представитель известной западногерманской монополии «ДЕГУССА», призывая на страницах печати к мобилизации усилий на устранение экологических нарушений, писал: «Конечно, это стоит денег, денег для каждого, ибо ни государство, ни промышленность не могут следовать своим обязанностям по отношению к окружающей среде без того, чтобы каждый не платил за это в виде налогов или цен... От каждого требуется растущее экосознание, активность и деньги» [18].

Пропагандируя взгляды о необходимости рассматривать капиталистические фирмы как «социальный организм», авторы доктрины «социальной ответственности» тем самым теоретически освящают распространение власти и контроля монополий на новые сферы жизни общества. Расширение набора целей частного капитала, выходящих за непосредственные границы производства, может стать существенным дополнением к экономическому могуществу корпораций, к их власти над всем рыночным механизмом. «Существует опасность, — пишет «Гарвард бизнес ревью», — что все эти процессы превратят корпорацию в эквивалент средневековой церкви в двадцатом веке. В конечном счете корпорации будут облекать сами себя всеми обязательствами, властью и управлять человеком в целом и формировать его и общество по образу и подобию корпоративных устремлений и их антисоциальных нужд».

В этих условиях перед рабочим классом и всеми антимонополистическими силами встает задача противостоять наступлению финансовой олигархии на уровень жизни трудящихся. Состояние природной среды в наше время оказывает существенное влияние на социально-экономическое положение различных классов и социальных групп. Положение рабочего класса как объекта капиталистической эксплуатации делает его наиболее беззащитным перед тяготами экологического кризиса. Негативное воздействие загрязнения природы на живой труд, основной источник роста национального дохода, достигает беспрецедентных масштабов. Деградация естественных условий обитания отрицательно сказывается на человеке труда, на его работоспособности.

Трудящиеся объективно заинтересованы в выработке своей собственной экологической платформы, поскольку в обществе, где господствует частная собственность на средства производства, где действует стихия капиталистического рынка и конкуренция, одно лишь соблюдение экологических нормативов, не подкрепленное действенными мерами по ограничению власти монополий в сфере ценообразования и инвестиционной политики, не может привести к радикальному улучшению физических условий существования людей. Более того, в условиях инфляции и обострения конкурентной борьбы на капиталистических рынках попытки регулировать качество природной среды нередко приводят к усилению экономической нестабильности в капиталистических странах. Как явствует из приводимой ниже таблицы, даже отдельные мероприятия по борьбе с загрязнением среды

---

[18] Ibid., S. 54.

Таблица

ВЛИЯНИЕ СТАНДАРТОВ КАЧЕСТВА ВОЗДУХА И ВОДЫ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США

Отрасль	Капиталовложения на охрану воздушного и водного бассейнов в 1972—1976 гг. (млн. долл.)	Ожидаемое повышение цены единицы продукции, 1976 г.	Ожидаемое влияние на количество предприятий и занятость, 1976 г.	Ожидаемое влияние на внешнюю торговлю
Цементная промышленность	122	4—5% (0,08—0,10 долл. на баррель)	Закрытие 25 предприятий	Прирост импорта
Консервная промышленность	120	от 1,4—2,3% до 5,5—9,6%	Закрытие 400 предприятий и потеря 28 тыс. рабочих мест	Минимальное
Производство чугунного литья	348	1,7—5,0% на тонну отливок	Потеря 25 тыс. рабочих мест	Минимальное
Выплавка алюминия	935	от 5—8% до 10%	Незначительное	Сокращение экспорта на 100—200 млн. долл. и прирост импорта на 50—100 млн. долл.
Выплавка меди (рафинированной)	300—690	0—8%	Закрытие 2-х предприятий, потеря 2 800—10 тыс. рабочих мест	...
Выплавка цинка	62	1,23—2,67 цента на фунт	Потеря 3 тыс. рабочих мест	Прирост импорта на 74—124 млн. долл.
Нефтеперерабатывающая промышленность	634—1 155	1,4% на баррель	Закрытие 12 предприятий и потеря 1 000 рабочих мест	Прирост импорта на 40 млн. долл.
Бумажная промышленность	3 300	3,5—10,0%	Закрытие 329 предприятий (т. е. 15% от общего их числа), потеря 16 тыс. раб. мест	—
Сталеплавильная промышленность	2 400—3 500	6,6—9,6 долл. на тонну	—	—
Выпуск легковых автомобилей (только установка приспособлений против выхлопных газов)	...	294—343 долл. на автомобиль	Потеря 18 тыс. рабочих мест в автомобильной промышленности и 35 тыс. рабочих мест в смежных отраслях	Прирост импорта на 700 млн. долл.

Источник: I. Walter. Environmental Control and Consumer Protection. Washington, 1975, pp. 20—21.

вызывают целую серию вторичных социальных последствий и экономических диспропорций.

Излюбленным аргументом буржуазных социологов, выступающих против участия представителей трудящихся в решении вопросов, связанных с охраной природы, является утверждение об отсутствии у социальных низов «экологического чувства». Последнее объявляется чертой, исключительно присущей образованной элите. Между тем жизнь приносит новые и новые свидетельства растущей вовлеченности трудящихся масс в борьбу против загрязнения среды; выдвижения экологической проблематики на передний край классовой борьбы. Во многих капиталистических странах в 70-е годы в комплексе классовых требований резко возросла приоритетность требований, касающихся улучшения качества окружающей среды. Это в первую очередь относится к Японии, где движение за охрану природы принимает подлинно всенародный характер. Перед политическими и профсоюзными организациями рабочего класса, перед демократическим движением в защиту окружающей среды открываются возможности использовать в своих целях интерес к проблеме «социальной ответственности» со стороны широкой общественности Запада.

Осуществляемые в странах капитализма программы мероприятий по регулированию качества природной среды не смогут помешать развитию борьбы народных масс за более эффективные и демократические методы решения экологической проблемы. Судя по содержанию требований, с которыми выступают прогрессивные организации и демократические силы, острие этой борьбы направлено против монополий и буржуазного государства, и она представляет собой новое направление антимонополистического движения.

В отличие от государственно-монополистических экологических программ, закрепленных в принятых буржуазным государством законах об охране природы и не затрагивающих интересы монополий, в центре экологической платформы демократических сил стоит человек, его здоровье и материальные и духовные запросы. В ней на передний план выдвигается требование о материальной ответственности частных предприятий за причинение экологического ущерба. Развертывается также борьба за расширение прерогатив местных органов власти в сфере контроля над деятельностью капиталистических фирм и корпораций. В случае ее успеха в тех странах, где местные органы власти в значительной мере контролируются левыми силами, были бы созданы необходимые условия для того, чтобы вынудить монополии выполнять свои «экологические обязанности» перед обществом. Одновременно в мире капитала усиливается давление демократических сил на центральные органы власти, правительства и парламенты с целью добиться улучшения законодательства об охране среды, повышения его действенности, четкого определения юридической ответственности частных предприятий за нарушение экологических норм и т. п.

Развитие экологического кризиса в капиталистических странах усиливает объективную тенденцию к активизации самых широких слоев населения. Очевидная несостоятельность буржуазных доктрин о расширении «социальной ответственности» частного капитала открывает перед политическими и профессиональными организациями рабочего класса новые возможности воздействовать на те общественные группы и слои, среди которых все еще распространены иллюзии о совместимости интересов капиталистических монополий и общества. Задача сохранения природной среды в странах капитала требует для своего решения создания сильной и представительной коалиции общественных сил для борьбы против всевластия монополий, за проведение действенных демократических реформ на всех уровнях общественной системы.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ*

Сырьевое хозяйство: зигзаги цикла

В. Павлов. Сырьевое хозяйство капиталистического мира 70-х годов испытало ряд встрясок, равных которым по силе не наблюдалось уже много лет. Сравнительное равновесие мирового капиталистического производства и потребления основных сырьевых материалов, характерное для 60-х годов, нарушилось в начале текущего десятилетия. Относительное перепроизводство сырья и — также относительное — его удешевление в сравнении с промышленными изделиями явилось закономерным следствием экономического спада того времени.

Последовавший затем, в 1972 — начале 1974 гг., одновременный подъем в промышленно развитых капиталистических странах послужил, как представляется, главной, хотя и не единственной причиной серьезных структурных диспропорций в мировом капиталистическом хозяйстве. Он привел в том числе к относительной нехватке и соответственно вздорожанию сырья. Некоторыми наблюдателями эти явления были ошибочно приняты за признаки якобы близящегося глобального истощения природных ресурсов, а другими — за свидетельство будто бы наступивших коренных перемен в соотношении сил на мировых рынках в пользу производителей и экспортеров сырья.

В действительности обеспеченность потребностей мировой экономики разведанными запасами почти всех видов невоспроизводимого минерального сырья не снижается и глобальной нехватки ресурсов в обозримый период не предвидится. Что же касается соотношения рыночных сил, то уникальность ситуации на нефтяном рынке скорее опровергает тезис о необратимых изменениях в этой области, нежели подтверждает его.

Недостаточная обоснованность поспешных умозаключений относительно бурных событий в сырьевом хозяйстве обнаружилась в обстановке кризиса 1974—1975 гг. Кризис не оставил бы и следа от предшествовавшего ему сырьевого «бума», если бы не два новых для мировой экономики обстоятельства. Одно из них — сохранившаяся вопреки значительному падению спроса инфляция; другое — поразительная устойчивость цен на нефть. Абстрагируясь условно от обоих обстоятельств, мы видим, что ситуация в сырьевом хозяйстве капиталистического мира середины 1975 г. (низшая точка кризиса) по ряду существенных признаков напоминает положение, наблюдавшееся в начале 70-х годов. Спрос на сырье снизился, что адекватно отразилось на соотношении индексов цен сырьевых товаров (кроме нефти) и промышленных изделий.

Индекс экспортных цен сырьевых товаров лондонского журнала «Экономист», скорректированный на индекс цен промышленных изделий, во II квартале 1975 г. вплотную приблизился к индексу I квартала 1970 г. Подобное соотношение показывает и индекс «Мансли коммодити прайс бюллетин». Индекс экспортных цен сырьевых товаров (без нефти) развивающихся стран, скорректированный на индекс цен промышленных изделий, экспортируемых индустриальными капиталистическими государствами, в 1975 г. опустился ниже среднегодового уровня за 1970—1972 гг.

Начавшийся во второй половине 1975 г. промышленный подъем несколько оживил конъюнктуру сырьевого хозяйства. К характеристике текущего оживления мы еще вернемся, а теперь,

* Окончание. Начало см. в № 5, 1977.

подытоживая сказанное, отметим, что за 7-летний период в мировой капиталистической экономике трижды наблюдались коренные переломы в развитии сырьевого сектора: в конце 1971 г., начале 1974 г. и середине 1975 г. И всякий раз они следовали за изменением потребностей общественного производства в сырьевых материалах.

Сырьевой сектор, в свою очередь, активно воздействует на мировую экономику, особенно на мирохозяйственные связи (на сырье приходится свыше трети объема международной торговли). Однако по отношению к воспроизводственному процессу сырьевое хозяйство и теперь играет подчиненную роль. Это явствует хотя бы из невысокой (1,7—1,9%) доли продукции добывающей промышленности в совокупном производстве, или условно чистой продукции капиталистического мира: 1,4—1,6% — в промышленно развитых капиталистических государствах; 4—4,3% — в развивающихся странах (приведенные данные отражают примерное соотношение величин).

Со второй половины 1975 г. начинается фаза оживления в сырьевом хозяйстве капиталистического мира. Отметим главные ее особенности: рост промышленного спроса на основные виды сырья неустойчив, темп его сравнительно невысок. Зарегистрированный в развитых капиталистических странах в 1976 г. 9%-ный прирост выпуска промышленной продукции и повышение цен не послужили достаточным стимулом к новым капитальным вложениям в сырьевые отрасли, на что отрицательно повлияло также замедление начавшегося было роста во второй половине 1976 г. Более того, в 1976 г. не произошло существенного увеличения загрузки имеющихся предприятий по добыче и первичной переработке сырья. Избыточные мощности в ряде отраслей добывающей промышленности, черной и цветной металлургии (например, по выплавке меди, алюминия, цинка) достигают 20%.

Вялый рост потребления сырья в 1976 г. был обеспечен в значительной мере наличными складскими запасами, образовавшимися в условиях кризиса и по некоторым товарам не рассосавшимися за весь год. Например, коммерческие запасы меди у производителей и потребителей на начало 1977 г. составили 2,5 млн. т (при «норме» — в 1,2 млн.). Кроме того, более 600 тыс. т меди скопилось на лондонской бирже металлов (максимальное количество за всю историю биржи). Для сравнения укажем, что мировое капиталистическое производство меди в рекордном 1974 г. составило 6,8 млн. т.

Умеренный прирост выпуска промышленной продукции стран развитого капитализма, ожидаемый в 1977 г., возможно, потребует заметного увеличения производства в сырьевых отраслях. Однако он вряд ли будет достаточным для оживления инвестиционной активности в этом секторе мирового капиталистического хозяйства. Между тем нынешняя ситуация с инвестициями чревата новыми серьезными диспропорциями в капиталистическом сырьевом хозяйстве недалекого будущего, в том числе нехваткой отдельных материалов.

Немаловажным фактором, ограничивающим новые капитальные вложения в сырьевые отрасли, особенно в промышленность по добыче ископаемого сырья, представляется, как это ни парадоксально, уровень мировых цен. По сравнению с уровнем периода, предшествовавшего «буму» 1972—1974 гг., цены на сырьевые товары (не считая нефти) номинально выросли к концу 1976 г. приблизительно в 2,5 раза. Скачок, казалось бы, немалый. Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что ему примерно соответствует рост издержек производства сырья в эти годы ввиду удорожания основных элементов капитальных вложений из-за инфляции, появления крупной статьи расходов на сохранение окружающей среды, ухудшения горногеологических условий добычи, роста текущих затрат.

Никому не известно, во что оценить влияние инфляционного фактора на увеличение расходов по разведке, промышленному освоению месторождений полезных ископаемых, по обеспечению их надлежащей инфраструктурой. Но известно, что цена необходимых для этого машин, оборудования, транспортных средств выросла за рассматриваемое время примерно вдвое. Расходы на установку очистных сооружений, например, в черной металлургии индустриально развитых стран составляют 10—15% общей суммы капитальных вложений.

За последние годы резко усилилось продвижение добывающей промышленности в удаленные, труднодоступные местности, удельные затраты на освоение которых обычно выше затрат в старых районах. Подсчитано, что эксплуатация новых медных рудников в Австралии и США рентабельна при цене рафинированного металла 80—90 центов за англофунт. В развивающихся странах, где месторождения относительно богаты, но требуется создание инфраструктуры, и где используется иностранный заемный капитал, добыча рентабельна при цене 1,20—1,30 долл. за англофунт (данные английской исследовательской фирмы «Коммодити рисёрч юнит»). В 1976 г., когда средняя справочная цена рафинированной меди в США составляла всего 69 центов за англофунт, в капиталистическом мире бездействовали рудники суммарной мощностью в 500 тыс. т (по металлу), и инвестиционная активность в этой отрасли, не представляющей исключения, практически равнялась нулю.

Другой фактор, существенно противодействующий росту капитальных вложений в сырьевое хозяйство капиталистического мира,— непрекращающаяся по-

литическая н социальная неустойчивость в развнвающихся странах, где, по современным представлениям, сосредоточена преобладающая часть разведанных запасов важнейших полезных ископаемых (меди — 60%, бокситов — 66, ннкеля — 69, марганцевой руды — 82, олова — 99%). Крнзис неоколониализма как снстемы отношенй, навязываемой «третьему миру» Западом, нерешенность проблемы преобразования международного зкономнческого порядка на справедливых началах — все зто осложняет условня инвестнрования в разработку прнродных ресурсов развивающихся стран.

Завершая краткую характеристнку современной фазы развития сырьевого хозяйства, отметим еще одиу существенную его особенность. Сырьевое хозяйство более, нежели другне секторы капиталистнческой экономнки, подвержено воздействию спекулятивного фактора. После того, как система фнксированных курсов валют потерпела крах, сырье активно нспользуется биржевнками как резервное помещение денежных средств. Спекулятивный фактор сыграл определенную роль в удорожанин сырья в 1976 г., привнеся дополннтельный злемент неустойчнвости.

Учнтывая нынешнюю неопределенность положення с сырьем в мнровом капиталнстнческом хозяйстве, трудно предположнть, что в ближайшие год-два здесь пронзойдет существенное повышение цен н что изменятся к лучшему другне важнейшие условия для новых инвестнцнй. Следовательно, данная область капиталнстической зкономнки может сиова оказаться слабо подготовленной к удовлетворенню потребностей промышленного производства, если, как предсказывают некоторые буржуазные зкономнсты, после 1978 г. кривая делового цикла действительно поползет вверх.

Кризис и движение фаз нового цикла

С. Далин. Экономнческий крнзнс 1973—1975 гг. был третьим по счету н самым глубоким н продолжительным послевоенным мировым цнклическим кризнсом. Он одновременно охватил все развитые капиталнстические страны.

Экономическне крнзисы—кризисы относительного перепроизводства промышленных товаров. Позтому двнжение данной фазы цикла нзмеряется нндексамн промышленной продукцин. Такой показатель, как валовой национальный продукт (ВНП), в основе которого лежит завышенный повторным счетом национальный доход, является вторнчным показателем н по своей прнроде нскажает картину циклического движения, тем более, что в ВНП входят государственные закупки товаров н услуг, которые в условиях бюджетных дефицитов финансируются в значительной степени не путем государственного перераспределення национального дохода, а путем прямой или косвенной бумажно-деиежной змиссии. А так как во время экономических кризисов бюджетные дефициты возрастают, то ВНП еще в большей степенн расходится с движеннем промышленой продукции.

Экономическая статистика капиталнстнческих стран не отличается совершенством. Лучшим по композиции показателем промышленного производства является индекс статнстнческого бюллетеня ООН. Он не лишен недостатков, в частности, он не злиминирует сезонных колебаний, одиако его иесомненное достоинство — в том, что он для всех стран одинаково охватывает добывающую и обрабатывающую промышленность, энергетику н строительство.

По данным статистикн ООН, последний мировой экономическнй крнзис начался в апреле 1973 г. в Англин, а затем в промежутке между сентябрем н декабрем того же года охватнл США, Японию, Австралию, Грецню, Италию, Нндерланды, Францию и ФРГ. В 1974 г. кризис распространился на Канаду, Бельгию, Швецию, Испанию, Португалию и др.

Таким образом, уже в 1973 г. кризис поразил девять стран, которые выпускали 74% промышленой продукцин капнталистического мира. По индексам ОЭСР (Организацнн зкономнческого сотрудничества н развития), которые не нмеют для всех входящих в нее стран единой композиции н, как правнло, не включают строительство, мнровой зкономический крнзнс в 1973 г. охватнл только Англию (в апреле), а также США н Японию (в декабре). Индексы ОЭСР элнминируют сезонные колебания, но н при зтом условии выходит, что кризис уже в 1973 г. распространился на государства, выпускавшие 55% промышленной продукцни капиталистического мира. Следовательно, н индексы ОЭСР подтверждают, что началом последнего мирового экономнческого кризиса следует счнтать 1973 г.

К. Маркс прндавал большое значение правильному измерению фаз цикла. Говоря о крнзисах, он писал, что «необходнмо дать объясненне не только периодическому характеру последних, но также и точным датам зтой перноднчностн»

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 586). Приведенные выше данные показывают, что кризис начался не в 1974 г., а в 1973 г.

В 1976 г. Федеральная резервная система США пересмотрела композицию своего промышленного индекса, включив в него три нетоварных показателя, исказивших картину кризиса. Тем не менее бюллетень ФРС пишет, что и по новому индексу «подъем общего промышленного производства пришел к концу осенью 1973 г.».

Различия в индексах породили расхождения в оценке глубины и продолжительности кризиса в различных странах, причем различия по продолжительности оказались меньше, чем по степени падения объема производства.

В США процесс реализации натолкнулся на «плохое настроение» потребителей уже в III квартале 1973 г. Проф. М. Ловелл пишет, что индекс поведения потребителей, ежеквартально публикуемый, начиная с 1953 г. в «Сёрвей оф рисёрч сентр» Мичиганского университета, упал до беспрецедентно низкого уровня — 71,8 в III квартале 1973 г. (I квартал 1966 г. = 100), а к началу 1975 г. он скатился до 58.

Таким образом, первый симптом экономического кризиса в США был обнаружен уже в III квартале 1973 г., сокращение же промышленного производства началось в IV, а уменьшение инвестиций (в ценах 1967 г.) в добывающую и обрабатывающую промышленность — во II квартале 1974 г. Всему этому предшествовал самый крупный после второй мировой войны биржевой кризис, начавшийся в январе 1973 г. и продолжавшийся весь год.

Материальной основой цикла является движение основного капитала. Это марксово положение не следует, однако, понимать упрощенно и отсчитывать начало кризиса с момента падения промышленных инвестиций. Сокращение производства не совпадает по времени с уменьшением инвестиций. Их величина — решающий показатель интенсивности и продолжительности фазы подъема. Поскольку же перенакопление капитала составляет непосредственную причину кризиса, размах инвестиционного «бума» предопределяет неизбежность наступления экономического кризиса.

Первое проявление кризиса обнаруживается в сфере обращения. Там заминка с реализацией уже началась, однако строительство, монтаж оборудования и ввод в действие промышленных объектов продолжается. И, наоборот, кризис уже закончился, наступила фаза депрессии, но имеющиеся в наличии свободные производственные мощности обеспечивают возросший после кризиса спрос. Поэтому в фазе депрессии объем инвестиций держится на кризисном уровне. Выжидательное отношение к инвестициям, при всех прочих равных условиях, сохраняется и в фазе оживления, если какие-нибудь новые изобретения или усовершенствования не сулят существенного снижения издержек производства и роста прибылей. В целом же в фазе послекризисной депрессии и оживления рост инвестиций отстает еще от роста производства.

Таким образом, движение основного капитала не совпадает с движением промышленного производства, то опережая, то отставая от него. Лучшим примером в этом отношении может служить реальный объем промышленных инвестиций во время и после кризиса 1973—1975 гг.

Экономический кризис закончился примерно в середине 1975 г., в одних странах раньше, в других — позже. В связи с этим возникает вопрос: на какой основе совершился выход из кризиса? До второй мировой войны главным средством выхода из кризиса было падение цен в порядке рыночной конкуренции. Именно этим путем проходил процесс насильственного выравнивания спроса и предложения, производства и потребления. Во время последнего кризиса цены во всех развитых капиталистических странах неуклонно росли. При таком положении современный механизм выхода из кризиса требует самого тщательного изучения. Тем не менее о некоторых процессах, способствовавших выходу из кризиса, можно уже говорить.

К ним относится прежде всего небывало острая для периодов экономических кризисов борьба рабочих и служащих против снижения реальной заработной платы и реального содержания выплат по социальному страхованию.

Следует учесть и тот факт, что экономической подоплекой шумной антисоветской кампании, развернувшейся в 1976 г., был рост военных заказов промышленности не только в США, но и в других странах, входящих в блок НАТО.

Рост цен на нефть сыграл двоякую роль: он явился не только поводом для монополий повысить цены на свою продукцию, но и повлек за собой обмен нефтедолларов, накопившихся у некоторых стран — экспортеров нефти, на вооружения, изготавливаемые в США и в Западной Европе, а также на промышленное оборудование.

И, наконец, но не в последнюю очередь, известную роль сыграли обычные государственно-монополистические антикризисные мероприятия, как, например, снижение подоходного налога, налоговые льготы корпорациям, стимулирование инвестиций и т. д.

Окончание экономического кризиса означает, что капиталистическая экономика вступила в новый цикл воспроизводства. В последние годы некоторые советские экономисты выдвинули концепцию двухфазного цикла: кризис — подъем. Основанием для нее послужили

очень короткие периоды перехода от кризиса к подъему после экономических кризисов 1948—1949 гг. и 1960—1961 гг. в США. Однако, как бы ни был короток этот период, он всегда охватывает две первые фазы нового цикла: депрессию и оживление, представляющие собою лишь возвращение к пику предыдущего цикла. По сравнению с ним никакого реального роста на фазах депрессии и оживления не происходит, несмотря на то, что фаза кризиса уже осталась позади.

Главным экономическим критерием двух первых фаз цикла являются не проценты прироста продукции по сравнению с кризисной фазой, а время, затраченное на возвращение от низшей точки кризиса до пика предыдущего цикла. Оно определяет среднегодовые темпы роста за цикл в целом. Чем быстрее произошло возвращение к пику прошлого цикла, тем выше среднегодовые темпы роста, и, наоборот, чем продолжительнее фазы депрессии и оживления, тем ниже темпы роста за цикл в целом.

Отличительная особенность циклического движения в 70-х годах — это удлинение фаз депрессии и оживления, опрокинувшее концепцию двухфазного цикла. После экономического кризиса 1969—1970 гг. в США фаза депрессии продолжалась 12 месяцев.

Я думаю, что в 70-х годах не случайно фаза послекризисной депрессии стала играть значительно большую роль, чем в первые 25 лет после окончания второй мировой войны. После завершения мирового экономического кризиса 1973—1975 гг. все главные капиталистические страны прошли через длительную фазу депрессии. В США, Канаде, Австралии, Италии, Франции эта фаза продолжалась 7—9 месяцев, в Японии — 12 месяцев, а в Англии, где кризис продолжался почти 2,5 года, фаза депрессии еще не закончилась и в 1976 г. Англия не одинока: во второй половине 1976 г. в фазе депрессии находились еще Нидерланды и Швеция.

Иначе обстоит дело с экономикой США, которые, преодолев кризис в мае 1975 г., вышли из фазы депрессии уже в самом начале 1976 г., вступили в фазу оживления и к концу того же года достигли пика предыдущего цикла (ноябрь 1973 г.). Следует учесть, что 1976 год был годом президентских выборов и поэтому правительство Форда приняло специальные меры для стимулирования экономики, не добившись, однако, существенного уменьшения безработицы. При таком положении только 1977 г. покажет, насколько прочной и реальной является новая фаза подъема в США.

Большинство остальных капиталистических стран (Австралия, Канада, Франция, ФРГ, Бельгия, Италия, Австрия) во второй половине 1976 г. еще находились в фазе оживления.

Таким образом, к началу 1977 г. в мире капитализма наблюдались такие крайности, как тяжелая депрессия в Англии и начало подъема в США. В целом же капиталистическая экономика прошла первую фазу нового цикла — депрессию и к началу 1977 г. находилась уже в фазе оживления, не достигнув, однако, пика предыдущего цикла. До фазы нового подъема капитализм еще не дошел. Продвижение вперед шло довольно медленно и характеризовалось большими колебаниями экономической конъюнктуры и даже срывами в отдельных странах.

Особого внимания заслуживает положение в трех «горячих» точках Западной Европы — в Греции, Португалии и Испании. Бросается в глаза, что именно в этих трех странах продолжительность кризиса была наименьшей (в Португалии — 8, в Испании — 9 и в Греции — 10 месяцев), в то время как в других странах она составила в среднем 17—18 месяцев. С марта 1976 г. Португалия и Испания находились уже в фазе оживления, а Греция в это время вступила в фазу подъема. Не подлежит сомнению, что участники НАТО напрягали свои усилия, чтобы вытащить из кризиса эти страны и предотвратить таким образом обострение там социального кризиса.

Новый циклический подъем капиталистической экономики зависит от размеров промышленных инвестиций, от интенсивности процесса обновления и расширения основного капитала. На этом пути существует большое препятствие в виде недогрузки уже имеющихся производственных мощностей. В конце 1976 г., когда экономика США достигла и перевалила пик 1973 г., недогрузка, по данным «Макгроу-Хилл», составляла 22,5%. Высокая степень недогрузки производственных мощностей наблюдалась к началу 1977 г. и в странах Западной Европы.

По словам еженедельника «Бизнес уик» (10.I.1977), «надежды на значительный рост инвестиций в начале 1977 г. исчезли. В ноябре 1976 г. они сократились на 4,9%, в первой половине 1977 г. ожидается их рост менее чем на 2%». Так обстоит дело в США. Что касается Англии, то лондонский «Экономист» писал (1.I.1977) следующее: «Ныне ОЭСР предсказывает, что между низшей точкой мирового спада в июле — декабре 1975 г. и второй половиной 1977 г. произойдет реальное падение английских частных нежилищных инвестиций в размере, превышающем 5%». Не лучше, по словам журнала, обстоит с инвестициями во Франции, Италии и Японии. Большие размеры недогрузки явились непосредственной причиной заторможенности инвестиций, продолжительности фаз депрессии или оживления.

Иногда говорят, что к причинам застоя или незначительного роста инвести-

ций следует добавить уменьшение прибылей и недостаток ссудного капитала. Прибыли монополий были достаточны для увеличения ассигнований на инвестиции. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» (10.I.1977) сообщает, что прибыли всех корпораций после выплаты налогов возросли в 1976 г. на 28%. Как всегда бывает в начале кризисов, процентная ставка поднимается в связи с повышенным спросом на ссудный капитал. Дополнительной причиной ее роста во время последнего кризиса была страховка банков от инфляции. Однако уже на фазе депрессии в связи с сокращением производства и инвестиций начинается приток ссудного капитала в банки и процентная ставка падает. Это и произошло в 1976 г., несмотря на продолжающуюся инфляцию—факт, говорящий об избытке ссудного капитала. Более высокая процентная ставка в Англии объясняется огромным дефицитом платежного баланса.

Наряду с недогрузкой как непосредственной причиной застоя инвестиций есть и более долговременная причина этого явления. Речь идет об изменении характера научно-технической революции. В настоящее время уже нет одновременного возникновения и развития нескольких совершенно новых отраслей промышленности. Произошла и нивелировка ее технического уровня в США, Японии и Западной Европе, что, как мы полагаем, послужило главной причиной конца асинхронности экономических кризисов и всеобщности последнего кризиса.

В настоящее время происходит процесс усовершенствования уже сделанных изобретений и перенесения их на все отрасли промышленности, особенно в части автоматизации технологических процессов, что явилось одним из основных факторов роста безработицы на фазах подъема, начиная со второй половины 60-х годов.

Когда мы говорим теперь о застое инвестиций, то это отнюдь не означает, что они прекратились. Инвестиции и во время кризиса, а затем на фазах депрессии и оживления держатся теперь на сравнительно высоком уровне. Речь идет об отсутствии такого их роста, который обеспечил бы быстрое возвращение к пику прошлого цикла и интенсивность нового подъема.

Конечно, дальнейшее развитие научно-технической революции может породить в отдельных отраслях промышленности такие технические перевороты, которые обеспечат интенсивный экономический подъем. На очереди стоят технические перевороты в сырьевой базе энергетической промышленности: управляемая термоядерная реакция, газификация каменного угля и сжижение угольного газа, использование солнечной энергии и т. п. Однако решение этих проблем выходит за пределы наступившего нового цикла.

Другая перспектива экономического роста главных капиталистических стран зависит от решения проблемы нового экономического порядка. Это глубоко противоречивая проблема, которая будет решаться в ходе борьбы развивающихся стран с империализмом.

Речь идет о соотношении цен продукции капиталистических промышленных монополий и цен на сырье, поставляемое «третьим миром». Я не думаю, что соотношение этих цен вернется к уровню 1950 г., как об этом говорил здесь С. Никитин, или к уровню 1970 г., как считает П. Хвойник. Следует учесть закономерность перехода от борьбы за политическую независимость бывших колоний и полуколоний к борьбе за экономическую независимость. По этой причине невозможно возвращение к паритету цен ни 1950 г., ни 1970 г.

Изменение ценовых пропорций в пользу развивающихся стран увеличит их спрос на средства производства: металл, оборудование, продукцию химической промышленности и т. п., необходимые для развития собственной индустрии. Такой спрос может содействовать новому подъему капиталистической экономики. Однако экономическая независимость развивающихся стран противоречит коренным интересам империализма. Поэтому проблема изменения соотношения цен потребует продолжительной борьбы развивающихся стран.

По всем упомянутым причинам не следует ожидать высоких темпов роста главных капиталистических стран в наступившем экономическом цикле. Думаю, что среднегодовые темпы промышленного роста не достигнут уровня, о котором говорил здесь А. Гречихин, — в 4,5—5,5%. Вероятнее всего, темпы будут держаться на уровне 3%, при которых неизбежен высокий уровень безработицы.

Энергетика основных капиталистических стран

В. Поминов. Как известно, энергетика продолжает оставаться одним из слабых и ненадежных звеньев капиталистического хозяйства. Она находится в тесной связи со сферой производства и потребления, поэтому перебои в энергоснабжении или постоянная угроза таковых самым болезненным образом отражаются на функционировании экономики.

Теоретическое и практическое значение имеет анализ связей между энергетическим и циклическим кризисами. Эти связи в общих чертах были рассмотре-

ны в ряде трудов, в том числе в работах нашего института. Выделены некоторые признаки, присущие энергетическому кризису, и, в частности, подчеркивался его долговременный характер. Условия, которые привели к современному несбалансированному состоянию энергетики капиталистических стран, вызревали в течение длительного периода. Вспышки энергетических затруднений имели место и в прошлом, например, в результате закрытия Суэцкого канала.

Вывод о долговременном характере энергетического кризиса подтверждается динамикой производства и потребления энергии, а также самообеспеченности ею за последние годы. Приведем данные по шести основным капиталистическим государствам — США, Японии, ФРГ, Англии, Франции и Италии. 1973 год был для них рекордным по темпам прироста энергопотребления. С 1974 г. обнаружилось заметное падение национального производства и общего потребления энергии, продолжавшееся и в 1975 г. В 1976 г. в результате активизации экономической деятельности энергопотребление возросло. В шести странах, вместе взятых, за 1973—1976 гг. производство первичных энергоресурсов уменьшилось на 1,33% (с 2623 млн. до 2588 млн. т усл. топлива), а энергопотребление — на 2,44% (с 4021 млн. до 3923 млн. т усл. топлива).

Данные за 1976 г. здесь и дальше — по большей части предварительные. В расчетах учтено видимое потребление, которое получено следующим образом: производство (и добыча) плюс импорт минус экспорт и отгрузки в бункеры судов плюс прирост складских запасов. В добычу нефти включено производство газоконденсатных жидкостей.

Таким образом, понижательная тенденция в энергопроизводстве наиболее развитых капиталистических стран, наметившаяся на рубеже 60-х и 70-х годов, до сих пор не преодолена. Это обусловлено инерционностью топливно-энергетического комплекса и небольшим увеличением капиталовложений на его развитие за истекшие три года. Прирост их был намного ниже того объема, который прогнозировался в капиталистических странах в 1974 г.

В нашем институте возможность подобного хода событий предусматривалась в период обострения энергетического кризиса (см. книгу «Энергетический кризис в капиталистическом мире», вышедшую в 1975 г.). Тогда же было высказано предположение, что перелома данной тенденции скорее всего следует ожидать в конце 70-х годов. В этой связи 1977—1978 гг. рассматриваются как переходный период, к концу которого начнется стабилизация национального энергопроизводства, после чего выработка энергии на базе собственных природных ресурсов в развитых капиталистических странах вступит в длительный этап медленного наращивания.

К числу важных причин и в то же время признаков энергетического кризиса, согласно широко распространенному мнению, относится отставание объемов выработки первичных источников энергии на основе собственных ресурсов от спроса на нее в наиболее развитых капиталистических государствах. Разумеется, низкая степень энергетической самообеспеченности сама по себе не может привести к возникновению кризисных ситуаций. Она становится почвой для появления последних в условиях неравноправного, полного противоречий внешнеэкономического обмена, присущего миру капитализма.

За 1973—1976 гг. отношение собственного производства первичных энергетических ресурсов к их потреблению в группе ведущих государств увеличилось всего на десятые доли процента (с 65,2 до 66), то есть практически не изменилось (в 1976 г. самообеспеченность в США, четырех западноевропейских странах и Японии составляла соответственно 86, 41 и 9%).

Такая стабилизация помимо падения приростов и абсолютного сокращения потребления была также обусловлена сдвигами в его структуре — повышением относительного значения атомной энергии (с 0,4 до 1%), некоторым увеличением доли угля (с 22 до 24%), в основном за счет его ускоренного потребления на тепловых электростанциях, и снижением удельного веса нефти и газа (с 76 до 73%). Доля гидроэнергии осталась на уровне 2%.

Выход из экономического кризиса сопровождался ускорением потребления энергии, что привело к некоторому увеличению разрыва между ее производством и потреблением. Можно предполагать, что у рассматриваемой группы стран уровень зависимости от импорта существенно не изменится по крайней мере до конца 80-х годов.

В развитых странах капиталистического мира сохраняется резкая диспропорциональность между структурой потребления жидких и газообразных первичных источников энергии, с одной стороны, их производством и национальными природными ресурсами — с другой. Это видно из таблицы, где для сравнения приведены также соответствующие показатели по странам — членам ОПЕК.

Наиболее высокой (в 1976 г. — 67%) остается импортная зависимость по нефти. Долю привозных нефти и нефтепродуктов в импорте всех видов энергоресурсов шести стран, вместе взятых, можно оценить в 95%. Страны — члены ОПЕК надолго сохранят свою роль главного нефтеснабжающего региона капиталистического мира.

Проблема экономии энергии, снижения ее удельного расхода, темпов поступательного движения энергопотребления стала важной составной частью правительственных энергетических программ.

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОСНОВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ЭНЕРГИИ (1976 г.)

Источники энергии	Группы стран и страны	Отношение производства к потреблению	Отношение доказанных запасов к добыче	Отношение доказанных запасов к потреблению
Уголь	6 основных капиталистических государств	1,01	310	317
	в том числе США	1,17	269	313
	ОПЕК	1,00	140	140
Нефть	6 основных капиталистических государств	0,33[1]	14	5
	в том числе США	0,59[1]	9	6
	ОПЕК	23,29	35	819
Газ	6 основных капиталистических государств	0,90	12	11
	в том числе США	0,97	12	11
	ОПЕК	1,28	177	226

[1] В потребление включен расход нефти и нефтепродуктов на неэнергетические нужды. Его удельный вес в общем потреблении жидких углеводородов в отдельных развитых странах колеблется от 9 до 20%.

Некоторые специалисты полагают, что в перспективе будет происходить снижение энергоемкости общественного производства. Эта точка зрения подтверждается такими фактами, как уменьшение расхода энергии на выпуск единицы продукции в отдельных отраслях и подотраслях, увеличение удельного веса сравнительно малоэнергоемкой сферы обслуживания в составе общественного продукта и т. д. Действительно, тенденция к энергосбережению усилилась в связи с обострением энергетического кризиса. Он ярко проявляется в тех странах, которые в силу особого положения в системе международного разделения труда или острой нехватки собственных природных ресурсов стремятся к более энергоэкономной структуре хозяйства, например, в Японии.

Однако, с другой стороны, все большее значение приобретают такие факторы, как ускоренное развитие ряда энергоемких производств (химии, энергетики), возрастание затрат на защиту окружающей среды, наконец, рост энерговооруженности во всех отраслях и в бытовом секторе. Кроме того, энергоэкономия имеет известные объективные пределы, обусловливаемые необходимостью повышения производительности общественного труда, сохранения соответствующего уровня жизни. Все эти факторы и в первую очередь структурные сдвиги дают основание более осторожно оценивать возможности снижения общего удельного энергоиспользования. Такие возможности особенно ограничены в странах (например, в США), которые в силу тех или иных причин вынуждены развивать все современные отрасли. Отметим, что при одинаковом увеличении в общем объеме производства, исчисленном в постоянных ценах, доли как высокоэнергоемких, так и низкоэнергоемких отраслей общее удельное потребление энергии обычно возрастает.

За последние годы, видимо, преобладали тенденции относительного сбережения энергии. Об этом свидетельствует уменьшение энергоемкости валового национального продукта в ведущих капиталистических государствах: она снизилась на 2—7, а в Японии — даже на 15%. Это частично могло вызываться массовым закрытием мелких малопроизводительных предприятий, как правило, отличающихся высокими удельными затратами энергии. Правда, неточность подсчета валового продукта, повторный счет при его определении, а также ориентировочный характер оценок за 1976 г. не позволяют считать приведенные данные достаточно обоснованными. Более представительны оценки энергоемкости промышленного производства. Имеются основания полагать, что за последние три года она в целом по крайней мере стабилизировалась, а в некоторых странах — возросла.

Структура энергобалансов развитых капиталистических стран

Ф. Бромберг. В период выхода промышленно развитых капиталистических стран из глубокого экономического кризиса 1974—1975 гг. энергетический сектор их хозяйства продолжает оказывать негативное воздействие на общие условия воспроизводства, способствуя неустойчивости начавшегося оживления.

В большей мере это связано с сохранением структуры энергопотребления этих стран, в значительной или даже подавляющей мере ориентированного на нефть. За время, истекшее с момента обострения энергетического кризиса, не произошло ни предполагавшегося программами «энергетической независимости» значительного снижения доли нефти в энергобалансе крупнейших капиталистических государств (см. таблицу), ни уменьшения зависимости от ее импорта. В самом деле, лишь в 1974 и 1975 гг. ввоз нефти в страны Западной Европы сократился соответственно на 6,3 и 15,9%. Но это были годы значительного снижения производства и потребностей в энергии.

Как только в связи с начавшимся оживлением возрос спрос на энергию, увеличился импорт нефти: в I полугодии 1976 г. он почти на 10% превышал уровень соответствующего периода 1975 г. Аналогичным образом менялся нефтяной импорт Японии, который сократился в 1974 г. на 3,7% и в 1975 г.— на 9,4%, но в первой половине 1976 г. увеличился примерно на 20% по сравнению с тем же периодом 1975 г. В США импорт сырой нефти рос убыстряющимися темпами

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРВИЧНЫХ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (% к итогу)

Энергоисточники	США		Япония		ФРГ		Франция		Великобритания		Италия	
	1973 г.	1976 г.[1]	1973 г.	1976 г.[1]	1973 г.	1976 г.[1]	1973 г.	1976 г.[1]	1973 г.	1976 г.[1]	1973 г.	1976 г.[1]
Уголь	20	23	19	20	33	32	19	18	42	40	7	8
Нефть	45	45	77	74	53	49	69	68	45	39	76	69
Газ	34	29	2	3	13	17	9	10	12	19	14	18
Гидроэнергия	1	2	2	2	1	1	2	3	<1	<1	3	4
Атомная энергия	<1	1	<1	<1	1	1	1	1	1	2	<1	1

[1] Предварительные данные.

и за I полугодие 1976 г. превысил примерно на 1/3 соответствующий показатель первой половины предыдущего года.

И могло ли быть иначе, если из крупных государств лишь Англия за последние три года увеличила собственную нефтедобычу? В США добыча в I полугодии 1976 г. была примерно на 3% ниже, чем за тот же период 1975 г., и почти на 11% — чем в 1973 г. В результате зависимость США от импорта нефти была в 1976 г. примерно на 5% выше, чем в 1973 г.; в остальных странах (исключая Англию) она осталась на прежнем уровне или возросла на 1—2%.

Огромные масштабы нефтяного импорта тяжелым грузом ложатся на внешнеторговые балансы развитых капиталистических стран. Пассив в их торговле со странами ОПЕК в 1976 г. оценивается примерно в 50 млрд. долл., несмотря на то, что за 1973—1976 гг. более чем втрое увеличился экспорт промышленных товаров и оружия в нефтедобывающие страны.

В существующих условиях не приходится говорить о значительном снижении в близкой перспективе степени зависимости промышленно развитых стран от нефтяного импорта, даже если они будут более активно использовать свои национальные ресурсы. При сложившемся соотношении мировых цен экономически целесообразные для разработки запасы нефти лишь в малой своей части приходятся на развитые страны. Региональное распределение этих запасов примерно таково (%): Ближний и Средний Восток — 78, Северная Америка — 10, Центральная и Южная Америка — 6,. Дальний Восток, Австралия и Океания — 2, Западная Европа — 4. При этом для США, например, отношение ресурсов нефти к к годовому потреблению составляет лишь 6. Таким образом, даже потенци-

альная обеспеченность крупнейших капиталистических государств нефтью не соответствует нынешним масштабам ее использования.

Между тем в основе всех планов перестройки энергетики, которые были выработаны в государствах этой группы сразу после энергетического кризиса 1973 г., лежало обязательное условие — относительно быстрая перестройка энергобалансов, прежде всего за счет снижения в потреблении доли нефти. Объективной основой такой перестройки должно было явиться резкое увеличение доли электроэнергии за счет атомной энергии и нетрадиционных энергоисточников.

Эти предпосылки были неверными сами по себе, ибо рост доли электроэнергии в потреблении связан с перестройкой всей этой сферы, с большими капитальными вложениями, решением ряда фундаментальных научно-технических проблем. Данный процесс является длительным и не может уложиться в одно-два десятилетия. Достаточно сказать, что доля первичных энергоресурсов, перерабатываемых в электроэнергию, за 1970—1976 гг. выросла в 6 странах всего на 3—4%.

Не менее консервативна и сфера производства электроэнергии с ее долгоживущими основными объектами. Например, данные о структуре выработки электроэнергии в странах ОЭСР за три последних года показывают, что суммарная доля ТЭС и ГЭС понизилась лишь примерно на 3%, что, несмотря на высокие темпы ввода атомных электростанций, их доля в выработке энергии не достигла и 10%. Можно говорить о постепенном увеличении удельного веса атомной электроэнергии, но трудно ожидать его скачкообразного повышения. Ясно, что до коренного изменения энергетической ситуации еще далеко.

Как показывает практика, атомная энергетика развивается отнюдь не столь бурными темпами, как ожидалось в начале 70-х годов. Это связано прежде всего с тем, что удельные капиталовложения в АЭС превышают пока аналогичные показатели станций других типов. Кроме того, атомные станции строятся даже дольше, чем гидроэлектростанции, причем в последние годы имело место возрастание сроков строительства. Не решены еще многие важнейшие технические и экономические проблемы сооружения и эксплуатации АЭС.

Наиболее сильно на развитии атомной энергетики сказываются снижение темпов сооружения электростанций, общее сокращение капиталовложений в электроэнергетику. Характерно, что примерно 70% общей мощности электростанций, заказы на которые были аннулированы в развитых капиталистических странах за 1975—1976 гг. (главным образом ввиду неясности перспектив роста спроса на электроэнергию), приходится на АЭС. Поступление заказов на новые атомные станции в известной степени ограничивается и неопределенностью положения, которое существует в разработке следующего поколения энергетических реакторов. Создание коммерческих реакторов на быстрых нейтронах, имеющих коэффициент использования топлива примерно в 30 раз больший, чем у существующих реакторов на тепловых нейтронах, могло бы кардинально решить проблему ресурсов атомной энергетики. От сроков разработки конкурентоспособных реакторов-размножителей, от того, каким окажутся их технико-экономические показатели, в значительной мере зависит заинтересованность энергетических компаний во вводе АЭС.

Для долговременных перспектив развития атомной энергетики важное значение имеют темпы и ожидаемые результаты исследований в области освоения термоядерной энергии. В США, например, государственные ассигнования на них в течение длительного времени превышают 100 млн. долл. ежегодно, а в 1976 г., по предварительным данным, составили более 200 млн. Тем не менее в основных капиталистических странах разработки не вышли из стадии физического моделирования термоядерной реакции, причем далеко не во всех случаях получается положительный энергетический выход. Практическое освоение термоядерной энергии ожидается не раньше, чем в 90-х годах.

Заканчивая свое выступление, я хотел бы сказать, что и в ближайшее время положение в энергетике основных капиталистических стран, по-видимому, останется нестабильным. В значительной мере это будет сказываться и на сдерживании экономического оживления, и на сохранении высокого уровня безработицы.

Проблема нефти и газа в США

Е. Бугров. Мне хотелось бы остановиться на некоторых аспектах энергетического положения США, связанных с развитием их экономики. Окончательные цифры добычи нефти и природного газа, импорта нефти и нефтепродуктов за 1976 г. еще не опубликованы, но имеются официальные оценки в послании пре-

зидента конгрессу по международным экономическим вопросам, представленном в январе 1977 г.

Национальная нефтедобыча в США за 70-е годы характеризуется следующими данными (млн. т): 1972 г.— 469, 1973 г. — 454, 1974 г. — 432, 1975 г.— 412, 1976 г.— 401. Цифры свидетельствуют, что нефтедобыча достигла пика в 1972 г. и с тех пор происходит ее устойчивое уменьшение. Показатель 1976 г. на 14,5% ниже уровня 1972 г. Это существенно осложняет общую энергетическую ситуацию в стране.

Более 3/4 внутренних потребностей в первичных энергоресурсах покрывается за счет нефти и природного газа. В добыче последнего максимальный уровень достигнут в 1973 г., и с тех пор происходило ее абсолютное падение (млрд. куб. м): 1973 г.— 615, 1974 г.— 587, 1975 г. — 545, 1976 г. — 533. Годовой уровень в 1976 г. был на 13,4% меньше, чем в 1973 г. Это еще один негативный аспект энергетического положения США.

Снижение внутреннего производства основных топливно-энергетических ресурсов, естественно, ведет к росту их импорта. В период экономического кризиса 1974—1975 гг. в американской прессе неоднократно появлялись заявления, в том числе и официальные, о целесообразности и возможности значительного сокращения энергопотребления и уменьшения импорта нефти и нефтепродуктов. Этот тезис подкрепляется тем, что энергопотребление в 1974—1975 гг. действительно уменьшилось по сравнению с 1973 г. Однако после окончания кризиса вновь возросли и потребление и импорт нефти. Тому же способствовала значительно более холодная, чем обычно, зима 1976—1977 гг. Чистый импорт нефти и нефтепродуктов составил (млн. т.): 1973 г.— 297, 1974 г.— 290, 1975 г.— 287, 1976 г.— 339. Таким образом, снова начинает прокладывать себе путь тенденция роста зависимости США от импорта энергоресурсов. Эксперты «Чейз Манхэттен бэнк» заявили, что «в 1977 г. доля импорта в покрытии нефтяных потребностей страны увеличится до 43% по сравнению с 41% в 1976 г.» (в 1974 г.— 37%).

В 70-е годы заметно активизировалась энергетическая политика государства. По существу, начался переход от разрозненных мер государственного регулирования к программированию развития энергетики. Однако государственная энергетическая программа во многом является программой-прогнозом, ибо достижение объявленной цели — «энергетической независимости» страны — не подкрепляется системой мер, которые бы ограничивали свободу действий монополий. Именно деятельность нефтяных концернов не обеспечила необходимых инвестиций в развитие национальной энергосырьевой базы, привела к диспропорциям в производстве и использовании топливно-энергетических ресурсов, к росту зависимости страны от импорта.

Переход к программированию развития энергетики оказался глубоко противоречивым процессом, отражающим конфликтный характер возрастания экономической роли буржуазного государства вообще и специфику американского энергетического хозяйства с особо прочными позициями нефтяных монополий.

На первом этапе реализации программы США (1975—1977 гг.) предусматривалась не только стабилизация нефтяного импорта, но и некоторое его сокращение по сравнению с уровнем 1973 — 1974 гг. Я уже приводил цифры, которые говорят о том, что в 1976 г. эта первоочередная часть программы не была выполнена. Не обещает перемен и 1977 г. Государственные меры бессильны остановить рост закупок нефти за рубежом. И официальные прогнозы и выкладки частных исследовательских центров показывают, что в 80-х и 90-х годах США останутся крупным импортером нефти и нефтепродуктов.

Устойчивое отрицательное сальдо во внешней торговле энергетическими ресурсами в пределах до 2 млрд. долл., которое США имели до начала 70-х годов, считалось нормальным явлением в условиях возрастающего импорта дешевой нефти. Именно из-за низких цен на нефть процесс осложнения энергетических проблем оставался скрытым. Повышение мировых цен сделало явной остроту накапливавшихся годами энергетических трудностей. Затраты США, связанные с чистым импортом энергоресурсов, в 1976 г. вышли на уровень около 30 млрд. долл. и вызвали значительный дефицит торгового баланса.

Компенсация возрастающих затрат на закупку иностранной нефти экспортом промышленной и сельскохозяйственной продукции сопряжена со значительными трудностями. Расходы по нефтяному импорту будут длительное время оказывать негативное влияние на торговый и платежный балансы страны. Это вместе с тем и фактор усиления межимпериалистических противоречий, поскольку борьба за расширение экспорта промышленной продукции стала необходимостью и для других капиталистических стран, оплачивающих резко возросшие нефтяные счета.

Что же касается трудностей в снабжении топливом предприятий и населения в условиях суровой зимы 1976—1977 гг., то, очевидно, они отрицательно скажутся на показателях валового национального продукта и занятости в I полугодии 1977 г.

Влияние международных монополий на кризисные процессы

Т. Белоус. Экономическое развитие капиталистических стран в последние несколько лет свидетельствует о серьезных нарушениях хозяйственного механизма государственно-монополистической системы. В значительной мере это связано с ускорившейся интернационализацией производства и капитала. Осуществляемый международными компаниями вывоз капитала превратился в наиболее динамичный элемент мирохозяйственных связей. Несмотря на действие факторов, затрудняющих операции монополий за рубежом, у них нет альтернативы заграничному инвестированию. Экспорт капитала является неотъемлемым элементом капиталистического воспроизводства, ибо он органически вытекает из возросших масштабов накопления. К тому же он помогает преодолевать перенакопление капитала, поскольку выполняет функции монополистического регулятора производства.

Маневрирование инвестициями в международном масштабе позволяет монополиям, изменяя размеры производства и сбыта внутри отдельных стран, удерживать там цены на высоком уровне даже в период падения спроса. Как правило, закрываются предприятия в государствах с низкой хозяйственной конъюнктурой либо жестким антиинфляционным режимом и создаются новые производственные мощности в странах с высоким уровнем деловой активности и либеральной антиинфляционной политикой. Тем самым международные компании форсировали «перелив низкой конъюнктуры», то есть перерастание региональных циклических «сбоев» производства в мировой экономический кризис.

Естественно, что по мере расширения круга стран и отраслей, охватываемых кризисом перепроизводства, сужалась свобода маневрирования международных монополий и резко обострялась борьба между ними за сферы приложения капитала. Тенденции к диверсификации и интернационализации породили новый вид межмонополистического соперничества — международную структурную конкуренцию. Компании сталкиваются друг с другом уже не на относительно изолированных рынках отдельных видов продукции, а конкурируют всей структурой производства в международном масштабе. В свою очередь, модификация форм борьбы за сферы приложения капитала и рынки сбыта чрезвычайно убыстряла «перелив низкой конъюнктуры».

Каждая международная компания маневрирует инвестициями, чтобы предотвратить образование избыточного капитала в странах происхождения и проникновения. Но тем самым они приближают такое перенакопление, которое приводит к нарушению воспроизводства в пределах всей мировой капиталистической системы. В этой обстановке межстрановой и межотраслевой сброс капитала перестает быть эффективным. Тогда лишь всеобщий кризис перепроизводства обеспечивает восстановление нормальных условий движения общественного капитала.

И действительно, насколько можно судить, исходя из разрозненных оценочных данных, по мере того как кризис перепроизводства приобретал мировой характер, совокупный экспорт капитала замедлялся. Правда, в отличие от международного товарооборота, показавшего в 1975 г. сокращение, вывоз капитала продолжал возрастать. Однако рост этот был в меньшей мере связан с фактическим увеличением заграничного инвестирования и в большей мере — с инфляционным взрывом в мировой капиталистической экономике.

То, что заграничное инвестирование, пусть в замедлившемся темпе, но все же продолжало расширяться в условиях всеобщего кризиса перепроизводства, объясняется, очевидно, изменением характера капиталовложений: на начало 70-х годов свыше $^2/_3$ их направлялось на модернизацию производства и обновление выпускаемой продукции и лишь около $^1/_3$ — на расширение производственных мощностей. В период циклического кризиса произошли дальнейшие сдвиги в пользу первой группы инвестиций в связи с обострением борьбы за сужающиеся рынки сбыта.

Экспансия международных монополий не только способствует синхронизации экономического цикла, но и углубляет, модифицирует развитие его отдельных фаз. В частности, две отличительные особенности циклического кризиса 1974—1975 гг., состоящие в переплетении его со структурными кризисами и с инфляцией, обусловлены в большой мере операциями международных компаний, которые усиливают нестабильность и диспропорциональность капиталистического хозяйства.

Анархия и неустойчивость экономики капитализма в значительной степени объясняются множественностью и крайней противоречивостью интересов международных компаний как субъектов хозяйствования, ибо каждая из них руководствуется узкокорыстными интересами максимизации прибыли. Нестабильность усиливается и в результате углубления

несоответствия между быстрым ростом международных банковско-промышленных комплексов и более медленным процессом воспроизводства в национально ограниченных рамках капиталистических государств. В том же направлении действует и политика международных компаний, в результате которой нередко нарушается соотношение между темпами развития главных и вспомогательных отраслей, углубляются диспропорции в региональной структуре промышленности, возрастают неиспользуемые производственные мощности, «разбухает» экспортный сектор в экономике, утрачивают равновесие платежные балансы. В такой обстановке учащаются нарушения в функционировании капиталистического хозяйственного механизма, проявляющиеся в структурных кризисах: энергетическом, сырьевом, продовольственном, экологическом, валютно-финансовом. Подобные нарушения способны придать любому очередному циклическому кризису перепроизводства характер глубоких экономических потрясений.

Аналогичными последствиями чревато и превращение безудержной инфляции в неизменного спутника кризиса буржуазной экономики. Международные монополии форсируют развитие инфляционных процессов по многим каналам, но важнейший из них, пожалуй,— монополистическая практика ценообразования. Рост цен автоматически увеличивает количество денег в обращении, что, в свою очередь, создает возможность дальнейшего повышения цен. Один из главных методов монополистического регулирования цен — вывоз долгосрочного капитала. В результате перевода производства из стран, переживающих циклический срыв, в страны с высоким уровнем деловой активности, во-первых, происходит «выравнивание» цен в рамках мировых товарных рынков по максимально высокому уровню, а во-вторых, раскручивается инфляционная спираль, захватывая все новые и новые сферы экономики капитализма. Так, например, когда в начале 70-х годов подскочили цены на нефть и нефтепродукты, это вызвало цепную реакцию роста цен и в других отраслях.

Вывоз капитала способствует развязыванию инфляции еще и тем, что, относительно сокращая производство внутри страны для поддержания цен, он одновременно увеличивает денежную массу в обращении в результате притока прибылей из-за границы.

Важная роль в монополистической практике ценообразования отводится различным межфирменным соглашениям, участниками которых являются международные компании. Среди них необходимо выделить международные картели, которые регулируют цены преимущественно на сырье и топливо. Члены картелей с помощью разнообразного инструментария добиваются создания дефицитности своей продукции даже в условиях резкого сжатия спроса. Серьезный стимул для роста цен на сырье и топливо создает наметившаяся тенденция к замене одноотраслевых международных картелей диверсифицированными. Такой картель контролирует рынок не одного, а многих видов сырья, причем как натурального, так и синтетического. Объединение в одних руках контроля над взаимозамещающими продуктами снимает с повестки дня ценовое соперничество, которое на рынках сырьевых товаров продолжает оставаться основной формой конкурентной борьбы. Тем самым устраняются преграды на пути монополистического вздувания цен сырья и топлива.

Известно, например, что участники Международного нефтяного картеля в 50-е и 60-е годы проводили политику низких цен на нефтепродукты с целью расширения рынков сбыта за счет конкурирующих видов энергоресурсов, в первую очередь каменного угля. В начале 70-х годов, напротив, те же нефтяные монополии подняли цены на нефтепродукты в значительно большей мере, чем это было необходимо для компенсации потерь, связанных с повышением цен на сырую нефть странами — членами ОПЕК. Подобное изменение ценовой политики стало возможно в связи с трансформацией Международного нефтяного картеля в энергетический, который оказался заинтересован в максимально возможном росте цен на нефтепродукты с целью выведения на конкурентоспособные позиции новых сфер своего контроля.

Что касается цен на готовые изделия, то их обычно «подпирают» международные монополистические соглашения на производственной и научно-технической основе. Они много прочнее картельных сговоров, в особенности если скреплены патентной монополией. Естественно, что эффективность соглашений о ценах будет возрастать по мере увеличения удельного веса международных компаний в мировой капиталистической торговле. В 70-е годы эта доля оценивается в 60%. Однако международные компании воздействуют на ценообразование и развитие инфляционных процессов не только путем регулирования «внешних» цен. Серьезным источником инфляции стала и система внутрифирменных, или трансфертных цен этих компаний. В 70-е годы по таким ценам осуществлялется 30—40% мирового капиталистического товарооборота. Чем выше удельный вес внутриконцерновых поставок во внешней торговле той или иной страны, тем сильнее влияние трансфертных цен на уровень экспортных и импортных цен данной страны. Особенно велико оно в развивающихся государствах.

Кроме того, в той мере, в какой система трансфертных цен ведет к налоговым потерям и блокирует государственную политику поддержания платежных балансов в странах проникновения, она может способствовать развязыванию ин-

фляции косвенным образом, например, через увеличение дефицита государственных бюджетов, подрыв курса национальных валют.

Усиливая развитие структурных кризисов и вызывая сильнейшее инфляционное давление, операции международных компаний затрудняли выполнение циклическим кризисом его традиционной задачи — временного разрешения противоречий воспроизводственного процесса. В таких условиях возникла вероятность, что капиталистическое хозяйство потянет за собой последствия экономического кризиса в фазы оживления и подъема. Этим в значительной степени объясняется «смазанность», «размытость» форм оживления, наблюдаемого ныне в капиталистических странах.

Экономические потрясения середины 70-х годов, совпавшие с небывалой активизацией международных монополий, по масштабам и значимости в определенных отношениях превосходят мировой кризис перепроизводства 30-х годов. Последний разразился, когда механизм государственно-монополистического регулирования экономики только складывался. В течение нескольких последующих десятилетий он действовал более или менее безотказно. В настоящее время буржуазное общество поставлено перед необходимостью изыскивать какие-то иные методы приспособления к изменениям экономической ситуации, которые в большой мере продиктованы интернационализацией производства и капитала.

Положение трудящихся

В. Любимова. Я ограничусь несколькими замечаниями. Прежде всего остановлюсь на характере кризиса и перспективах, вытекающих из определения этого характера. На мой взгляд, не вполне правомерно говорить только о кризисе перепроизводства. Кризис 1974—1975 гг.— это теснейшее переплетение циклического и структурных кризисов, к числу которых относятся энергетический, сырьевой, валютно-финансовый, экологический и кризис занятости.

Действие циклического кризиса исчерпало бы себя полнее в 1975 г., если бы не было структурных кризисов, которые продолжаются, и рецептов для их разрешения все еще не найдено, хотя применяется ряд государственно-монополистических мероприятий по их преодолению. Действие этих мероприятий четко показывает достаточно ограниченные пределы государственно-монополистического регулирования.

Специфика кризиса 1974—1975 гг. в том, что он впервые после войны оказался синхронным, охватившим все промышленно развитые государства капитализма. Отсюда возникли дополнительные трудности, так как стал невозможным или не полностью возможным выход из кризиса одних стран за счет других. Что касается перепроизводства, то оно, бесспорно, накапливалось в ряде стран к 1974 г. или даже к концу 1973 г., но далеко не в той степени, чтобы мог разразиться всеобщий циклический кризис перепроизводства. Синхронность кризиса была обусловлена единой для всех стран причиной, а именно структурным энергетическим кризисом и прежде всего резким повышением цен на нефть, что вызвало цепную реакцию во всех важнейших отраслях промышленности.

Энергетический и сырьевой структурные кризисы — это также яркое проявление общего кризиса капитализма. Повышение цен на нефть было, по сути дела, вызовом, брошенным развивающимися странами империалистическим государствам. В то же время повышением в значительной мере сумели воспользоваться крупнейшие монополии. В этом заключается сложность ситуации и важный аспект энергетического кризиса. С. Далин справедливо говорил о связи энергетического и сырьевого кризисов с проблемой отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами, о необходимости ее решения путем установления нового экономического порядка.

Что касается конъюнктуры 1976—1977 гг., то, на мой взгляд, еще нет фазы подъема, а депрессия кое-где перешла в очень слабое оживление. Более того, в конце 1976 г. и начале 1977 г. наметились даже признаки ухудшения экономического положения. При этом сохраняется поразительная слабость инвестиционной деятельности, то есть обновления основного капитала, материальной базы движения цикла и важного условия подъема.

Между тем научно-техническая революция требует значительных и регулярных инвестиций и подавляющее большинство правительственных мероприятий нацелено на поощрение инвестиционной деятельности. Однако монополии проявляют колебания, связанные с неуверенностью в дальнейшем развитии конъюнктуры. Подавляющее большинство экономистов ведущих капиталистиче-

ских стран предвидит весьма невысокие темпы роста в предстоящем пятилетии. Вместе с тем монополии добиваются снижения налогов, увеличения амортизационных льгот, всевозможных субсидий, и для этих целей государство ассигиует крупные средства.

Следует остановиться еще на одном аспекте государственной политики, требующем значительных расходов, на которые, однако, государство оказывается не весьма щедрым. Речь идет о расходах на преодоление, точнее, на смягчение тяжелых последствий кризиса занятости и огромной безработицы. Проблема занятости приобретает новый характер и отражает не только качественное, но и количественное несоответствие между предложением рабочей силы и потребностью в ней.

Экономический кризис как бы «наслоился» на структурные и демографические факторы, которые еще до кризиса стали оказывать серьезное воздействие на рынок труда. Уже со второй половины 60-х годов он испытывает на себе растущее давление небывалого притока молодежи и женщин всех трудоспособных возрастов. Эта рабочая сила лишь частично не приспособлена к требованиям научно-технической революции. Большинство молодежи и женщин имеет общеобразовательную подготовку, немалая часть — и профессиональную подготовку (хотя именно здесь имеются существенные пробелы). Та часть новой рабочей силы, которая по какой-либо причине не подходила для работы в промышленности, использовалась преимущественно в непроизводственных отраслях. В то же время безработица постепенно нарастала, и кризис, сопровождающийся массовыми увольнениями, довел численность безработных по отдельным странам до уровня, в 2—3 раза и более превышающего максимальный для конца 50-х и первой половины 60-х годов.

Можно сказать, что в капиталистическом обществе научно-техническая революция идет своим путем, несмотря на переполнение рынка труда. Вводится оборудование, «экономящее живой труд»; идет рационализация производственных процессов, сопровождающаяся жестким отбором людских кадров; на работе оставляют наиболее подходящих для монополий, по преимуществу квалифицированных работников, а остальные, если их по той или иной причине считают непригодными для переподготовки, вынуждены пополнять ряды безработных. Можно также привести ряд примеров, когда вытеснение живого труда различными техническими новинками обходилось на первых порах дороже, чем оплата уволенных работников, но новая техника сулила большие выгоды предпринимателям в будущем.

Высокий уровень производства при недоиспользовании трудовых ресурсов и массовой безработице в США, как отмечал А. Аникин, говорит о больших достижениях в области экономической эффективности и производительности труда. Еще 20 лет назад Дж. Гэлбрейт говорил, что выгоднее давать пособия по безработице, чем жертвовать эффективностью экономики. В то время это высказывание Дж. Гэлбрейта имело некоторые рациональные, конечно, с точки зрения капиталистического общества основания. Но теперь, когда безработица резко возросла, а состав безработных изменился, подобный подход к эффективности в гораздо большей степени является признаком крайней иерациональности и изжитости капиталистического способа производства и его неспособности использовать даже хорошо подготовленную рабочую силу.

В настоящее время безработные — это по преимуществу молодые люди: в среднем $1/_3$ безработных, а в некоторых странах — до 40% в возрасте до 25 лет. Иными словами, целое поколение отравлено ядом безработицы, хотя бы даже временной, но достаточно продолжительной (от 3 до 6 месяцев, а нередко — и до 2 лет).

Безработица среди молодежи превращается в одну из самых острых социально-экономических проблем. Она привлекает внимание социологов с точки зрения эффективности использования молодежи в будущем, когда наступит смена поколения ныне работающих. Как отмечает ряд западноевропейских социологов, многие молодые люди начинают привыкать жить не работая, довольствуясь помощью родных или случайными заработками, и даже не ищут постоянной работы; у некоторых сложилась психология своего рода «неохиппизма». Социологи задают также вопрос о том: как будут работать и относиться к дисциплине эти молодые люди, не приобретшие привычки к труду, выйдут ли из их них менеджеры, администраторы или это — по крайней мере частично — «потерянное поколение»?

За кем пойдут эти разочарованные в современном капиталистическом обществе молодые люди? За левыми или за реакционными силами? На этот вопрос пока нет ответа, но он становится в центр внимания не только левых, но и реакционных сил. В частности, в ФРГ это выражается в привлечении молодежи на сборища реваншистов, неофашистов.

Как подходят правительства отдельных капиталистических стран к решению проблемы безработицы, прежде всего среди молодежи? Пока, помимо расширения системы пособий, известны лишь кратковременные и незначительные по своим масштабам мероприятия и ассигнования, предназначенные по преимуществу для финансирования монополий в целях создания ими рабочих мест, организации своей системы профобучения.

С другой стороны, приобрел довольно широкое хождение, особенно в Западной Европе, лозунг «ревалоризации ручного

труда», то есть ориентации молодежи на неквалифицированный физический труд, не требующий профессиональной подготовки. Это, разумеется, не выход из положения, поскольку, по подсчетам демографов, большой приток молодежи продлится примерно до середины 80-х годов. В итоге безработица становится наиболее трудно разрешимой проблемой для капиталистического общества, тем более что в течение ближайших лет темпы экономического роста предвидятся невысокими.

Безработица наносит серьезный ущерб экономическому положению работников наемного труда в целом, так как пособия не возмещают потери заработной платы, а существование массы безработных среди молодежи и женщин, значительная часть которых не получает пособия, является прямым вычетом из доходов тех, кто имеет работу.

В то же время нельзя не принимать во внимание изменения, которые произошли в социальном законодательстве большинства промышленно развитых стран под влиянием рабочего движения и стремления правящих кругов предотвратить крупные социальные взрывы. Кроме того, даже при наличии громадной безработицы рабочему классу частично удавалось добиваться повышения ставок заработной платы и некоторых социальных доплат.

Но в целом у многих категорий рабочих общие заработки снизились вследствие сокращения отработанного времени, отмены некоторых премий и т. п. Хотя реальные доходы трудящихся обесценивались под влиянием непрерывной инфляции, которую не всегда удавалось «догонять», все же они не упали в такой степени, как это могло случиться при подобной глубине кризиса. Динамика личного потребления не испытала резкого падения, а большее или меньшее сохранение емкости внутреннего рынка за счет личного потребления явилось одним из факторов, содействующих выходу из кризиса, хотя и на относительно узкой основе, поскольку инвестиции росли слабо.

Будучи вынужденными пойти на уступки трудящимся, монополии и буржуазные правительства применяли различные меры, препятствующие развертыванию массовых выступлений, походов безработных. Тем не менее стачечная борьба достигла высокого для кризисных лет уровня, нередко сочетаясь с занятием предприятий, предназначенных к остановке. В ряде стран, например, во Франции, профсоюзы дали решительный отпор монополиям и правительственному «плану Барра», означающему суровые лишения для трудящихся. В то же время в Великобритании тред-юнионы согласились на осуществление «социального контракта», то есть на определенные уступки монополиям. Политика руководства британских тред-юнионов встретила осуждение не только среди их рядовых членов, но и со стороны многих западноевропейских профсоюзов. Она также вызвала иронические замечания некоторых буржуазных органов печати по поводу того, что «благоразумная политика» тред-юнионов не стала положительным импульсом для оживления британской экономики. Эти замечания в известной мере отражают понимание того факта, что монополистическому капиталу «выгоднее» соглашаться на удовлетворение некоторых требований трудящихся для сохранения внутренней емкости рынка и особенно для сохранения политической стабильности, которая в ряде стран, прежде всего в Италии, является весьма ненадежной для буржуазии.

В целом можно сказать, что генерального наступления на жизненный уровень трудящихся монополистическому капиталу не удалось развернуть, и это — новое явление для периода экономического кризиса, показатель остроты общего кризиса капитализма.

Япония и ФРГ: два типа участия в международном разделении труда

Ю. Столяров. 1976 год явился первым послекризисным годом, который показал состояние международной конкурентоспособности национальных экономик капиталистических стран. Итоги внешнеэкономической деятельности Японии на первый взгляд представляются весьма положительными: экспорт вырос за год на 20,6%, а импорт — на 11,3%. В торговле с отдельными центрами империалистического соперничества получено большое положительное сальдо: с США — 3,9 млрд. долл., с Западной Европой — 6 млрд. По общему объему заграничных инвестиций (16 млрд. долл.) Япония впервые вышла на 3-е место в капиталистическом мире после США и Англии, обойдя Францию и ФРГ. Платежный баланс страны показал актив в 2,9 млрд. долл., золотовалютные резервы возросли за год почти на 4 млрд. долл., достигнув 16,6 млрд.

Усиление внешнеэкономических позиций Японии приобрело в 1976 г. вызывающий для других капиталистических стран характер. На очередной сессии

МВФ в Маниле, других многосторонних и двусторонних экономических совещаниях Япония подвергалась постоянной критике и давлению со стороны США и других государств в связи с чрезмерно высокими темпами расширения ее экспорта, недооцененностью иены и т. д.

Следует помнить, что столь значительное расширение внешнеэкономических позиций Японии произошло сразу же после самого глубокого за послевоенную историю кризиса, а также после того, как японское хозяйство получило наиболее тяжелый удар по сравнению с другими капиталистическими государствами в результате топливно-сырьевого кризиса. Достаточно отметить, что в течение 1974—1976 гг. Япония, по проведенным расчетам, была вынуждена дополнительно заплатить за импорт нефти 43,3 млрд. долл., а за весь сырьевой импорт — более 65 млрд. Тем не менее, как это следует из внешнеэкономических показателей 1976 г., страна, по-видимому, выдержала бремя этих платежей, ее экономика развернула новое наступление на мировых рынках. Каковы же причины этого, если, как отмечалось в выступлении Я. Певзнера, в самой стране за 1974—1976 гг. не было сколько-нибудь существенного прироста производственных инвестиций, коренного обновления основного капитала и не действовали другие факторы, способствующие повышению конкурентоспособности?

Здесь я хотел бы остановиться на особенностях участия Японии в международном разделении труда в сравнении с другой капиталистической страной, сопоставимой с ней во многих отношениях. Я имею в виду ФРГ. Такое сравнение поможет ответить на вопрос, какой тип участия в международном разделении труда более эффективен — японский или западногерманский и почему внешнеэкономические позиции Японии столь быстро усилились в 1976 г.

Участие Японии в международном разделении труда можно назвать «сверхвертикальным». Это означает, что страна импортирует преимущественно сырье, достигающее в ее ввозе 80%, в то время как готовая продукция, прежде всего машины и оборудование, составляет лишь 8%. С другой стороны, она вывозит практически только готовую промышленную продукцию, на которую приходится около 90% ее экспорта. Соответственно этому сформировалась структура экономики Японии — определенный набор отраслей промышленности, производящих от исходного сырья до готового состояния крупносерийную массовую продукцию: сталь и изделия из нее, автомобили, суда, бытовую электротехнику. Именно эти товары, которые в условиях научно-технической революции можно назвать «первоклассной продукцией второго сорта», и явились основой быстрого расширения национального экспорта в 1976 г.

У Японии слабо развиты горизонтальные связи кооперации и специализации производства с другими странами. На обрабатывающую промышленность приходится лишь 30% зарубежных инвестиций. Большой удельный вес (около 36%) принадлежит вложениям в торговлю, что объясняется необходимостью проталкивать на иностранных рынках готовую продукцию и закупать сырье. От стабильных поставок последнего в огромной степени зависит устойчивое развитие экономики, и для их обеспечения Япония готова идти на многое. Не случайно президент Кэйданрэн, этого штаба частного капитала, Т. Доко подчеркивал: «Если наша главная цель заключается в том, чтобы гарантировать стабильное снабжение сырьем, то мы должны платить за эту стабильность более высокими ценами и меньшей эффективностью экономики». В целом подобный тип участия в международном разделении труда определяет серьезную зависимость от развивающихся стран, занимающих во внешнеэкономических связях Японии несравненно большее место, чем у других развитых капиталистических государств.

Западногерманский тип участия в международном разделении труда можно охарактеризовать как «смешанный», то есть сочетающий вертикальные и горизонтальные связи при особо важной роли горизонтальных связей кооперации и специализации производства, прежде всего в рамках ЕЭС. Отсюда отсутствие во внешней торговле ФРГ «машинно-сырьевой» гипертрофированности экспорта и импорта и более сбалансированная структура внешней торговли в целом. При несколько меньшем, чем у Японии, ВНП ФРГ добилась существенно бо́льших объемов экспорта и импорта. В импорте преобладает не сырье, а машины и оборудование, комплектующие и запасные части к ним, отдельные узлы и детали. При примерном равенстве объема заграничных инвестиций (разница составляет менее 1 млрд. долл. в пользу Японии) у ФРГ гораздо выше доля вложений в обрабатывающую промышленность, не говоря уже о том, что они концентрируются не в «третьем мире», а прежде всего в развитых капиталистических странах Западной Европы.

Наконец, ФРГ обладает технологически более интенсивной, а также материало- и энергосберегающей структурой экономики, чем Япония. Это видно хотя бы из следующего примера. При сравнительно малых различиях в удельном весе японской и западногерманской промышленности в промышленности всего капиталистического мира (соответственно 8,7 и 7,9% в 1975 г.) Япония производит стали в 2 с лишним раза больше ФРГ, затрачивая на это массу импортируемых угля и железной руды и загрязняя среду. Однако сталь не находит полного применения в стране, и до $^1/_4$ ее (примерно 25—30 млн. т) экспортируется в

виде полуфабрикатов, а не машин и оборудования. Подобной «роскоши» ФРГ себе не позволяет.

Структура хозяйства и внешнеэкономических связей ФРГ позволяет ей при почти столь же низкой, что и у Японии, самообеспеченности сырьем потреблять сырье и энергию с гораздо большей экономией, чем это вытекало бы только из различий в масштабах хозяйства. Так, по отдельным товарам доля Японии и ФРГ в мировом импорте была в 1973 г. следующая (%): по железной руде — 41 и 16, по углю — 26 и 5, по нефти — 13,7 и 7,8. В целом в 1974 г. Япония потребляла 15% мирового импорта первичной продукции, в то время как ФРГ — 9,8%.

Топливно-сырьевой кризис, если можно так выразиться, проверил на прочность японский и западногерманский тип участия в международном разделении труда и показал, насколько внешнеэкономические факторы могут оказывать влияние на хозяйство этих стран. Выявилось, что на Японию внешнеэкономические факторы воздействуют гораздо сильнее, чем на ФРГ, хотя у последней внешнеторговая квота намного выше (21,2 и 17,7% по экспорту и импорту в 1975 г.), чем у Японии (соответственно 11,4 и 11,7%). В Японии, в частности, наблюдалось более глубокое кризисное падение производства, более высокие темпы инфляции, худшие условия торговли, менее устойчивое положение национальной валюты. Одним словом, топливно-сырьевой кризис показал, что западногерманский тип участия в международном разделении труда делает экономику устойчивее и менее зависимой от внешних рынков, прежде всего сырьевых, а в целом обеспечивает бóльшую эффективность в сравнении с японским типом.

Все это хорошо осознали в последние годы и в самой Японии. Здесь не раз раздавались заявления о том, что в предстоящие годы страна не будет развиваться прежними высокими темпами и обеспечивать стабильные цены, так как не сможет увеличивать потребление сырья из внешних источников. Чтобы раздвинуть жесткие «сырьевые рамки» развития экономики, ослабить воздействие внешних факторов и сделать участие в международном разделении труда более эффективным, правительство приняло долгосрочный план перестройки структуры экономики страны и ее внешнеэкономических связей. Существо этого плана, коротко говоря, заключается в развитии материало- и энергосберегающей структуры экономики, в переходе к развитию технологически интенсивных и наукоемких отраслей. Соответствующие сдвиги должна претерпеть и внешняя торговля. Кроме того, на основе наращивания экспорта капитала предусматривается ускоренное расширение кооперации и специализации, то есть горизонтальных связей, с другими странами. Япония, таким образом, намерена постепенно отойти от «сверхвертикального» участия в международном разделении труда и перейти к более сбалансированному и эффективному западногерманскому типу.

Означает ли все сказанное, что Япония уже полностью исчерпала резервы своего участия в международном разделении труда? Нам представляется, что еще нет. Дело в том, что на японскую «первоклассную продукцию второго сорта» растет спрос как со стороны развивающихся стран, многие из которых становятся на путь индустриализации, так и со стороны развитых капиталистических государств, соответствующие отрасли которых менее эффективны, чем в Японии. Что же касается перестройки структуры экономики и внешнеэкономических связей самой Японии, то в этом процессе, который займет многие годы, кроются важные резервы ее дальнейшего развития.

США: состояние и будущее развитие экономики

Г. Найденов. В настоящее время объем ВНП и промышленного производства в США превысил предкризисный максимум, то есть экономическое развитие страны вступило в фазу подъема. Оживление в области капитальных вложений началось позже, чем в промышленности, и проходило очень вяло: частные инвестиции в основной производительный капитал в III квартале 1976 г. лишь на 6,3% превышали низшую точку падения и были на 12,4% ниже предкризисного максимума. Однако отставание начала оживления инвестиций не является аномалией. За шесть десятилетий, истекших со времени окончания первой мировой войны, в США не было ни одного случая, когда бы при выходе из кризисов инвестиции стали расти раньше промышленного производства и ВНП (см. таблицу).

Для объяснения этой тенденции необходимо прежде всего остановиться на особенностях процесса инвестирования в

ВРЕМЯ МИНИМАЛЬНЫХ УРОВНЕЙ ВНП, ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Годы кризисов	ВНП	Промышленное производство	Валовые производственные инвестиции в основной капитал
1920—1921	IV кв. 1921 г.	апрель 1921 г.	IV кв. 1921 г.
1929—1933	III кв. 1932 г.	июль 1932 г.	I кв. 1933 г.
1937—1938	I кв. 1938 г.	май 1938 г.	III кв. 1938 г.
1948—1949	II кв. 1949 г.	октябрь 1949 г.	IV кв. 1949 г.
1953—1954	II кв. 1954 г.	апрель 1954 г.	I кв. 1955 г.
1957—1958	I кв. 1958 г.	апрель 1958 г.	III кв. 1958 г.
1960—1961	I кв. 1961 г.	февраль 1961 г.	II кв. 1961 г.
1969—1970	I кв. 1970 г.	ноябрь 1970 г.	IV кв. 1970 г.
1974—1975	I кв. 1975 г.	апрель 1975 г.	IV кв. 1975 г.

средства труда. Во-первых, компания-подрядчик начинает строительство производственного здания или сооружения только при наличии у нее соответствующего заказа, оформленного контрактом; аналогичная практика предварительных заказов распространяется и на основную массу производственного оборудования. Во-вторых, средний срок выполнения заказов на средства труда, по данным американских экспертов, составляет от 2 до 5 кварталов. В-третьих, в национальных счетах США моментом инвестирования считается время отгрузки оборудования, независимо от того, когда была произведена оплата стоимости заказа. Например, если даже $^3/_4$ стоимости оборудования было оплачено заказчиком в IV квартале 1975 г., а его отгрузка произведена в I квартале 1976 г., вся стоимость такого оборудования регистрируется в качестве инвестиций I квартала 1976 г. То есть процесс изготовления оборудования отражается в национальных счетах со значительным запозданием — только после его окончания.

Отмеченные особенности инвестирования в средства труда играют важную роль при анализе лагов между началом переломов в движении инвестиций и промышленного производства или ВНП. Так, если в национальных счетах США моментом инвестирования считается время отгрузки оборудования, то влияние на цикл начинается еще с «запуска» оборудования в производство. Например, при выходе из кризиса для расширения производства средств труда — при прочих равных условиях — привлекается дополнительная рабочая сила. Предприниматели выплачивают рабочим заработную плату через сравнительно короткие рабочие периоды, поэтому уже увеличение объема незавершенного производства средств труда сопровождается ростом общей суммы заработной платы. В связи с этим возрастает потребительский платежеспособный спрос и начинает расширяться выпуск товаров потребления и объем услуг, оказываемых населению. Это происходит раньше увеличения выпуска средств труда, то есть раньше роста инвестиций в средства труда (между временем выпуска оборудования и моментом его отгрузки, когда оно регистрируется в качестве соответствующих инвестиций, проходит в среднем меньше месяца).

Рост инвестиций в средства труда начинается позднее, чем увеличение выпуска товаров потребления и предметов труда, на которые приходится преобладающая часть промышленной продукции, а значит, и позднее ее общего объема. Он также начинается позже расширения общего выпуска товаров потребления и оказания услуг населению, на которые приходится примерно $^2/_3$ ВНП США, и опережающий по времени рост которых поэтому неизбежно сопровождается опережающим увеличением ВНП относительно инвестиций в средства труда. Конечно, такая последовательность в динамике данных показателей может иногда нарушаться под влиянием конкретно-исторических условий развития.

Итак, мы видим, что сам по себе факт более позднего оживления инвестиций в сравнении с промышленным производством и ВНП при выходе США из кризиса 1974—1975 гг. не является необычным. Однако никогда со времени кризиса 1929—1933 гг. оживление инвестиций не начиналось с таким большим запозданием и не проходило при этом столь вяло. Судя по тому, что объем заказов на производственные здания и оборудование за 1976 г. вырос примерно только на 2 млрд. долл., не следует ожидать высоких темпов роста инвестиций и в 1977 г.

Программа администрации Дж. Картера по стимулированию экономики, и в частности инвестиций, носит сравнительно умеренный характер и сможет начать оказывать свое влияние в основ-

ном со второй половины 1977 г. При этом надо иметь в виду весьма ограниченные возможности государственно-монополистического воздействия в данной области. В общем объеме инвестиций в основной капитал невоенного характера на долю государства приходится лишь $^1/_5$. Косвенные же методы государственного воздействия на частные инвестиции (изменение кредитно-денежной, налоговой, амортизационной политики и др.) малоэффективны. Например, повышая нормы амортизации основного капитала и снижая уровень налогообложения прибылей компаний, государство дает им возможность увеличивать чистые прибыли даже при сокращении валовой прибыли. Несмотря на это, финансовые мероприятия правительства оказывают относительно скромное влияние на частные инвестиции в основной капитал. По мнению американских экономистов Дж. Мейера и Р. Глаубера, каждый процент изменения объема внутренних финансовых ресурсов компаний обрабатывающей промышленности вызывает краткосрочное изменение объема их частных валовых капиталовложений только на 0,26%, а Э. Ку оценивает аналогичную эластичность лишь в размере 0,10—0,15%. Другой крупный американский экономист, Б. Хикмэн, пишет, что большинство проведенных в этой области исследований, в том числе и его собственные, показывают, что эластичность капиталовложений относительно ссудного процента и налоговых ставок в США очень невелика.

Все вышеизложенное говорит в пользу того, что экономическое развитие США в 1977 г. будет происходить неравномерно и сравнительно невысоким темпом. Большинство американских экспертов считает, что темп реального прироста ВНП США в 1977 г. будет ниже, чем в 1976 г., и что он недостаточен для достижения обещанного президентом Дж. Картером снижения уровня безработицы к концу 1977 г. до 6,5%. При этом в отраслевом разрезе картина очень пестрая: на фоне заметного оживления в автомобилестроении, нефтяной промышленности и некоторых других имеются отрасли (например, пищевая), представители которых с большим пессимизмом взирают на будущее, опасаясь даже абсолютного сокращения их производства.

Современный этап экономического развития характеризуется усилением взаимозависимости отдельных звеньев мирового капиталистического хозяйства. Рост американской экономики в 1977 г. будет сдерживаться медленным оживлением конъюнктуры в ряде других капиталистических стран; сохраняющимися структурными кризисами, нарушившими важные стоимостные пропорции капиталистического воспроизводства; обострением межимпериалистических противоречий и прежде всего между США, странами Общего рынка и Японией.

Технический прогресс в машиностроении и перспективы экономики США

Д. Палтерович. Возрастание роли машиностроения в формировании конъюнктуры, его влияние на среднесрочные и долгосрочные перспективы хозяйственного развития определяются рядом причин. Прежде всего на машиностроительный комплекс в развитых капиталистических странах приходится до 40%, а в Японии — даже около 50% продукции обрабатывающей промышленности. Являясь крупнейшим потребителем металла и ряда других материалов, а также важнейшим производителем оборудования, потребительских товаров длительного пользования, разных видов экспортной продукции, машиностроение стало стержнем экономики, наиболее динамичной его отраслью.

Как отрасль, производящая капитальное оборудование, машиностроение — чуткий индикатор и активный участник процесса воспроизводства основного капитала. Оно служит проводником научно-технического прогресса во всех отраслях экономики. В США затраты частных компаний на НИОКР в машиностроении составляют более $^3/_4$ соответствующих затрат всей промышленности. Воздействие научно-технического прогресса на характер экономического цикла постоянно усиливается. Смена этапов научно-технического прогресса, происходящая разновременно в разных секторах хозяйства, дает импульсы к развитию и техническому перевооружению производства то в одной, то в другой отрасли. Причем это может происходить в различных фазах цикла и оказывать влияние на продолжительность и глубину подъемов и спадов.

Характер влияния научно-технического прогресса на цикл требует специального исследования. Можно предположить, что наряду с мерами государственно-монополистического регулирования этот прогресс послужил одной из причин того, что кризис 1970 — 1971 гг. в США был

прерван до того, как он выполнил свои функции в процессе воспроизводства. В результате менее чем через три года разразился новый, значительно более острый кризис 1974 — 1975 гг. Возможно, однако, что и он не полностью выполнил присущие кризису функции, в результате чего через несколько лет наступит новое замедление роста или падение производства. Об этом, кстати, говорят и некоторые американские прогнозы.

Нам представляется, что наряду с другими факторами, прежде всего государственно-монополистическими мероприятиями, ускорившийся научно-технический прогресс обусловливает значительную деформацию цикла. И хотя характер этой деформации неодинаков в разные периоды, они в основном способствуют смягчению отдельных спадов, прерыванию кризисов на той стадии, когда кризисы еще не полностью выполнили присущие им функции. В результате болезнь загоняется внутрь, сокращаются фазы оживления и подъема, спады производства становятся более частыми.

Последствия кризиса 1974—1975 гг. проявились в машиностроении более остро, чем в других отраслях. Так, в 1975 г. промышленное производство в США сократилось (в неизменных ценах) на 8,8%, а продукция машиностроения—на 10,7%. Начавшееся в 1976 г. оживление экономики сказалось на машиностроении несколько позднее, чем в большинстве других секторов, однако оно развивается и, как ожидается, будет развиваться в ближайшие годы быстрее, чем во всей промышленности.

В целом за 1976 г. приток заказов на продукцию общего машиностроения увеличился по сравнению с предшествующим годом на 35% в текущих или на 26% в неизменных ценах, причем индекс притока заказов нарастал из квартала в квартал и составил 175 в 1975 г. (1967 г. = 100), 205 в I квартале 1976 г., 233 в июне и 263 в октябре 1976 г. За первые 9 месяцев 1977 г. приток заказов возрастет, как полагают, еще на 21% в текущих или на 13% в неизменных ценах.

Ускоренное развитие отраслей машиностроения требует соответствующего развития и технического перевооружения их производственного аппарата. В этой связи весьма характерны опубликованные недавно в США краткосрочный прогноз фирмы «Макгроу-Хилл», а также прогноз Уортонской эконометрической ассоциации прогнозирования, охватывающий как ближайшую перспективу, так и период до 1985 г.

Согласно оценкам «Макгроу-Хилл», капитальные вложения американских корпораций в обрабатывающую промышленность увеличатся в 1978 г. по сравнению с 1975 г. на 32,5%, а вложения в машиностроение и металлообработку — на 58,3% (расчет в текущих ценах). Более того, сами оценки быстро пересматриваются в сторону увеличения. Так, общий объем вложений в машиностроение и металлообработку на 1977 г. оценивался в мае 1976 г. в 15,4 млрд. долл., а спустя 6 месяцев, в ноябре, уже в 19 млрд., то есть на 23% выше. За это же время оценка капитальных вложений во всю экономику США была повышена только на 5%. Таким образом, машиностроение, больше других отраслей пострадавшее от кризиса, быстро превращается в движущую силу оживления.

Весьма характерен в этом отношении прогноз, разработанный на основе уортонской модели (см. таблицу). В нем предполагается, что темпы роста продукции и капиталовложений в машиностроение будут значительно опережать соответствующие показатели всей обрабатывающей промышленности. После быстрого роста продукции в 1977—1978 гг. ожи-

ПРОГНОЗ ТЕМПОВ РОСТА ПРОДУКЦИИ И КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ОТРАСЛЯХ МАШИНОСТРОЕНИЯ США (в ценах 1972 г., % к 1976 г.)

Отрасли	Объем продукции				Капиталовложения			
	1977 г.	1978 г.	1980 г.	1985 г.	1977 г.	1978 г.	1980 г.	1985 г.
Обрабатывающая	106,8	114,5	115,1	139,1	114,9	127,2	133,5	167,5
Машиностроение и металлообработка	109,1	119,2	123,4	152,1	117,3	135,6	159,6	211,3
в том числе								
Металлообработка	106,2	112,9	112,4	131,4	124,5	138,1	156,1	251,1
Общее машиностроение	109,6	119,0	124,4	155,4	114,4	132,0	146,7	207,6
Электротехническое машиностроение	109,6	121,0	128,2	165,6	118,1	139,5	161,0	210,7
Автомобильная	111,6	123,6	126,2	157,3	116,1	133,5	191,3	208,7
Прочее транспортное машиностроение	107,7	118,4	122,2	141,4	118,1	138,1	171,7	196,9
Приборостроение	108,8	118,8	125,0	153,8	119,0	138,1	139,3	186,9

дается его замедление в 1979—1980 гг., которое, однако, в машиностроении будет менее резким, чем в обрабатывающей промышленности в целом. Что же касается роста капиталовложений, то в машиностроении замедления его вообще не ожидается.

После замедления 1979—1980 гг. предполагается новое значительное ускорение темпов роста продукции, причем его опережающие темпы в машиностроении сохранятся. Капиталовложения в машиностроении и во всей обрабатывающей промышленности должны увеличиваться значительно быстрее продукции. Отношение капиталовложений к объему продукции в обрабатывающей промышленности повысится с 12,7% в 1976 г. до 14,6 в 1980 г. и 15,3% в 1985 г., а в машиностроении и металлообработке — соответственно с 7,8 до 10,1 и 10,9%.

Наконец, прогнозируются наиболее быстрые темпы роста продукции общего, электротехнического машиностроения и автомобильной промышленности, что явно определяется потребностями воспроизводства основного капитала и особенностями современного научно-технического прогресса. Перспективы быстрого развития общего машиностроения, выпускающего основные виды производственного оборудования, связаны с предполагаемым значительным ростом капитальных вложений. В 1976 г. объем заказов на продукцию машиностроения увеличился на 37%. Особенно быстро возрастал и продолжает увеличиваться приток заказов на оборудование для энергетики, химии, строительства, для самого машиностроения. По оценке «Макгроу-Хилл», за первые три квартала текущего года по сравнению с соответствующим периодом 1976 г. прирост заказов на металлообрабатывающее оборудование составит 37%, химическое оборудование — 23, двигатели и турбины, строительное, горно-шахтное и подъемно-транспортное оборудование — 22, конторское оборудование (включая ЭВМ) — 20%. При этом быстро обновляется состав выпускаемой техники, расширение и обновление производственных мощностей осуществляется на новой технической базе.

Значительный рост продукции и вложений в автомобилестроение также связан с техническим прогрессом. Компании этой отрасли прилагают большие усилия для преодоления последствий энергетического и экологического кризисов. Крупные средства вкладываются в исследования и разработки по созданию новых видов компактных автомобилей и экономичных двигателей, меньше загрязняющих окружающую среду, повышению надежности, безопасности и комфортабельности автомобилей, созданию электромобиля и т. д. Составители уортонского прогноза считают, что продукция автомобильной промышленности США с 1976 по 1985 г. возрастет (в ценах 1972 г.) почти в 1,6 раза, а инвестиции в отрасль — в 2,1 раза.

Самые высокие темпы роста продукции ожидаются в электротехническом машиностроении, включая радиоэлектронику. Последняя развивается особенно быстро, ибо именно ей принадлежит ведущая роль в реализации важнейшего направления научно-технической революции — автоматизации производства и управления. Независимо от того, насколько достоверен уортонский прогноз, очевидно, что он исходит из капиталоемкого пути развития. С ним, естественно, связаны опережающие темпы роста машиностроения, особенно общего, электротехнического и приборостроения. Наибольшие сомнения вызывает возможность высоких темпов роста автомобильной промышленности.

Анализ развития техники свидетельствует, на наш взгляд, о переходе к более зрелому этапу научно-технической революции. Доказательство такой гипотезы потребовало бы специальной большой статьи. Ограничимся одним примером. Всего 5—6 лет назад в США был создан первый образец принципиально нового класса вычислительных машин — микро-ЭВМ, выпуск которых увеличился с 8 млн. долл. в 1973 г. до 75 млн. в 1975 г. и возрастет, согласно имеющимся оценкам, до 850—900 млн. долл. к 1983 г. Компания «Форд мотор» намечает установить микро-ЭВМ на автомобилях образца 1979 г., что должно снизить расход топлива на 20%, позволит автоматически контролировать скорость и расстояние до других объектов на дороге, предупреждать водителя о его неправильных действиях, применять при необходимости автоматическое торможение. Оснащение мини- и микро-компьютерами не только стационарных, но и подвижных машин обеспечит оптимизацию режимов их работы и даст значительный экономический эффект.

Однако оснащение управляющими ЭВМ требует внесения изменений в конструкции машин. Следовательно, массовая компьютеризация техники, которая, видимо, получит развитие в начале 80-х годов, может дать новый толчок массовому обновлению действующего парка оборудования и автомобильного парка или по крайней мере ускорить это обновление.

Другим последствием прогресса машинной техники явится проникновение ее в новые области, расширение сферы ее применения для удовлетворения разнообразных потребностей. Все это, в свою очередь, на определенном этапе может способствовать ускорению роста продукции машиностроения и связанных с ним отраслей. Однако за этим ускорением последует новый кризис, глубина которого будет, очевидно, тем больше, чем продолжительнее окажется период роста.

Неопределенность перспектив усиливает риск инвестиций

Ю. Покатаев. Одной из причин неустойчивого характера оживления в 1976 г. послужила вялая инвестиционная деятельность компаний. Капитальные вложения вообще, как правило, вступают в фазу оживления позднее личного потребления, но на этот раз лаг оказался необычно затяжным, и «раскачка» в инвестиционной сфере идет исключительно медленно. В США, например, высший предкризисный уровень объема частных нежилищных инвестиций достигался после прохождения низших уровней: в 1948—1949 гг., 1957—1958 и 1969—1970 гг.— через два квартала, в 1953—1954 гг.— через один квартал. Теперь же, по истечении шести кварталов после прохождения низшей точки (то есть III квартала 1975 г.), предкризисный уровень все еще не был достигнут.

В ФРГ в 1966—1967 гг. предкризисный объем валовых инвестиций был достигнут через два квартала после прохождения низшей точки. Теперь на это понадобилось три квартала, причем затем опять произошло сокращение капитальных вложений. В 1968 г. валовые инвестиции вернулись к уровню 1965 г., в 1976 г. они были на уровне 1970 г., на 7—8% уступая объему 1973 г.

В Японии во время послевоенных спадов экономической активности сокращение капитальных вложений было обычно непродолжительным и высшие перед спадом уровни быстро восстанавливались. На этот раз низшая точка объема частных капиталовложений пришлась на IV квартал 1975 г., и по истечении четырех кварталов после этого уровень инвестиций все еще остается ниже предкризисного.

В Великобритании даже краткосрочные прогнозы на 1977—1978 гг. не предусматривают выхода валовых инвестиций на предкризисный уровень. Во Франции наивысший предкризисный уровень частных инвестиций в 1976 г. не был достигнут, а в отношении промышленных капиталовложений есть основания полагать, что они и в 1977 г. будут ниже уровней 1973 и 1974 гг.

Особенно медленно реализуются программы новых производственных капиталовложений. Как сообщило в декабре 1976 г. министерство торговли США, новые капитальные затраты в машины и оборудование выросли за истекший год в реальном выражении всего на 3% — и это по отношению к крайне низкому кризисному уровню 1975 г. В Японии рост частных производственных инвестиций составил 2,5%, Франции — 3,5 в ФРГ — около 3, в Великобритании эти инвестиции сократились на 5%, упали они и в Италии и в ряде малых западноевропейских стран.

Оценки капиталовложений на 1977 г. очень различны и часто меняются. Известно, что ОЭСР неоднократно пересматривала прогнозы экономического роста развитых капиталистических стран на 1977 г. и в каждой новой оценке усиливались пессимистические нотки. В последнем прогнозе, опубликованном в декабре 1976 г., отмечено, что в текущем году странам ОЭСР не удастся добиться подлинного оживления активности.

Целый ряд обстоятельств — летне-осенняя «пауза» в экономическом росте многих капиталистических стран; обострение энергетического кризиса в США в начале 1977 г.; усиление протекционистских тенденций в связи с крупными дефицитами торговых балансов у стран ЕЭС по отношению к Соединенным Штатам и Японии, у США — по отношению к Японии и нефтедобывающим развивающимся странам; угроза нового ускорения роста цен и общая неопределенность перспектив экономического развития капитализма — убеждают в том, что из всех имеющихся прогнозов следует выбирать по меньшей мере умеренные варианты динамики капиталовложений.

США. Министерство торговли недавно сообщило, что в первой половине 1977 г. по сравнению со второй половиной 1976 г. частные инвестиции в предприятия в реальном выражении не вырастут. А так как эти инвестиции являются главной и решающей составной частью валовых капиталовложений, то в целом за нынешний год сколько-нибудь существенного улучшения ожидать не приходится, тем более, что закрытие в январе — феврале на два-три месяца сотен заводов в связи с нехваткой топлива существенно повышает недогрузку производственных мощностей и снижает «побуждения к инвестициям». Реальные новые вложения в предприятия увеличатся в текущем году примерно на 5—6%. Рост объема валовых капиталовложений если и превысит последнюю цифру, то незначительно.

Япония. По оценке экономического исследовательского института «Номура», частные капиталовложения в машины и оборудование возрастут в неизменных ценах в 1976/77 фин. г. на 3%, в 1977/78 фин. г. — на 6%. Близкий к этому прогноз дает управление экономического планирования Японии, указывая, что в I квартале текущего года следует

ожидать абсолютного сокращения частных инвестиций по сравнению с последним кварталом 1976 г. По оценке «Номура», прирост государственных производственных инвестиций составит 4% в 1976/77 фин. г. и 9% в 1977/78 фин. г. В целом ожидается увеличение объема производственных инвестиций (частных и государственных) на 3% в 1976/77 фин. г. и на 7% в 1977/78 фин. г. Для Японии это весьма низкие показатели.

ФРГ. Здесь прогнозы почти однозначны. Прирост валовых капиталовложений в неизменных ценах оценивается на 1977 г. в 5—6%, то есть практически на уровне 1975 г. Однако имеющиеся прогнозы делались в середине прошлого года без учета осенней экономической «паузы» в США и обострения там энергетического кризиса, а эти явления неизбежно сократят спрос на западногерманские товары со стороны американских компаний и притормозят инвестиционную деятельность в ФРГ, поскольку ее хозяйство сильно зависит от экономической конъюнктуры в США и чутко реагирует на изменения в ней.

Великобритания. По январскому прогнозу министерства промышленности, в 1977 г. ожидается значительный рост частных инвестиций в обрабатывающую промышленность и существенное их сокращение в разработку месторождений Северного моря. В целом объем частных инвестиций остается на уровне 1976 г. («Макгроу-Хилл» прогнозирует снижение частных инвестиций на 2,5%; «Филипс энд Дрю» — снижение на 0,2%; ОЭСР — рост на 1,7%; «Вуд Маккензи» — повышение на 1,1%). В отношении государственных производственных инвестиций (составивших в 1976 г. около 70% соответствующих частных) все оценки на 1977 г. в сторону снижения — от минус 1,3% по прогнозу лондонской экономической школы до минус 9% по прогнозу Национального института экономических и социальных исследований. Очевидно, что ожидать в 1977 г. роста валовых инвестиций в неизменных ценах нет оснований.

Франция. Согласно оценке журнала «Юзин нувель», объем частных производственных капиталовложений увеличится в 1977 г. на 3%, инвестиции государственных предприятий — на 9%. В целом рост производственных капиталовложений достигнет примерно 4%, поскольку государственные инвестиции составляют менее 30% объема частных производственных инвестиций.

Италия. Министр казначейства Г. Стаммати заявил в январе, что в 1977 г. не ожидается роста ВНП, а капиталовложения могут сократиться на 1%.

Низким ожидается уровень инвестиционной деятельности в Канаде, Швеции, Норвегии, Швейцарии и ряде других стран.

Оценивая ближайшие перспективы динамики капиталовложений, нельзя не принимать во внимание «инвестиционный настрой» руководителей корпораций. А его тонус все еще низок. Это удачно отмечено журналом «Джапэн куотерли». Бизнесмены, пишет журнал, «потеряли силу воли в деле осуществления новых капитальных вложений».

Потеря «инвестиционной силы воли» типична не только для японских, но и для западноевропейских и североамериканских предпринимателей. И там пресса пишет о «слабых побуждениях к инвестициям», «отсутствии смелости у инвесторов», «потере интереса к новым капиталовложениям», «заторможенности инвестиционного мышления» и т. п.

Такой настрой бизнесменов на первый взгляд непонятен. Прибыли корпораций выросли в истекшем году в главных капиталистических странах на 16—25%. Норма прибыли повысилась до обычных средних уровней послевоенного периода. В США в середине 1976 г. отношение валовых прибылей к акционерному капиталу составляло около 18, отношение прибылей после вычета налогов к акционерному капиталу — примерно 14. Доля чистых прибылей в национальном доходе США выросла с 5,4% в 1975 г. до 6,2% во II квартале 1976 г., достигнув практически предкризисного уровня (6,3% в 1973 г.).

Накопленные во время кризиса крупные суммы амортизационных отчислений, рост в 1976 г. нераспределенных прибылей существенно улучшили финансовое состояние компаний, ослабили их зависимость от внешних источников финансирования. Доля собственных средств в финансировании капиталовложений (%) составляла: в США — 51,8 в 1973 г., 47,5 в 1974 г., 73,9 в 1975 г. и 68,2 — в первой половине 1976 г.; в ФРГ — 63,6 в 1973 г., 77 в 1974 г., 87 в 1975 г.; и около 90 в первой половине 1976 г.; в Великобритании — 52,4 в 1973 г., 55,9 в 1974 г., 67 в 1975 г. и 68 в первой половине 1976 г.; во Франции доля самофинансирования повысилась с 55 в 1975 г. до 65 в 1976 г. и, как ожидают, возрастет до 75 в 1977 г.

Рост доли самофинансирования в капитальных вложениях отражает не только и даже не столько улучшение финансового положения компаний, сколько эту самую «потерю силы воли к инвестированию», осторожничанье, стремление минимально связывать себя кредитными обязательствами. Особенно неохотно компании прибегают к долгосрочным и даже среднесрочным займам. В результате коммерческие банки и другие кредитные учреждения оказались обремененными ссудными средствами, не находящими приложения. И даже почти повсеместное снижение учетных и процентных ставок во второй половине 1975 г. и первой половине 1976 г.— явление необычное для фазы оживления и в обстановке инфляции — не дало никакого эффекта.

В исследовании, проведенном сотрудниками федерального резервного банка

Нью-Йорка и опубликованном в августе 1976 г., отмечается, что «спрос на займы у американских коммерческих банков был невероятно слабым на протяжении всех 15 месяцев, последовавших за низшей точкой рецессии, что является резким контрастом по сравнению со спросом на займы после предшествующих четырех (послевоенных) рецессий. Общая сумма промышленных и торговых займов остается на значительно более низком уровне, чем тот, который был зафиксирован в низшей точке делового цикла в марте 1975 г., и снижается непрерывно с конца 1974 г.».

Таким образом, не в финансовых ресурсах надо искать причины вялой инвестиционной деятельности компаний. Не объясняет сложившуюся ситуацию в области капиталовложений и сохраняющаяся недогрузка производственных мощностей. Она не так уж велика, чтобы служить серьезным тормозом для инвестиций. В середине 1976 г. в США, ФРГ, Японии, Франции и ряде других стран производственный аппарат в промышленности был загружен более чем на 80%. Это немало, поскольку оптимальной считается загрузка в 88—90%.

Тогда в чем же причина «инвестиционной вялости» компаний? Она в изменившихся условиях воспроизводства. Первые 25 послевоенных лет были плаванием в спокойных водах. Дешевое сырье, дешевая энергия, дешевая рабочая сила (в Японии, ФРГ, Италии) позволяли обеспечивать высокую норму прибыли. Не «обижало» компании государство, проводя время от времени снижение норм амортизационных отчислений и вводя различные инвестиционные льготы.

Сейчас все иначе. Издержки производства высоки. Предприниматели опасаются новых «сюрпризов» от развивающихся стран. Окрепли профсоюзы, и экономить на заработной плате уже нелегко. Все это повышает степень инвестиционного риска. И капитальные вложения направляются преимущественно на модернизацию действующих предприятий, а не на строительство новых. Конечно, некоторые компании дерзают и строят новые предприятия, но большинство выжидает, как будет складываться дальше экономическая ситуация. А поскольку ситуация в значительной степени зависит от инвестиционной политики компаний, то получается заколдованный круг, который и вызвал во многих странах летне-осеннюю «паузу» в экономическом росте, и не исключено, что в перспективе может вызвать более серьезные потрясения.

Инвестиции в охрану окружающей среды

И. Куклина. Учитывая общую направленность выступлений, заманчиво было бы связать экологические капиталовложения с ходом цикла. Тем более, что последний экономический кризис, обострение энергетической и сырьевой проблем совпали в ряде стран с приближением сроков введения нормативов на загрязнение среды, установленных специальными законодательными актами конца 60-х — начала 70-х годов. И в этих условиях на Западе широко распространилось мнение о том, что экологические затраты замедляют экономический рост.

Мы не располагаем данными, подтверждающими такую зависимость. Тем не менее рост вложений в оборудование и сооружения, назначением которых является очистка промышленных и коммунальных отходов,— это одна из проблем, порожденных обострением экологической ситуации и требующих анализа. Приведу некоторые данные об удельном весе экологических инвестиций в валовых капиталовложениях.

В США в 1973—1975 гг. их величина составляла примерно 6% всех капиталовложений в экономику и около 8 — в обрабатывающую промышленность, в Японии — более 15% валовых капиталовложений промышленности. В ФРГ за 1971—1974 гг. капитальные затраты на охрану среды возросли в 5,5 раза и превысили 10% валовых народнохозяйственных инвестиций.

Вопрос о роли экологических инвестиций в экономическом развитии весьма сложен и имеет значение не только для изучения условий капиталистического воспроизводства. Готовых ответов пока нет, и работа в этом направлении предстоит большая.

В настоящее время основная масса капитальных затрат (по США и Японии — 80—85%) идет на строительство очистных сооружений. Такие сооружения играют пассивную роль в технологическом процессе — они являются как бы механическим дополнением к технологической линии производства того или иного вида продукта, весьма дороги и не решают полностью проблем защиты среды от деградации. Более перспективна в этом отношении так называемая встроенная технология, то есть такая, само применение которой устраняет опасность загрязнения среды за счет использования новых материалов, рециклирования, встроенных методов очистки сырья и т. д. Распространение «встроенной технологии» открывает возможности

повышения эффективности экологических капиталовложений путем сокращения удельных затрат на защиту среды от загрязнения.

Четко выделилась группа отраслей, поглощающих основную массу инвестиций в охрану среды. Это прежде всего энергетика, затем химическая, нефтеперерабатывающая, металлургическая, целлюлозно-бумажная промышленность, машиностроение. Вместе эти отрасли поглощают до 80% и более валовых экологических инвестиций в основной капитал.

Главные потребности в экологических капитальных затратах, таким образом, сосредоточены, с одной стороны, в производстве электроэнергии, с другой — в наиболее энергоемких отраслях. В условиях обострения экологической ситуации и энергетического кризиса, особенно в США, именно в этих отраслях прежде всего должны столкнуться цели защиты окружающей среды и цели энергетической и сырьевой политики. От того, каким образом будут «сбалансированы» данные проблемы, во многом зависят не только дальнейшее развитие экологического кризиса, но также динамика и структура капитальных вложений в важнейшие отрасли производства, одного из главных показателей, характеризующих ход экономического цикла.

Основным регулятором экологических капиталовложений выступает капиталистическое государство. Согласно подсчетам Совета по качеству окружающей среды США, свыше 60% природоохранных расходов (произведенных и прогнозируемых) в 1973—1983 гг.— это следствие принятия законов по охране среды. То же, по существу, в Японии, ФРГ и других странах. Законодательным путем государство не только определяет основные направления экозатрат, но и стимулирует их через инвестиционный кредит, льготную амортизацию, прямые субсидии, кредиты. Фактически при этом происходит перераспределение национального дохода в рамках капиталовложений в охрану среды. Принцип «загрязнитель платит» на деле оборачивается с помощью государства принципом «потребитель платит» — через цены, налоговые льготы и т. п.

Итак, экологический кризис вызвал значительный рост капиталовложений на цели охраны окружающей среды. Потребности в экономии ресурсов и энергии исключают в перспективе экстенсивное использование современных методов очистки всех видов отходов и поддержания качества среды. Неизбежен переход к интенсификации научно-технического прогресса в данной области, а также к обязательному учету требований охраны среды при осуществлении всех видов капиталовложений, прежде всего в энергопроизводящих и энергоемких отраслях.

Конечно, чтобы всесторонне оценить роль экологических капиталовложений, нужен конкретный экономический анализ. Однако можно смело сказать, что защита окружающей среды от деградации на новой технической основе открывает широкие возможности для экономии сырья, ресурсов, общественного труда. Увеличение экологических затрат уже сейчас известным образом стимулирует экономический рост через создание новых видов производств, обслуживания, новых рабочих мест, новых и весьма широких рынков оборудования.

Продовольственная проблема

В. Морозов. Цикл обострений мировой продовольственной проблемы ускоряется — такой вывод следует из ее анализа за длительный период. Итоги 1976 г. сами по себе благоприятны в том плане, что они в известной степени ослабили возникшее в начале 70-х годов очередное обострение. Тем не менее нет оснований считать, что в продовольственном положении капиталистического мира наступил период устойчивости.

В 1971—1975 гг. прирост общемирового производства продовольствия был равен в среднем 2,3% (в том числе продукции сельского хозяйства — 2,2%). Согласно оценке ФАО, за 1976 г. прирост производства продовольствия и сельскохозяйственной продукции составил от 2 до 3%. Темп прироста по развитым капиталистическим государствам в среднем был равен в 1971—1975 гг. 2%; в 1975 г. — 3,5; в 1976 г. — от 0 до 1%. По развивающимся странам те же показатели выглядят следующим образом: 2,6; 4,8 и от 3 до 4%. Мировой сбор зерна в 1976 г. возрос более чем на 100 млн. т, или на 8%. В том числе в развитых государствах прирост составил около 2 млн. т, но здесь надо учесть, что в 1975 г. урожай зерна был рекордным и превышал уровень 1974 г. на 38 млн. т, или на 9,3%. В развивающемся мире сборы зерна за истекший год увеличились на 14,5 млн. т, или на 4,1%.

Цены на мировом рынке зерна (особенно пшеницы) после резкого роста в 1972—1974 гг. начиная с 1975 г. снижаются. К концу 1976 г. по сравнению со среднегодовым уровнем 1974 г. це-

ны, например, на американскую пшеницу упали на 30%, опустившись до уровня середины 1973 г. (если же взять наивысший уровень цен, приходящийся на январь 1974 г., то падение будет еще бóльшим). Надо иметь в виду, что обобщающие показатели скрывают сложную обстановку — углубление дифференциации отдельных стран и регионов.

В развитых государствах капитализма наблюдается падение темпов прироста производства продовольствия (1961—1975 гг. — 2,3%, 1971—1975 гг. — 2; 1975 г. — 3,5; 1976 г. — от 0 до 1%). В Западной Европе производство продовольствия в последние два года снижалось абсолютно: 1975 г. — минус 2,2%, 1976 г. — минус 2—минус 1%. В странах Океании темп прироста в 1975 г. был равен 6,6%, а в 1976 г. — от 0 до 1%. В расчете на душу населения за последние два года производство продовольствия в США оставалось стабильным, в Канаде — возросло, в странах ЕЭС, Океании, Японии и ЮАР — резко снизилось (от 3 до 7 пунктов в среднем к 1961—1965 гг.). Иными словами, в группе развитых государств итоги 1976 г. благоприятны только для США и Канады.

В «третьем мире» темп прироста продовольствия в 1976 г. по сравнению с 1975 г. также снизился. При этом возрос он в Латинской Америке (с 1,9 до 4—5%) и в Африке (с 0,3 до 5—6%), но зато резко упал в странах Востока, то есть в наиболее уязвимом по продовольственному положению регионе. Среднедушевое производство продовольствия в 1976 г. по сравнению с 1975 г. снизилось в Индонезии, Бангладеш, Индии (несмотря на хороший урожай в этой стране) и осталось на уровне 1975 г. в Пакистане. Данный показатель снизился также в Мексике, остался неизменным в Нигерии. Большинство развивающихся стран закончили 1976 г. с дефицитом зерна (общий импорт зерновых по «третьему миру» превысил 25 млн. т). Особо следует подчеркнуть, что некоторое улучшение обобщающих показателей в целом по развивающимся странам было результатом благоприятных погодных условий. А это означает, что в будущем положение может вновь стать критическим.

Коротко о переходящих запасах зерна. Систематическое падение их уровня в первой половине 70-х годов за последние два года приостановлено. Из развитых капиталистических стран в 1976 г. они возросли только у США (на 11 млн. т) и Канады (на 7 млн.), а у всех остальных существенно снизились. В «третьем мире» запасы увеличились только в Бразилии и Аргентине (последнюю лишь довольно условно можно относить к развивающимся странам), в некоторых государствах Северной Африки и Восточной Азии. Во всех других странах этого региона они остались стабильными (практически мизерными), а в большинстве стран — даже снизились. Таким образом, дифференциация положения отдельных капиталистических стран по уровню производства продовольствия продолжает усиливаться, несмотря на общие позитивные итоги последних лет.

Остановлюсь несколько подробнее на развитии сельскохозяйственного производства в индустриальных капиталистических странах. Приводимые данные в основном рассчитаны сектором проблем агропромышленного комплекса и являются в ряде случаев предварительными.

США. Валовая продукция сельского хозяйства страны за 1970—1976 гг. увеличивалась в среднем ежегодно на 1—2 млрд. долл. (в постоянных ценах). Рекордные урожаи 1975 и 1976 гг., с одной стороны, укрепили позиции США на мировом рынке зерна, с другой—поставили перед ними ряд серьезных внутренних проблем. Переходящие запасы зерна за первые четыре года текущего десятилетия сократились на 30 млн. т. а за последние два года увеличились более чем на 20 млн. т.

Известно, что в период роста мировых цен на зерно в США был принят целый ряд мер по развитию его производства. Хорошие урожаи последних двух лет в ряде стран автоматически привели к снижению как мировых цен, так и цен на внутреннем рынке. В случае благоприятных погодных условий данная тенденция может усилиться. В связи с этим уже в 1976 г. в правительственных кругах начал широко обсуждаться вопрос о повышении так называемых поддерживающих цен на фермерское зерно до уровня издержек производства в основных зернопроизводящих районах. Одновременно США стали настойчиво добиваться заключения долгосрочных соглашений с максимально возможным числом импортеров зерна. Кроме того, они вновь начали увеличивать поставку зерна по программам продовольственной помощи развивающимся странам.

Все это свидетельствует о том, что в США серьезной опасностью считают возможность внутреннего перепроизводства. Если 1977 г. будет неудачным (в ряде важнейших сельскохозяйственных штатов из-за недостатка влаги погибла часть озимых), то цены на мировом рынке зерна могут вновь подскочить, особенно при неблагоприятных погодных условиях и в странах «третьего мира» (по некоторым оценкам, сбор продовольственного зерна в 1977 г. в Индии снизится на 7 млн. т; зоне Сахель, Тунису и другим районам Африки вновь угрожает засуха). Во всяком случае, политика США будет скорее всего направлена на поддержание цен мирового рынка на уровне, перекрывающем внутренние издержки производства, и на ограничение роста внутренних запасов зерна.

Страны ЕЭС. Как уже отмечалось, последние годы для основных стран региона были неблагоприятными. Из-за засухи в 1976 г. валовая продукция зерновых по сравнению с предыдущим годом уменьшилась во Франции и ФРГ на 22—23%, Великобритании—на 16, Италии — почти на 10%. Из названных стран только в Великобритании производство мяса возрастало в первой половине 70-х годов ежегодно на 2—4%, во Франции в 1975—1976 гг. этот темп практически снизился до нуля, в Италии не достигал и 1% в год, в ФРГ производство мяса и молока осталось в среднем за период практически на одном уровне. В целом по ЕЭС в 1976 г., согласно официальным данным, сбор зерна в сравнении с 1975 г. сократился на 4% и составил 93 млн. т. Снижение произошло за счет кукурузы (на 11,2% против 1975 г.), ячменя (на 6,3%) и пшеницы дурум (на 4,8%).

Япония. Ее удельный вес в мировом производстве зерна и мяса незначителен. Однако без анализа положения в этой стране трудно определить возможные изменения в экспортно-импортных потоках сельскохозяйственной продукции на мировом рынке. В 1972—1974 гг. объем валовой продукции сельского хозяйства оставался стабильным. В 1975 г. он возрос, а в 1976 г. снова упал практически до среднегодового уровня начала 70-х годов. Индекс среднедушевого производства продовольствия (средний уровень 1961—1965 гг. = 100) в 1976 г. по сравнению с предшествующим годом снизился на 7 пунктов.

Производство зерна в Японии в 70-х годах колеблется в пределах 11,5—12,5 млн. т, а в расчете на душу населения развивается с тенденцией к снижению (кг): 1971 г. — 122, 1976 г. — 100. Переходящие запасы всего зерна в 1972/73 хоз. г. составляли 4,1 млн. т, в 1975/76 г. — 6 млн. и в текущем хозяйственном году — 5,3 млн. т. Производство говядины и телятины возросло со 186 тыс. в 1961—1965 гг. до 297 тыс. т в 1972—1976 гг. (в среднегодовом исчислении), свинины — в 3,5 раза, бройлеров — со 149 тыс. т до примерно 700 тыс. т.

Таблица 1

СТРУКТУРА ТОРГОВЛИ ПШЕНИЦЕЙ И ПШЕНИЧНОЙ МУКОЙ (%)

	1966/67 хоз. г.	1971/72—1975/76 хоз. г. (в среднем)	1976/77 хоз. г.
		Экспорт	
США	34,8	41,5	42,5
Канада, Австралия и Аргентина	43,3	32,7	35,7
Западная Европа	12,0	17,8	16,1
Прочие экспортеры	9,9	8,0	5,7
Весь мировой экспорт	100,0	100,0	100,0
		Импорт	
Япония	7,5	8,0	8,4
Западная Европа	19,1	18,2	16,8
«Третий мир»	49,9	49,5	50,0
Прочие импортеры	23,5	24,3	24,8
Весь мировой импорт	100,0	100,0	100,0

Из данных таблицы 1 следует несколько выводов. Усилилась позиция США на мировом рынке пшеницы. Практически по доле в экспорте сравнительно с серединой 60-х годов они поменялись местами с Канадой, Австралией и Аргентиной, вместе взятыми. Западная Европа в целом остается неттоимпортером этого продукта. Постепенно наращивает закупки Япония. Основные импортеры пшеницы — развивающиеся страны, которые покупают на мировом рынке примерно половину всех ее продаж.

Обратимся к тенденциям в экспортно-импортных потоках кормового зерна, куда входят кукуруза, сорго, ячмень, овес и рожь (см. таблицу 2).

За 1966/67—1976/77 хоз. гг. основным его экспортером стали США. Западная Европа продолжает оставаться важнейшим нетто-импортером. В мировом импорте кормового зерна резко увеличивается удельный вес Японии. Западная Европа и Япония закупают подавляющую часть кормового зерна — в 3—5 раз больше всего «третьего мира». Развивающиеся страны в 70-е годы (кро-

Таблица 2

СТРУКТУРА ТОРГОВЛИ КОРМОВЫМ ЗЕРНОМ

	1966/67 с.-х. г.	1971/72—1975/76 с.-х. гг.	1976/77 с.-х. г.
	Экспорт		
США	47,7	51,3	60,5
Западная Европа	15,1	17,0	8,7
Остальные капиталистические страны [1]	26,3	26,2	24,8
Прочие экспортеры	10,9	5,5	6,0
Весь мировой экспорт	100,0	100,0	100,0
	Импорт		
Япоиия	16,2	17,7	18,8
Западиая Европа	63,9	44,7	50,0
«Третий мир»	14,6	18,5	14,2
Прочие импортеры	5,3	19,1	17,0
Весь мировой импорт	100,0	100,0	100,0

[1] Канада, Австралия, Аргентина, ЮАР, Таиланд и Бразилия.

ме последних двух лет) также увелнчнвают его импорт с той лишь особенностью, что в основном используют это зерно для непосредственного потребления населением.

Что касается экспортно-импортных операций на мировом рынке мяса, то здесь положение складывается следующим образом. В последиие два года, несмотря на недостаток кормового зерна н некоторое уменьшение поголовья скота в ряде государств, торговля мясом между развитымн капиталистнческимн странами расширялась. Несомненно, что днпамика этой торговли во многом будет зависеть от мировых цен на мясо, которые с марта 1975 г. снова начали расти.

В таких странах Западной Европы, как ФРГ, Великобритания н особеино Италня, физический нмпорт говядины н крупного рогатого скота практнчески на протяжении 70-х годов превышал размер экспорта. Та же картина характерна для внешней торговлн свинниной и продуктами ее переработки, бараниной и ягнятииой. Лишь Франция являлась нетто-экспортером этих продуктов. Увеличивались и будут увеличиваться в 1977 г. закупки мяса Японией. И все это несмотря на ограничения, введенные в 1974 г. импортирующими страиами, в том числе США, Японией, членами ЕЭС. В результате основные производителн мяса — Аргеитина, Уругвай, Австралня — были вынуждены частнчио переориентировать свои экспортные операции на другие государства. Скорее всего, в ближайшее время положение на мировом рынке мяса еще больше обострится, возрастут цеиы на иего. За «зерновым» обострением продовольственного положеиня, имевшим место в 1972—1974 гг., вполне вероятно «мясиое» обостренне в предстоящие годы. Продовольственная проблема по-прежнему остается одиой из наиболее сложных проблем в капиталистическом мире.

Подводя итоги обсуждения, председательствовавший на Ученом совете **В. А. Мартынов** сказал:

Состоявшийся обмен мнениями представляется мне плодотворным. Сложная и противоречивая картина экономического положения капиталистического мира получила комплексное, разностороннее освещение. В ряде выступлений подняты, на мой взгляд, важные вопросы теории воспроизводства современного капитализма. Все это, несомненно, дает возможность уточнить направление исследований данной проблематики в институте.

Современное экономическое положение стран развитого капитализма, как отчетливо показала дискуссия, определяется в первую очередь последствиями мирового циклического кризиса 1974—1975 гг. и непрекращающейся инфляцией. При этом необычный характер кризиса — исходной фазы начавшегося нового цикла капиталистического воспроизводства — обусловливает в значительной степени и неустойчивое, относительно медленное, осложненное глубокими экономическими и социальными противоречиями развитие капиталистического хозяйства. Исходя из этого, в заключительном слове мне хотелось бы кратко остановиться на ряде затронутых в дискуссии вопросов, связанных, во-первых, с особенностями кризиса 1974—1975 гг. и, во-вторых, с противоречивым характером следующих за ним фаз депрессии и оживления.

* * *

Экономический кризис 1974—1975 гг. — наиболее разрушительный в мире капитализма после 30-х годов. Его глубокий анализ дан в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии. Особенностями этого кризиса, как известно, являются одновременность его распространения на все главные капиталистические страны; переплетение с инфляцией; осложнение глубокими структурными кризисами, поразившими такие важнейшие сферы капиталистического хозяйства, как энергетика, производство сырья, сельское хозяйство, валютно-финансовые отношения.

Мировой характер экономического кризиса 1974—1975 гг. отчетливо проявился не только в том, что он охватил все основные страны развитого капитализма. В нем с неизмеримо большей силой, чем в предшествующих мировых кризисах послевоенного периода, запечатлелось обострение противоречий капиталистического хозяйства. Глубине кризиса в немалой степени способствовал взрыв противоречий капиталистической системы международного разделения труда и покоящихся на ней экономических отношений между развитыми капиталистическими странами и «третьим миром».

Кризис 1974—1975 гг. обнаружил провал всей системы государственно-монополистического регулирования экономики. В условиях инфляции оказались резко суженными те главным образом косвенные меры воздействия на ход деловой активности, которые использует антикризисная политика буржуазных государств (снижение учетной ставки, увеличение государственных расходов и т. д.). Стала очевидной и неспособность государственно-монополистического капитализма эффективно влиять на стихийные силы мирового рынка. Антикризисные меры буржуазного регулирования охватывают в основном национальные хозяйства, тогда как в условиях достигнутой интернационализации производства потрясения распространяются на мировое капиталистическое хозяйство в целом. Неподвластной буржуазным государствам оказалась и деятельность международных монополий, сыгравших немалую роль в дезорганизации мирового рынка, в возникших финансовых и валютных кризисах.

Экономический кризис 1974—1975 гг. привел к глубокому падению промышленного производства (от высшей предкризисной точки к низшей оно составило 15% в США, 22 — в Японии, 11% — в ФРГ и т. д.). Впервые за послевоенный период наблюдалось повсеместное значительное

сокращение валовых капиталовложений (в частности на 24% — в США, на 15 — в Японии, на 16% — в ФРГ). Испытала потрясение кредитная система, резко упали курсы акций и частных облигаций, произошел огромный рост числа банкротств.

Кризис придал гигантские масштабы безработице, превратив ее в острейшую социальную проблему капиталистического мира.

«Теперь все видят: опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами,—подчеркивал Л. И. Брежнев,—миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал».

Необычный характер циклического экономического кризиса 1974—1975 гг. породил дискуссию по целому ряду вопросов. По некоторым из них мне хотелось бы высказать замечания. Прежде всего, спор вызывает датирование начала кризиса. Хотя вопрос о сроке наступления кризиса не относится к числу принципиальных, он приобретает, на мой взгляд, некоторый теоретический интерес. Одна из своеобразных черт этого кризиса заключается в том, что взрыв сырьевого, продовольственного и особенно энергетического кризисов в конце 1973 г. обусловил сначала огромное перенапряжение процесса воспроизводства капитала и лишь затем, в начале 1974 г., способствовал срыву капиталистической экономики в общий кризис перепроизводства.

Экономические кризисы всеобщего перепроизводства являются циклическими по самой своей сути. Они насильственно прерывают ход капиталистического накопления. В последнем кризисе это отчетливо обнаружилось в резком падении капиталовложений. Причем в США, например, этот кризис прервал волну интенсивных капиталовложений, которая длилась там (после кризиса 1970—1971 гг.) всего два года (1972 г.— начало 1974 г.). Тем не менее и этого относительно укороченного инвестиционного бума — в чем, разумеется, также проявляется одно из своеобразий прошедшего экономического цикла в США — оказалось в сложившихся условиях воспроизводства достаточно для образования огромного (относительного) перенакопления капитала.

В интересном выступлении А. Бельчука поставлены вопросы о периодизации послевоенных циклов, их продолжительности и влиянии обновления основного капитала на длительность циклов. Как известно, по этим проблемам уже давно идет дискуссия среди советских экономистов. Видимо, для более обстоятельного их рассмотрения необходимо дальнейшее исследование механизма послевоенных экономических циклов, их особенностей в условиях высокоразвитого государственно-монополистического капитализма и развернувшейся научно-технической революции. Вместе с тем в этой связи хотелось бы напомнить два общеизвестных методологических положения теории кризисов.

Первое—причиной экономических кризисов общего перепроизводства является обострение основного противоречия капитализма, периодически проявляющееся в форме взрыва противоречий капиталистического воспроизводства.

Второе—условия для обострения основного противоречия капитализма и форм его проявления возникают в процессе накопления капитала. Именно в ходе и результате его накопления происходит отрыв производства от потребления, образуются диспропорции в развитии частей и сфер капиталистической экономики. Обновление и расширение основного капитала—интегральная часть процесса накопления капитала. Л. Мендельсон в свое время справедливо отмечал: «Расширение основного капитала есть форма капиталистического накопления со всеми присущими ему антагонистическими противоречиями. Больше того, это форма накопления капита-

ла, при которой противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением обостряется особенно быстро».

Какую роль продолжительность обновления основного капитала оказывает на процесс накопления капитала, длительность цикла и условия наступления кризиса? Л. Мендельсон, а за ним и многие другие советские экономисты считали ее решающей[1]. На мой взгляд, эта точка зрения весьма односторонне трактует известное положение К. Маркса по данной проблеме и не учитывает всей системы положений его теории экономических кризисов, высказанных в «Капитале», «Теориях прибавочной стоимости» и других работах.

Кризис — это момент нарушения и насильственного прерыва процесса воспроизводства. Он, как подчеркивал К. Маркс, образует исходный пункт для новых крупных вложений капитала и тем самым создает конвульсивный характер движения капиталистической экономики[2]. Продолжительность жизни основного капитала, разумеется, обусловливает известную одновременность его обновления, что периодически усиливает конвульсивность капиталистического цикла. Это влияние продолжительности оборотов основного капитала на условия капиталистического накопления особенно рельефно проявлялось во многих экономических циклах XIX в.

Вместе с тем в ряде циклов оно вообще не оказывало заметного влияния на длительность цикла. Экономический кризис 1937 г. наступил после самого разрушительного в истории капитализма кризиса 1929—1933 гг. всего через 4 года, когда промышленное производство в странах, пораженных кризисом, не достигло предкризисного уровня, а процесс обновления капитала был весьма слабым. Однако в результате резкого обострения противоречий капиталистического воспроизводства, прежде всего в результате усиления противоречий между производством и потреблением, произошел кризисный взрыв.

Что касается послевоенных циклов, то рассматриваемая связь между средними сроками жизни основного капитала и длительностью цикла была слабо выраженной. Это определяется многими обстоятельствами. Прежде всего следует иметь в виду, что послевоенные экономические кризисы (исключая 1974—1975 гг.) носили неглубокий характер. Достаточно сказать, что ни один из них, включая и последний, не приводил ни к абсолютному снижению всего объема накопленного капитала, ни к его обесценению. Во время кризисов шло не только возмещение, но и чистое накопление основного капитала. Кризисы вызывали лишь более или менее резкое сокращение чистых капитальных вложений, и в этом отношении кризис 1974—1975 гг. является наиболее сильным как по глубине падения чистых вложений капитала, так и по охвату капиталистических стран. Разумеется, обновление и расширение основного капитала как форма накопления капитала продолжают служить той базой, на которой происходит обострение противоречий капиталистического воспроизводства.

Проблемы соотношения сырьевого и энергетического кризисов с мировым экономическим кризисом затрагивались в ряде выступлений. В этой связи следует сказать следующее. Сырьевой, энергетический и продовольственный кризисы — это в первую очередь кризисы относительного недопроизводства. Но, как всегда бывает в мире капитализма, кризисы

---

[1] Следует заметить, что Л. Мендельсон искусственно делил циклические кризисы на периодические и непериодические. Последние, по его мнению, в силу особых обстоятельств могут начаться в срок, резко отклоняющийся от установившейся периодичности. В истории кризисов (с 1825 по 1937 г.) он видел один такой непериодический циклический кризис — кризис 1873 г.

[2] «Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно,— подчеркивал К. Маркс,— если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 208).

недопроизводства сами способствовали взрыву экономического кризиса всеобщего перепроизводства, который распространился, хотя и в меньшей степени, и на энергетику, и на добычу сырья, и на сельское хозяйство. Экономический кризис, как известно, временно разрешает противоречия воспроизводства. В данном случае он разрешил эти противоречия в первую очередь тем, что мировые цены на сырье и особенно на топливо установились на более высоком уровне относительно цен на готовые продукты.

В то же время структурные кризисы носят длительный характер. Поэтому меня не совсем убедили В. Павлов и П. Хвойник в том, что нам не следует ожидать относительного повышения цен на сырье в ближайшей перспективе. Мне кажется, что об этом говорить еще рано. Даже слабый экономический подъем может привести к росту спроса на сырье и топливо. В данной связи вполне вероятно повышение цен на эти товары относительно цен готовых продуктов. Это тем более представляется возможным, что, как подчеркивал сам В. Павлов, нынешние мировые цены на сырье (исключая энергетическое) еще не обеспечивают крупных приростов капиталовложений в добывающую промышленность.

Вызывают возражение и утверждения, согласно которым структурные кризисы носят внециклический характер. Разве они сложились вне цикла? Особенности данного цикла как раз и определяются этими структурными кризисами. Напомню, что экономический кризис 1958 г. положил начало сырьевому кризису перепроизводства, периоду низких цен на сырье (включая нефть). Это и составляло одну из главных особенностей экономического цикла 60-х годов. Новый экономический цикл, открытый кризисом 1974—1975 гг., по всей вероятности, наоборот, будет характеризоваться относительно высокими ценами на сырье и особенно на топливо. И это в значительной мере будет определять весь процесс накопления капитала, особенности инвестиционного процесса по отраслям. Марксистско-ленинская теория циклов и кризисов всегда исходила из единства воспроизводственного процесса капитала.

* * *

Как показывают данные о промышленном производстве, в основных капиталистических государствах наибольшей глубины кризис достиг во II квартале 1975 г. Примерно с этого времени США, Япония, ФРГ, Франция и ряд других стран вступили в фазу депрессии, а затем — в фазу неустойчивого оживления. Впервые за послевоенный период большинство ведущих капиталистических государств, прежде всего США, ФРГ и Япония, проходило эти фазы довольно синхронно. И мне представляется преждевременным высказанное в дискуссии мнение о проявляющейся асинхронности прохождения различными странами отдельных фаз цикла.

Если после прежних мировых экономических кризисов фазы депрессии и оживления занимали в среднем 1—2 квартала, то после кризиса 1974—1975 гг. — примерно 2 года. При этом Великобритания и ряд малых стран Западной Европы и по настоящее время находятся в стадии депрессии или небольшого оживления. В итоге капиталистический мир лишился огромных материальных ценностей. В экономическом послании Дж. Картера конгрессу указывается, что только в 1976 г., согласно самым минимальным оценкам, США потеряли в результате безработицы около 132 млрд. долл.

Судя по последним данным, главные страны капитализма, исключая Великобританию, достигли предкризисного уровня промышленного производства и таким образом вступили в следующую фазу цикла — подъем. Однако еще никогда за послевоенный период капиталистическая экономика не входила в фазу подъема с таким тяжелым грузом хозяйственных и социальных трудностей и противоречий. Анализ экономического положения капиталистического мира показывает, что начавшийся подъем, по всей вероятности, будет неустойчивым, нестабильным. Это определяется следую-

щими обстоятельствами: сохранение массовой безработицы; продолжающаяся инфляция; рост дефицитов бюджетов и увеличение государственных долгов в ряде стран; вялость инвестиционного процесса в целом (особенно производственного); сложность и трудность приспособления экономики к новому уровню цен на топливо и сырье, в результате чего дефицитность торговых и платежных балансов целого ряда капиталистических стран приняла огромные размеры и стала новым фактором усиления финансовых и валютных потрясений.

В 1976 г. наиболее динамичной сферой деловой активности капиталистического мира была внешняя торговля. По предварительным данным, физический объем мирового экспорта в целом вырос на 10% по сравнению с 1975 г., стран развитого капитализма — на 11%. Именно в торговле наблюдаются попытки главных капиталистических стран согласовывать свои позиции и вырабатывать более или менее единую политику (как в рамках так называемого диалога Север — Юг, так и на встречах «в верхах»). Однако пока эти переговоры не дали существенных результатов.

Наряду с тенденцией к интернационализации форм и методов государственно-монополистического регулирования экономики, к более полному учету в экономической политике отдельных буржуазных государств требований, налагаемых функционированием мирового капиталистического хозяйства, активизировались и противоположные, «центробежные» тенденции. Каждый из империалистических партнеров стремится преодолеть хозяйственные затруднения на путях усиления экономического протекционизма, что создает основу для дальнейшего обострения конфликтов внутри мирового капиталистического хозяйства, оказывает сдерживающее влияние на рост мировой торговли, вывоз капитала и т. д.

Острейшей социальной проблемой является, как обстоятельно показано в выступлении В. Любимовой, безработица. В январе 1977 г., по официальным данным, в странах развитого капитализма все еще насчитывалось около 15 млн. полностью безработных (вопросам безработицы будет посвящено специальное заседание Ученого совета, материалы которого также найдут освещение в журнале).

Важнейшим фактором неустойчивости экономического развития, несомненно, продолжает оставаться инфляция. Она существенно затруднила процесс приспособления капиталистического производства к новым условиям рынка и тем самым серьезно замедлила его выход из кризиса. Экономический кризис, а также определенные меры антиинфляционной политики, проводимой в разных вариантах всеми буржуазными государствами, как отмечал С. Никитин, и это подтверждается данными о росте стоимости жизни, лишь несколько снизили темпы инфляционного роста цен. Более или менее заметное снижение темпов инфляции произошло только в ФРГ, США и отчасти Японии. В таких же странах, как Англия, Франция и Италия, они остаются высокими.

Продолжающийся рост стоимости жизни в капиталистических странах постоянно ставит под угрозу достигнутый уровень потребления трудящихся, вызывает острые конфликты. В этой связи несколько слов о личном потреблении. Как известно, в послевоенный период существенно возросла его роль как стимулятора роста производства. Эта роль личного потребления, разумеется, предопределена самим развитием производительных сил, массовым производством потребительских товаров и значительным ростом непроизводственной сферы. Однако в условиях капитализма какой-либо рост личного потребления достигается в результате острой классовой борьбы. Этим, собственно, и объясняется то обстоятельство, что рост реальной заработной платы, который был буквально вырван рабочим классом капиталистических стран и который способствовал существенному расширению рынка, не привел к смягчению противоречий между трудом и капиталом. Напротив, это противоречие обострилось, так как, несмотря на огромный экономический потенциал и широкие возможности, открытые

научно-технической революцией, государствеино-монополистический капнтализм не решает острых и насущиых социальиых проблем, такнх, как массовая безработнца, иизкнй уровеиь доходов больших групп населеиия, условия жизин в крупных городах.

В настоящее время протнворечня между трудом н капиталом резко углубилнсь, хотя в ходе забастовочной борьбы в 1976 г. рабочему классу удалось добиться некоторого повышення уровия реальиой заработной платы. Потребительскне закупкн населення в реальиом исчнсленнн выросли в США на 5,5%, в Японии — на 4,9, ФРГ н Италии — на 3,3% и упали лишь в Англии (на 0,2%). Однако в условиях иепрекращающейся ннфляции и огромиой массовой безработнцы возможностн сохранення н тем более зиачительного увеличеиия реальных доходов трудящнхся намного усложнились, а вся снстема так изываемой политикн доходов, «соцнального партнерства» фактнчески направлеиа на то, чтобы ие допустнть существеиного роста реальных доходов трудящнхся.

В условиях, когда, с одиой стороиы, иалнцо массовая безработнца н острая необходимость стимулнрования экономнческого роста, а с другой — продолжается инфляция и наступает «перегрев» хозяйства (превышение спроса над предложеннем) при относительно невысоких темпах роста, государствеиио-моиополистнческое регулирование экоиомики оказывается все более протнворечивым и иепоследовательным. Это отиосится не только к «плаиу Барра», о котором говорнл В. Кузнецов. Не успелн высохнуть чернила на посланни Дж. Картера конгрессу, в котором предлагаются меры по стимулироваиию экоиомики, как президенту США вновь пришлось выступить с предупреждением об опасиости инфляцни.

Государственные расходы, иаправленые на обеспечение выхода экономики из кризиса (в сопоставнмых ценах), возрослн в 1975 н 1976 гг. во всех развитых странах капиталнзма (по расчетам сектора коиъюиктуры ИМЭМО) соответствеино на 2,9 и 2,3% к предыдущему году, в том числе в США — на 1,8 и 3,4%. Это, разумеется, нмело определениое значеиие. Однако увеличение государствеиных расходов повсеместно вызвало рост дефицнтиостн государствеиных бюджетов и государственных долгов. Данное обстоятельство само становится фактором инфляции и вынуждает буржуазиые правнтельства обращаться к антиинфляциоиным рестрикцноиным мерам, сдерживающим экономическое развитие. Вместе с тем нам, видимо, следует ие только констатнровать слабую эффективность государствеиного регулирования, его противоречивость в целом, ио н обратить большое винманне на аналнз иовых форм и методов регулирования, которые разрабатываются во миогих капиталистических странах.

Таким образом, сложившиеся в результате экономического кризиса 1974—1975 гг. условия воспронзводства капнтала в целом отличаются в худшую стороиу от положения, которое создалось, например, после мирового экоиомического крнзнса 1957—1958 гг.Это дает основаиие полагать, что в новом цикле темпы экономнческого роста будут более низкнми, чем в 60-е годы.

Достаточно сказать, что 1976 г. и начало 1977 г. характеризуются весьма вялым иивестиционным процессом. Это обстоятельство в большой, если не в решающей, степенн обусловлнвает неустойчивый характер начавшегося экоиомического подъема. В самом деле, в США, например, по последним данным департамента торговли, капиталовложеиия в предприятия и оборудоваиие увеличнлнсь в 1976 г. в реальном выражеинн всего иа 2,7% по сравненню с кризисным 1975 г. и былн примерно на 9—10% ниже уровией 1973 и 1974 гг. Согласно тем же данным, ожндается, что в 1977 г. эти капитальиые вложеиия возрастут на 3%, то есть остаиутся иа низком уровне. Примерно такая же картина иаблюдается и в другнх капиталистическнх странах. «Вялость ннвестицнонного процесса в этом восстановленни, — пнсал в январе 1977 г. нзвестный американскнй экономист Дж. Кендрик, — стала парадоксом для аналитиков условий развнтия

бизнеса, нбо такие показатели, как денежные средства, норма процеита и соотношение между уровнем заработной платы и капитальными издержкамн — все основные детерминанты капиталовложений, — казалось бы, говорят о возможности более энергнчного ннвестнцнонного процесса». И для объяснения этого парадокса и для оценки перспектнв экономнческого развнтня капнтализма в нынешнем цикле важен анализ накоплення основного капитала, нивестнцнонного процесса н динамикн нормы прнбыли.

Крнзис 1974—1975 гг.—это подчеркивалось всемн выступающимн—выявил огромное относительное перенакопление основного капитала. Оно выразилось, во-первых, в резкнх падениях производственных капнталовложений в ходе кризиса и, во-вторых, в большом росте недогрузки производственных мощностей. Размеры перенакопления капитала оказались столь велики, что, несмотря на повышение в течение более чем полутора лет темпов загрузки производственного аппарата, крупные фирмы США, Японии, ФРГ и других промышленно развитых стран н сейчас располагают большимн неиспользуемымн мощностями. В США, например, недогрузка в обрабатывающей промышленности, по данным Федеральной резервной снстемы, увеличилась с 12,5% в предкрнзисном 1973 г. до 26,4% в 1975 г. и к концу 1976 г. (IV квартал) все еще составляла 20%, то есть была намного выше предкризисного уровня. Высокая степень недогрузки производственных мощностей сама по себе определяет сравнительно низкий уровень вложений в новые предпрнятия и оборудование.

Но дело не только в этом. Крупные инвестиции в основной капитал в 60-е годы при ухудшении показателей его использования н росте издержек производства привели к тому, что уже к концу десятилетия выявилась тенденция снижения нормы прибыли на вложенный капитал, что особенно отчетлнво обнаружилось в США. Так, по расчетам американского экономиста У. Нордхауза, скорректированная норма прнбылн на основной капитал после выплаты налогов, но с учетом покупательной способности амортизационного фонда снизилась с максимального уровня в 10%, достнгнутого в 1965 г., до 5,4% в 1973 г. Важно заметить, что это уменьшение произошло до того, как резко проявились энергетический н сырьевой кризисы. Сокращение производства в 1974—1975 гг., а также сильное вздорожание нефтн н сырьевых товаров вызвали дальнейшее снижение нормы и массы прибыли. Так, в США прибыли отдельных корпораций упали в это время на $^1/_3$, в Японии — на $^2/_5$.

В таких условиях основным направлением экономической стратегии монополий стала рационализация, которая включает в себя модернизацию производства, главным образом за счет замены изношенного нлн устаревшего оборудования, резкое повышение интенсификацин труда, закрытие малорентабельных предприятий, увольнение рабочих.

Капиталистическая рационализацня производства позволила монополиям в 1976 г. значительно поднять как норму, так и сумму прибыли. Однако это еще не создало в большинстве отраслей материального производства условий для крупных массовых вложений капитала. Речь, разумеется, ндет о промышленности в целом, а не об отдельных отраслях, в которых уже сложились относительно благоприятные условия для накопления капитала (например, автомобиле- и самолетостроение в США).

К числу факторов, сокращающих инвестиционные возможности капиталистических фирм, следует добавить и такие, как, во-первых, обесценение амортизационного фонда в результате инфляции (из-за роста цен на новое оборудование н другие инвестиционные товары); во-вторых, стремление монополий уменьшить свою финансовую задолженность, которая значительно возросла в предкризисный период. (Этим, собственно, и объясняется, почему в новых капиталовложениях доля заемных средств ныне существенно ниже, чем она была перед кризисом.)

Как я уже говорил, важнейшей причиной снижения нормы прибыли, несомненно, является рост цен на топливо и сырье. Для того чтобы приспособиться к новым условиям, и отдельным компаниям и капиталистическому хозяйству в целом потребуется длительное время.

Крупномасштабный импорт нефти развитыми капиталистическими странами при многократном увеличении мировых цен на нее оказал серьезное негативное воздействие на торговые балансы этих стран. Так, по статистике ООН, все развитые капиталистические государства затратили на оплату импорта нефти из стран ОПЕК 12 млрд. долл. в 1970 г., 31 млрд. в 1973 г., 92 млрд. в 1974 г. и около 107 млрд. в 1976 г.

Стремясь компенсировать затраты на импорт нефти, западные страны резко увеличили экспорт промышленных товаров и оружия в страны ОПЕК — с 8 млрд. долл. в 1970 г. до 29 млрд. в 1974 г. и ориентировочно — 55 млрд. в 1976 г. Тем не менее торговля развитых капиталистических стран со странами ОПЕК остается несбалансированной: активное сальдо последних составило в 1976 г., по предварительным оценкам, около 52 млрд. долл.

Кстати замечу, что в особо трудном положении в связи с ростом цен на нефть оказались развивающиеся страны — импортеры нефти. Их затраты на ввоз нефти из стран ОПЕК выросли с 2,6 млрд. долл. в 1970 г. до 23 млрд. в 1974 г. и примерно 25 млрд. в 1976 г. Отрицательное сальдо в торговле с ОПЕК увеличилось за то же время с 1,5 млрд. долл. до 18 млрд.

Свободные валютные средства страны ОПЕК направляют в виде краткосрочных и долгосрочных капиталовложений, займов и кредитов в основном в ведущие капиталистические страны (в 1976 г. — около 35 млрд. долл.). Это дало возможность США, ФРГ, Японии и ряду других государств как-то компенсировать дефициты платежных балансов, связанные с ростом цен на нефть.

Однако для таких западноевропейских стран, как Франция, Италия и отчасти Великобритания, дефициты платежных балансов, вызванные ростом цен на нефть, служат одной из главных причин нестабильности валют, роста внешней задолженности, финансовых потрясений и тем самым — существенным фактором замедления хозяйственного роста.

Экономический кризис отчетливо выявил и ограниченность научно-технического прогресса в условиях капитализма. Как известно, с 50-х годов и особенно в 60-е годы научно-техническая революция стала весьма значительным фактором развития производства. Относительно высокие темпы роста производительности труда, снижение фондоемкости и материалоемкости отраслей обрабатывающей промышленности сначала в США, а затем и в других капиталистических странах; громадный рост специализации производства, его интернационализации; экономия, получаемая от увеличения масштабов производства; тенденция к переходу от экстенсивного к интенсивному типу воспроизводства — все эти явления, связанные с научно-технической революцией или обусловленные ею, привели к росту массы, а зачастую и нормы прибыли монополистического капитала.

Надо сказать, что этому в немалой степени способствовало и буржуазное государство, на плечи которого монополистический капитал возложил в значительной мере организацию научно-технического прогресса, развития капиталоемких, как правило, с низкой нормой прибыли отраслей экономики, подготовку и переподготовку кадров. В то же время относительно бурное развитие ряда новых производств и отраслей, техническое перевооружение и модернизация старых обусловили крупные вложения капитала и тем самым рост производства в значительных масштабах.

Однако это воздействие технического прогресса на рост капиталистического производства носит, разумеется, ограниченный характер и совершается в узких пределах погони за прибыльностью. Вот почему изменения

в условиях накопления капитала, возникшие в результате экономического кризиса 1974—1975 гг., определяя более низкий уровень инвестиций в основной капитал, приводят и к снижению степени воздействия технического прогресса на рост производства. Следовательно, речь идет не о пресловутом кондратьевском цикле снижения темпов экономического роста в связи с якобы замедлившимся техническим прогрессом, как об этом говорят многие буржуазные ученые. Уменьшение темпов экономического роста обусловлено самой природой капиталистического накопления.

В этой связи представляется спорным утверждение Д. Палтеровича о возможности в США уже в самое ближайшее время большого бума капиталовложений. Д. Палтерович резонно обращает внимание на большие возможности совершенствования производственного аппарата на базе уже имеющегося или находящегося на «подходе» научно-технического задела. Но это одна, хотя в длительном плане и решающая, сторона проблемы. Не менее важен для экономиста анализ условий накопления капитала, которые не позволяют, на мой взгляд, ожидать крупных новых вложений в основной капитал.

Естественно, это не означает приостановки технического прогресса в американской экономике. Весьма вероятно, что в связи с повышением в промышленности США удельного веса физически и морально устаревшего оборудования (о чем свидетельствует уортонский прогноз) его замена станет важным фактором начавшегося экономического подъема. Но речь идет прежде всего о модернизации производства и об относительно небольшом увеличении новых (чистых) вложений капитала, хотя, разумеется, в отдельных отраслях и возможен бум капиталовложений.

Далее, следует принять во внимание, что составители уортонского прогноза сами предсказывают кризисный спад американской экономики в 1979 г. и основывают свой прогноз на заниженных оценках действительного перенакопления основного капитала в США. По оценкам Уортонской эконометрической ассоциации прогнозирования, недогрузка производственных мощностей составила, например, в IV квартале 1976 г. 11%, тогда как, по данным Федеральной резервной системы, она была выше 20%.

Вместе с тем было бы неправильным считать, что уменьшение воздействия научно-технического прогресса на рост капиталистического производства стало **постоянным** фактором. Скорее это — временное явление.

Подготовленные в институте материалы о перспективах научно-технического развития капиталистического мира дают основание полагать, что в ведущих капиталистических странах в перспективе возможна крупная техническая перестройка производственного аппарата, существенное повышение эффективности производства.

Можно ожидать, что в ближайшее время научно-технический прогресс будет, по всей вероятности, сводиться к дальнейшей электрификации, электронной автоматизации технической базы, широкой химизации хозяйства, более глубокому познанию и использованию молекулярных и ядерных процессов, дальнейшему и значительному росту применения ЭВМ в сфере управления, контроля и организации производственных процессов. Широкое распространение получит программное управление на уровне цеха, завода и, возможно, отрасли, что позволит значительно интенсифицировать использование существующей техники и технологии производства, повысить их эффективность.

Если взять, например, такую решающую отрасль, как машиностроение, то уже сейчас можно говорить — и это справедливо отмечал Д. Палтерович — о перспективе внедрения ЭВМ 4-го поколения, дальнейшем ускорении развития крупномасштабных интегральных схем, росте числа терминалов на одну машину, ускоренном производстве станков с числовым программным управлением, создании отрасли промышленного роботостроения, автоматических цехов и заводов с безлюдной технологией, ускоренном развитии машиностроения для отраслей непроизводственной сферы.

Я. Певзнер в своем интересном выступлении на Ученом совете привел материалы доклада министерства внешней торговли и промышленности Японии, в котором подчеркивается, что хотя и впредь будет иметь место преимущественное развитие отраслей тяжелой и химической промышленности как базы для развития всей экономики, ядро промышленной структуры Японии должно формироваться вокруг наукоемких отраслей, в первую очередь материало- и энергосберегающего типов. К ним относятся отрасли с большими затратами на исследования и разработки и отрасли сложной технологии, требующие высокого уровня квалификации работников: производство ЭВМ, самолетов, электромобилей, промышленных роботов, атомная энергетика, рециклирование отходов, разработка ресурсов океана, производство средств связи, конторского оборудования, станков с числовым программным управлением. К этим же отраслям будет примыкать и индустрия информации.

Разумеется, вопрос о переходе к новой отраслевой структуре, развитию наукоемких производств и в настоящее время остро стоит перед капиталистическими странами. К этому их настоятельно побуждают сложные и трудные социально-экономические условия. Вместе с тем — и в этом диалектическая противоречивость капиталистического развития — сами условия предопределяют медленный, болезненный, конфликтный характер данной перестройки. В свою очередь, это усиливает неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран. Оценивая с сегодняшней позиции перспективы отдельных государств, следует сказать, что США, располагая наиболее развитой научно-конструкторской базой, наиболее высоким удельным весом технически передовых, наукоемких производств, будут добиваться укрепления своих позиций в капиталистическом мире.

Заканчивая свое выступление, я хотел бы еще раз оттенить следующие основные выводы:

— Подъем капиталистической экономики, по всей вероятности, будет подъемом «без размаха», с относительно низкими темпами экономического роста, вялым инвестиционным процессом, сохранением высокого уровня массовой безработицы, инфляцией. Весьма острой для многих капиталистических стран по-прежнему остается проблема платежных балансов и дефицитности бюджетов.

— Начавшаяся структурная перестройка экономики главных капиталистических стран с упором на развитие наукоемких, технически передовых производств и отраслей будет протекать медленно и болезненно. Обострятся противоречия современной системы международного капиталистического разделения труда, основанной на подчинении одних стран другим. Усилится неравномерность хозяйственного развития капиталистических стран, обострятся межимпериалистические противоречия.

— Углубление экономических противоречий, сохранение огромной массы безработицы, непрекращающийся рост стоимости жизни обусловливают нарастание социальной и политической неустойчивости в капиталистических странах, серьезное обострение классовой борьбы.

ВАШИНГТОН И АСЕАН

Э. ГРЕБЕНЩИКОВ

В последнее время со стороны влиятельных империалистических сфер оказывается растущее давление на Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии — АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины). Оно проявляется прежде всего в заметном усилении кампании в пользу милитаризации ассоциации, в навязывании ей военных функций. По существу, такие попытки никогда не прекращались, но ныне они приобрели особенно настойчивый характер. Напомним, что еще в 1968 г., в период становления АСЕАН, вице-президент США Г. Хэмфри призвал ее участников не жалеть усилий с целью придания ассоциации характера чисто военного союза. А почти десять лет спустя ежеквартальный журнал «Пэсифик комьюнити» отмечал существование в странах-членах течения, «усматривающего в развитии процессов регионального сотрудничества некое средство для учреждения военной оборонительной организации» [1].

После поражения в Индокитае и вынужденного ухода из этого района Соединенные Штаты форсировали усилия по превращению упомянутой группировки в бастион антикоммунизма, оплот и проводника своего влияния. Заместитель государственного секретаря США по делам Азии и Тихого океана Ф. Хабиб, совершивший поездку по странам Юго-Восточной Азии в конце мая 1975 г., пытался заручиться поддержкой стратегических целей Вашингтона со стороны местных государственных деятелей, навязать им внешнеполитическую платформу, отвечающую установкам Вашингтона. Не вызывает сомнений, что военные ведомства США поставили перед собой цель возвести при помощи АСЕАН «санитарный кордон» вокруг стран с иной социально-политической системой, противопоставить их друг другу. За подобными устремлениями явно кроется новейший вариант пресловутой концепции натравливания «азиатов против азиатов».

Провозглашенная Соединенными Штатами в конце 1975 г. «новая тихоокеанская доктрина», по сути дела, наметила контуры курса на использование ассоциации в качестве одного из ключевых звеньев американской политики в Азии.

По сообщениям информационных агентств, в ходе переговоров премьер-министра Японии в Вашингтоне (март 1977 г.) среди прочих тем был затронут и вопрос о координации действий двух стран в отношении АСЕАН.

I

Известно, что АСЕАН с самого начала была задумана как региональная организация социально-экономического профиля. Ее структура не включает в себя каких-либо военных органов. Не предусматривались и на практике не проводились совещания или встречи министров обороны. Военное сотрудничество до сих пор осуществлялось в основном по двусторонним каналам (военные учения, совместное патрулирование прибрежных вод для пресечения контрабанды, обмен информацией).

Неприятие общественностью и реалистически настроенными политическими кругами пактомании и блокового мышления, несостоятельность созданных империализмом блоков типа СЕАТО до сих пор побуждали лидеров «пятерки» отмежевываться от проектов создания на базе АСЕАН военного союза.

На балийском совещании высших руководителей стран ассоциации (февраль 1976 г.) предложение о включении в сферу ее компетенции вопросов «безопасности» не было принято. «Для всего мира должно быть ясно,— заявил, обращаясь к участникам встречи, президент Индонезии Сухарто,— что у нас нет намерения учреждать военный пакт» [2]. Тем не менее приверженцы милитаризации не намеревались, употреб-

[1] «Pacific Community». April 1976, p. 534.

[2] «Mainichi Daily News», 22. V. 1976.

ляя распространенный среди индонезийцев оборот, «сворачивать циновку». Они упорно продолжали добиваться придания АСЕАН военных функций. Обращает на себя внимание, что в выступлениях некоторых государственных деятелей «пятерки», а также в ряде официальных документов ассоциации проводится мысль о допустимости и возможности при соблюдении определенных (в сущности формальных) условий военного сотрудничества между входящими в нее государствами.

После военного переворота в Таиланде (октябрь 1976 г.) руководители нового режима, сделавшие заявку на роль «форпоста» в борьбе с «коммунистическим проникновением», вознамерились использовать в своих целях прежде всего то, что осталось от СЕАТО. «Кое-кто утверждает, что СЕАТО стала чем-то вроде динозавра,— сетовал один из советников военного режима.— Но поскольку нет никаких других, ни бóльших, ни меньших динозавров, чтобы ее заменить, нам надо ее сохранить, пусть даже в шкафу». Со своей стороны, высокопоставленный представитель госдепартамента США уведомил в начале 1976 г., что обязательство Соединенных Штатов «защищать» Таиланд в соответствии с Манильским пактом (учредившим СЕАТО.— **Э. Г.**) остается в силе [3].

Наряду с этим наблюдается активность Бангкока в деле формирования военного пакта на базе АСЕАН. Очевидно, выяснению существующих в данном плане перспектив был посвящен первый заграничный вояж премьер-министра Таиланда Т. Крайвичьена, предпринятый по странам — участницам ассоциации в конце 1976 г. Судя по сообщениям печати, подобная инициатива встретила в целом прохладный прием.

Выявились и расхождения относительно идеи превращения Юго-Восточной Азии в «зону мира, свободы и нейтралитета», выдвинутой премьер-министром Малайзии А. Разаком в 1970 г. и поддержанной совещанием министров иностранных дел АСЕАН в 1971 г. По сведениям, просочившимся в печать, Бангкок склонял партнеров по переговорам к изъятию концепции нейтрализации из дипломатического арсенала ассоциации. В связи с подобными попытками министр иностранных дел Индонезии А. Малик счел нужным подчеркнуть в начале декабря 1976 г., то есть накануне визита таиландского премьера в Джакарту, что перевод группировки в разряд военных пактов, поддерживаемых иностранными державами, «противоречил бы миру и нейтралитету — цели, преследуемой АСЕАН».

Итоги поездки таиландской делегации дали наглядные доказательства того, что взгляд на АСЕАН как на организацию, назначение которой — содействовать исключительно решению социально-экономических проблем, пустил глубокие корни и преобладает над стремлением определенных кругов трансформировать ее в замкнутый военный блок.

Будучи вынужденными считаться с оппозицией планам форсированной милитаризации АСЕАН, военные круги в странах-участницах добиваются осуществления своих целей более гибкими методами и окольными путями. Все более явственно обнаруживается курс на поэтапную — шаг за шагом — разработку структуры и форм военного сотрудничества, которые не обязательно предполагали бы его институционализацию.

На нынешнем этапе предпочтительными формами военного сотрудничества объявляются двусторонние и трехсторонние военные программы, а также индивидуальные усилия стран-участниц. Подобная тактика призвана как бы заложить фундамент многостороннего военно-стратегического сотрудничества. Так, министр обороны Индонезии генерал М. Панггабеан заявил в ноябре 1975 г. о том, что «примеру расширяющегося военного сотрудничества Индонезии и Малайзии должны в интересах региональной сопротивляемости последовать другие члены АСЕАН». Орган индонезийских вооруженных сил «Брита юдха» писал о намечающемся проведении совместных военных учений ВМС Индонезии, Филиппин и Сингапура «в соответствии с растущим сотрудничеством стран, входящих в группировку».

В декабре 1976 г. бюллетень индонезийских вооруженных сил поставил проблему военного сотрудничества в практическую плоскость, подчеркнув, что налаживание совместного индонезийско-малайзийского производства вооружений можно рассматривать как «положительный шаг по пути стандартизации оружия в АСЕАН» [4].

Дискутируется вопрос о закупке в западных странах унифицированных видов вооружений. (Внесено предложение об оснащении ВВС всех стран — членов группировки американскими самолетами «F-5».)

Огромные средства на наращивание военного потенциала, достигающие 1 млрд. ам. долл., выделяет Таиланд. Значительная часть затрат финансируется Соединенными Штатами, поставляющими, в частности, оборудование для

---

[3] В конце ноября 1975 г. на совещании в Нью-Йорке, в котором принимали участие госсекретарь США и министры иностранных дел соответствующих стран, было решено, что СЕАТО продолжит свою деятельность в течение двух лет, после чего будет распущена.

[4] В Индонезии намечено организовать изготовление легкого стрелкового оружия, в том числе пулемета «Мадсен А-30» по лицензии итальянской компании «Беретта» и тяжелых минометов, а в Малайзии — выпуск боеприпасов к ним.

строящейся при содействии японской фирмы военно-морской судоверфи. На побережье Андаманского моря началось сооружение крупной военно-морской базы, назначение которой — контролировать морские пути, связывающие Индийский и Тихий океаны через Малаккский пролив. Предполагается, что она будет находиться в оперативном взаимодействии с опорным пунктом Пентагона на острове Диего-Гарсия. Кроме того, в Бангкоке в принципе решен вопрос о возведении в стране завода по производству стрелкового оружия и боеприпасов с привлечением в качестве подрядчика американской фирмы «Винчестер групп оф олин корпорейшн». Данное предприятие, по словам представителя правительства, «самое современное и новейшее в Юго-Восточной Азии», намечено ввести в действие в ближайшие два года. Одобрена заявка еще одной американской компании на проведение работ по реконструкции крупнейших аэропортов страны — столичного и Утапао (последний до недавнего времени был наиболее важной в Юго-Восточной Азии военно-воздушной базой США).

В минимальные сроки может быть возобновлено функционирование бывших американских военных опорных пунктов и разведывательных центров на территории Таиланда, в том числе рамасунского — самого мощного и засекреченного,— их оборудование так и не было демонтировано или вывезено за пределы страны.

В начале 1977 г. в Таиланде побывал командующий вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирал М. Уайзнер. Программа его визита предусматривала переговоры с высшими должностными лицами и «инспекционную поездку» на базу в Корате (северо-восток страны), где находились принадлежавшие США склады боеприпасов. Главнокомандующий таиландской армией С. Нанакон явно приурочил к этому посещению выражение «озабоченности» по поводу того оружия, которым располагает Вьетнам. Впервые после окончания войны в Индокитае у берегов Таиланда прошли совместные учения американских и таиландских военно-морских сил. Их объявленной целью была передача опыта и отработка применения вооружений и боевой техники США.

Серьезную озабоченность общественности стран — членов АСЕАН вызывают отнюдь не единичные акции, нацеленные на придание ей военных функций. В феврале 1977 г. в Джакарте состоялся симпозиум на тему «Национальная и региональная безопасность в 1977 г.» — первое мероприятие такого рода, проводимое под эгидой ассоциации, на котором рассматривались «возможности укрепления безопасности» в каждой стране АСЕАН и в регионе в целом. В ходе слета, организованного на одной из таиландских учебно-тренировочных баз, командующие специальными войсками всех пяти стран группировки вместе с представителями США и сеульского режима подвергли обсуждению методы борьбы «с коммунистической угрозой».

II

Согласно замыслам империалистических стратегов, материальную основу предполагаемой реформы АСЕАН должна составить «военная помощь» США странам — членам группировки.

С целью ослабления критики в свой адрес американские военные ведомства произвели лишь кое-какое перераспределение видов оказываемой помощи в сторону сокращения удельного веса «даров» и «безвозмездных» субсидий. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, писал обычно хорошо осведомленный журнал «Фар истерн экономик ревью», что «поскольку американские военные поставки производятся на крайне выгодных условиях, а способ их оплаты неясен, то в значительной мере формула «помощи в дар» продолжает действовать в обличье строго коммерческих операций» [5].

В 1976 г. общий объем поступающей в страны АСЕАН по различным каналам американской военной техники должен был достичь 327 млн. долл., то есть вдвое превысить уровень 1975 г. Малайзия закупит в 1976 г. американского оружия в кредит на 51 млн. долл. (десятикратное увеличение по сравнению с предыдущим годом) и за наличные — на 28 млн. долл. Сингапур, обладающий относительно развитой экономикой, формально лишен возможности пользоваться кредитами, что не препятствует импорту в страну оружия американского происхождения (за этот же период он возрос в 9 раз). Следует, кроме того, принять во внимание, что согласно существующей практике Сингапур получает от США некоторые боевые корабли за чисто символическую плату в несколько долларов. Сингапур располагает и собственными мощностями по сборке или производству самолетов и вертолетов, оборудования связи, взрывчатых веществ в количествах, далеко превышающих внутренние потребности.

Вашингтонская дипломатия стремится не допустить каких-либо ограничений и любых форм контроля со стороны филиппинского правительства над деятельностью военных баз США на территории страны. В ходе переговоров по данному вопросу американская делегация комбинирует различные средства нажима. По определению министра иностранных дел Филиппин К. Ромуло, она то прибегает к тактике «выкручивания рук», то бросает на стол переговоров козырную карту в виде обещаний о кредитах и займах в размере 1 млрд. долл.

Администрация Дж. Форда выразила готовность удвоить объем военной помо-

[5] «Far Eastern Economic Review», 23.VII. 1976, p. 28.

щи Индонезии, чтобы позволить ей, по словам американского представителя, «дать более эффективный ответ на новую политическую реальность в Юго-Восточной Азии в условиях изменившейся расстановки сил в регионе». Новая администрация США провозгласила намерение довести военную помощь этой стране до 58 млн. долл. по сравнению с зафиксированной в последние годы ежегодной квотой в 21 млн. долл.

Принимая во внимание затруднения, проистекающие из основательной дискредитации политики США в Азии, Вашингтон все в большей мере сочетает прямые акции в отношении стран — членов ассоциации с воздействием на них через своих союзников в азиатско-тихоокеанском районе. Большое значение в этом плане придается партнерам по блоку АНЗЮС, претендующим на «особые отношения» со странами — членами АСЕАН.

Однако на самом деле связи стран «пятерки» с Канберрой и Веллингтоном характеризуются известной напряженностью и трениями. Ввиду резкого роста дефицита в торговле стран АСЕАН с Австралией (в 1974/75 фин. г. он достиг 591 млн. долл. против 308 млн. в предыдущем финансовом году) страны ассоциации требуют прекращения «пустой риторики» со стороны австралийского правительства и настаивают на конкретных шагах по изменению торговой политики Канберры, и прежде всего на снижении тарифов и ликвидации нетарифных ограничений на австралийский импорт из стран — членов ассоциации. По данной причине было отвергнуто как неприемлемое предложение М. Фрейзера об учреждении совместного (Австралия — АСЕАН) комитета по делам торговли.

Едва ли не центральное место Канберра отводит Индонезии, ставшей объектом интенсивной политической обработки. Регулярный характер приобрели контакты военных кругов обеих стран. В ноябре 1976 г. индонезийская делегация посетила ряд австралийских военно-исследовательских центров, где обсудила вопрос о «ракетных вооружениях, пригодных для оснащения индонезийских вооруженных сил».

Активизируются контакты индонезийских военных с некоторыми странами — членами НАТО. В роли крупнейших поставщиков военного снаряжения для Индонезии утвердили себя Западная Германия, Нидерланды, а также Южная Корея.

III

Обращает на себя внимание тот факт, что определенные органы печати в странах АСЕАН после поражения империалистической агрессии в Индокитае стали гораздо активнее поднимать на щит якобы «благотворную», «стабилизирующую» роль в азиатско-тихоокеанском регионе империалистического военного присутствия, ключевым элементом которого являются военные базы и разведывательные центры. Так, малайзийская газета «Стар» пустилась в рассуждения о том, что иностранные военные базы лишь сугубо «теоретически» ущемляют суверенитет той или иной страны и что военное присутствие «дружественной державы» (имеются в виду США.— **Э. Г.**) направлено на защиту любой страны АСЕАН «от угроз враждебных, агрессивных соседей». Подобные утверждения никоим образом не согласуются с действительным положением вещей. «Хотя Ханой дал знать о желании сосуществовать с иными политическими системами,— признает журнал «Фар истерн экономик ревью»,— на лидеров АСЕАН по-прежнему оказывается сильное давление с тем, чтобы они не уменьшали своих оборонных усилий».

Важным рычагом такого нажима являются внешнеэкономические связи. Особую активность в этом плане проявляют международные монополии. В определенных кругах Японии разрабатывается вопрос о способах финансово-экономического внедрения в страны АСЕАН. Довольно откровенно отразила цель такой экспансии газета «Джапан таймс». «АСЕАН является единственной организацией,— писала она,— способной противостоять росту коммунистических стран в этом регионе». По этой логике выходит, что во имя противодействия «коммунистической угрозе» необходима милитаризация этих стран, создание новых военных пактов.

Международные монополии традиционно рассматривают зону стран Юго-Восточной Азии как исключительно важную с точки зрения инвестиций, рынков сбыта и источников сырья. Тем большее беспокойство вызывает у них наметившаяся в ряде стран тенденция к ограничению деятельности иностранных компаний. Ужесточаются, в частности, условия функционирования нефтяных корпораций в Индонезии и даже в Малайзии, традиционно считавшейся страной с либеральным инвестиционным режимом. Для ограждения интересов и прибылей своих бизнесменов Запад прибегает к испытанному арсеналу средств военно-силового и экономического давления на страны — члены АСЕАН.

Между тем жизненные интересы народов и государств этого района настоятельно требуют недопущения трансформации АСЕАН в проимпериалистический военный пакт, возникновения в Юго-Восточной Азии нового очага напряженности. Реалистически мыслящие круги многих государств Юго-Восточной Азии справедливо полагают, что отношения между странами данного района должны строиться на основе принципов уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности друг друга, ненападения, решения спорных вопросов путем переговоров.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

(На примере ФРГ)

А. ЮДАНОВ

В послевоенный период в хозяйственной жизни большинства капиталистических стран заметно выросло значение внешних экономических связей. Существенная роль в этом процессе принадлежит международным торговым отношениям. Внешняя торговля, как правило, уступает по темпам роста типичному в эпоху империализма экспорту капитала. В то же время она развивается быстрее общего увеличения производства.

Воздействие внешней торговли на экономическое развитие особенно велико в краткосрочном и среднесрочном аспекте. Поскольку экспорт и импорт товаров самым непосредственным образом влияют на условия реализации в стране, на соотношение спроса и предложения, внешняя торговля воздействует на развитие экономического цикла. При этом в настоящее время, когда вовлеченность капиталистических стран во внешнеторговые отношения находится на наивысшем из всех достигавшихся в разные периоды уровней[1], импульсы, исходящие от внешней торговли, могут, на наш взгляд, стать сопоставимыми по силе с влиянием внутренних факторов циклического развития. Кроме того, через внешнюю торговлю мировой цикл оказывает воздействие на экономику отдельных стран. В связи с наметившейся в последние годы новой синхронизацией мирового цикла это приобретает особое значение.

Очевидный интерес представляет определение характера тех или иных форм воздействия внешней торговли на внутренние экономические процессы капиталистических стран, а именно — несут ли они в себе антициклические или, наоборот, проциклические заряды.

Эта проблема важна также для анализа эффективности государственно-монополистического регулирования экономики. Буржуазное государство заинтересовано в том, чтобы влияние внешней торговли на внутреннюю экономику было антициклическим. В то же время стихийные силы капиталистического хозяйства неоднократно проявляли свою мощь именно в сфере международных экономических отношений. Достаточно сослаться на деятельность международных монополий, фактически вышедших из-под контроля национальных государств, или на современный валютный кризис.

Федеративная Республика Германии представляет собой благоприятный объект для рассмотрения подобных проблем. Среди крупных капиталистических государств эта страна выделяется особой ролью внешней торговли в ее экономическом развитии. Кроме того, влияние внешней торговли выступает здесь в наиболее чистом виде. В отличие от многих других стран внешняя торговля Западной Германии не только велика в сравнении с национальным производством, но и является доминирующим элементом в системе внешнеэкономических связей страны, многократно превосходя экспорт капиталов. Важно и то, что в товарной структуре внешней торговли ФРГ особенно значительно преобладание промышленной продукции. Тем самым в сферу воздействия внешней торговли вовлекается промышленность — отрасль народного хозяйства с наиболее ярко выраженным циклическим характером развития.

ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА СОВРЕМЕННОГО ЦИКЛА

Состояние внешней торговли в значительной степени зависит от хода экономического цикла внутри страны. Вместе с тем, обладая известной самостоятельностью развития, она оказывает и обратное влияние на внутренние циклические колебания. Механизм этой обратной связи состоит в воздействии на соотношение спроса и предложения.

Объем экспорта соответствует размерам внешнего спроса, являясь для западногерманских производителей как бы прибавкой к внутреннему спросу на их

[1] Об этом см. подробнее: П. Хвойник. Внешнеэкономическая сфера капитализма: новый этап развития («МЭ и МО», № 5, 1976, стр. 72—83).

продукцию. Импорт, иаоборот, сокращает валовой объем спроса иа товары ФРГ, поскольку удовлетворяет часть виутреннего спроса иностраиными изделиями. Сальдо торгового балаиса отражает, в какой степеии увеличение спроса в результате экспорта ие скомпеисировано сокращением спроса из-за импорта. Таким образом, сальдо представляет собой чистый виешний спрос иа продукцию ФРГ и агрегированио отражает действие виешией торговли.

Влияние изменений сальдо иа экономику подобио воздействию любого компоиента спроса: его рост (то есть увеличеиие чистого спроса извне) стимулирует производство, умеиьшение — сдерживает. Как видио из таблицы 1, в течение последиего двадцатилетия в ФРГ иаблюдались как периоды сокращеиия, так и роста сальдо, что вызывало соответствеиио сдерживающее или стимулирующее воздействие иа хозяйство страны.

Таблица 1

СООТНОСИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И САЛЬДО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ФРГ

Годы	Прирост промышленного производства (%)	Направление действия циклических сил[1]	Рост (+) или сокращение (−) сальдо (млн. марок)	Направление влияния изменений сальдо на экономику[2]
1955	15,0	Стимулирующее	−1454	Сдерживающее
1956	7,7	Сдерживающее	+1653	Стимулирующее
1957	5,7	Сдерживающее	+1374	Стимулирующее
1958	3,0	Сдерживающее	+1594	Стимулирующее
1959	7,7	Стимулирующее	−504	Сдерживающее
1960	10,7	Стимулирующее	−138	Сдерживающее
1961	5,6	Сдерживающее	+1392	Стимулирующее
1962	4,9	Сдерживающее	−3139	Сдерживающее
1963	3,4	Сдерживающее	+2556	Стимулирующее
1964	8,6	Стимулирующее	+49	Стимулирующее
1965	5,3	Сдерживающее	+4878	Стимулирующее
1966	1,8	Сдерживающее	+6755	Стимулирующее
1967	−2,4	Сдерживающее	+8904	Стимулирующее
1968	11,8	Стимулирующее	+1510	Стимулирующее
1969	13,0	Стимулирующее	−2788	Сдерживающее
1970	6,1	Сдерживающее	+86	Стимулирующее
1971	1,6	Сдерживающее	+212	Стимулирующее
1972	3,4	Стимулирующее	+4486	Стимулирующее
1973	6,8	Стимулирующее	+12701	Стимулирующее
1974	−1,4	Сдерживающее	+17867	Стимулирующее
1975	−7,5	Сдерживающее	−13693	Сдерживающее

[1] Направление действия циклических сил определялось по его результату: измеиеиию прироста промышлеииого производства. В тех случаях, когда развитие промышлеииого производства ускорялось, воздействие считалось стимулирующим. При умеиьшении прироста по сравиеиию с прошлым годом или падеиии — сдерживающим.

[2] Влияние измеиеиий сальдо рассматривалось как стимулирующее при росте сальдо, сдерживающее — при сокращеиии.

Составлеио по даииым: «Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland», 1975, S. 295; 1973, S. 296; 1970, S. 259; 1967, S. 298; «Федеративиая Республика Германии». Отв. ред. В. Н. Шеиаев. М., 1973, стр. 197; «Wirtschaft und Statistik». H. 2, 1976, S. 65, 125.

Даиные таблицы одновремеиио свидетельствуют о ие случайном распределении периодов сдерживающего и стимулирующего воздействия виешией торговли по фазам цикла. Рост сальдо (и соответственно его стимулирующее влияиие) иаблюдается обычио в периоды замедления роста промышлеииого производства, спадов и кризисов, то есть в годы, когда циклические силы сдерживали рост производства. Очевидио, что такая дииамика виешией торговли ослабляла иегативиое действие циклических сил. Сокращеиие сальдо (его сдерживающее воздействие) происходило в периоды ускорения роста производства, препятствуя созреваиию условий перепроизводства. Вообще, если сравнить направлеиия действия

циклических сил и изменений внешнеторгового сальдо, то становится заметным, что они в большинстве случаев были противоположными. В 15 случаях из 21 влияние изменений сальдо противодействовало циклическим силам. Таким образом, воздействие внешней торговли носило антициклический характер.

Для выяснения реального значения антициклического влияния внешней торговли на хозяйственную жизнь страны необходима оценка силы этого явления. Известно, однако, что определение размера влияния того или иного фактора на цикл представляет крайне сложную задачу. В данном случае возможно ограничиться установлением сравнительной силы воздействия внешней торговли по отношению к одному из общепризнанно важных факторов циклического развития — объему инвестиций.

Положение здесь имеет много общего со сферой внешней торговли. Как изменения сальдо, так и изменения в объеме инвестиций вызывают сначала непосредственный эффект. Например, и прирост сальдо торгового баланса и прирост инвестиций на 1 млн. марок одинаково вызывают увеличение спроса (соответственно и производства продукции) на эту сумму. Далее возникают вторичные и третичные последствия. Рабочим, занятым на выполнении внешнеторгового или инвестиционного заказа, выплачивается заработная плата. Она увеличивает платежеспособный спрос населения, что также обусловливает рост производства. Кроме того, рост производства в отраслях, выполняющих заказ, ведет к росту производства у поставщиков сырья, материалов и т. д. «...Накопление, или образование добавочного капитала в одной отрасли предполагает **одновременное или параллельное** производство добавочной продукции в других отраслях» [2],— писал К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Импульс передается от отрасли к отрасли, а общий эффект кумулятивно нарастает. Аналогичным образом, но уже в сторону сокращения производства процесс развертывается при сокращении внешнеторгового сальдо или уменьшении объема инвестиций. При этом чем больше объем первоначального изменения, тем сильнее и общее воздействие.

Схожесть механизмов влияния торгового сальдо и инвестиций на состояние конъюнктуры позволяет с известным допущением считать, что равные изменения объема сальдо и инвестиций оказывают одинаковое по силе воздействие на цикл[3]. Данные таблицы 2 показывают, что объем изменений сальдо составлял приблизительно половину (в среднем за 1955—1975 гг.— 59%) от изменений инвестиций. Исходя из этого силу воздействия внешней торговли следует также оценить как равную примерно половине силы влияния частных инвестиций.

Практически любое исследование общих проблем экономического цикла так или иначе затрагивает вопросы движения инвестиций. Колебания инвестиционной активности — один из важнейших факторов циклического развития. Полученные результаты, однако, заставляют и во внешней торговле видеть важный элемент механизма современного цикла. Причем дело не только в сравнительно высокой средней силе воздействия. Важны и случаи особо сильного влияния внешней торговли.

Во время заминки производства 1958 г., например, влияние внешней торговли по силе практически равнялось воздействию инвестиций и было при этом антициклическим по своему характеру (см. таблицы 1 и 2). Следующий спад сопровождался антициклическими изменениями сальдо, причем в полтора раза более сильными, чем действие инвестиций. На протекании кризиса 1967 г. внешняя торговля также отразилась весьма существенно. Антициклический импульс накануне (в 1966 г.) почти в 3 раза превосходил действие инвестиций, а во время самого кризиса держался в среднем на уровне около 50%. В 1974 г. увеличение сальдо почти в полтора раза перекрыло сокращение инвестиций.

Таким образом, чуть ли не во всех спадах и кризисах послевоенного времени влияние внешней торговли было примерно равным или даже превышало по силе действие инвестиций. Разумеется, наряду с этим было множество лет, когда международные торговые отношения отражались на экономике ФРГ много слабее. Однако то, что в отдельные моменты значение внешней торговли может быть весьма значительным, что эти периоды могут приходиться и на критические точки развития цикла, говорит о важности роли внешней торговли в конкретном развитии цикла в стране.

В какой степени этот вывод касается одной Западной Германии и может ли он быть распространен на другие страны? Среди капиталистических государств ФРГ является одним из лидеров в области внешней торговли. Естественно, что зависимость ее экономики от внешних рынков более высока, чем у многих других государств. Вместе с тем ФРГ не следует рассматривать как феномен. Внешнеторговая зависимость большинства малых высокоразвитых стран сильнее западногерманской (об этом свидетельствуют более высокие экспортные и импортные квоты, типичные для этих государств). По степени вовлеченности в мировые торговые отношения крупные западноевропейские страны (Англия, Фран-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 539.

[3] Сказанное о влиянии инвестиций и сальдо внешней торговли на цикл следует рассматривать именно в этом плане. Речь идет не о тождестве, а лишь о сопоставимости — насколько вообще возможно количественное сопоставление действия различных факторов циклического развития — цифровых данных, относящихся к ним.

Таблица 2

ИЗМЕНЕНИЯ[1] САЛЬДО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ФРГ
(в текущих ценах)

Годы	Изменение инвестиций, млн. марок	Изменение сальдо: млн. марок	Изменение сальдо: в % к изменению инвестиций	Годы	Изменение инвестиций, млн. марок	Изменение сальдо: млн. марок	Изменение сальдо: в % к изменению инвестиций
1955	9 610	1 454	15,13	1965	13 550	4 878	36,00
1956	1 920	1 653	86,09	1966	2 330	6 755	289,91
1957	2 740	1 374	50,15	1967	16 780	8 904	53,06
1958	1 650	1 594	96,61	1968	23 150	1 510	6,52
1959	6 500	504	7,75	1969	25 920	2 788	10,76
1960	11 670	138	1,18	1970	34 180	86	6,25
1961	5 900	1 392	23,59	1971	121 160	212	1,74
1962	4 500	3 139	69,60	1972	13 270	4 486	33,81
1963	1 510	2 556	169,27	1973	18 790	12 701	67,59
1964	13 790	49	0,36	1974	12 190	17 867	146,57
				1975	18 530	13 693	73,90

Средний процент изменения сальдо к изменению инвестиций в 1955—1975 гг. — 59,04.

[1] Знак изменения не учитывался, поскольку сопоставлялась сила, а не направление воздействия.

Рассчитано по: «Wirtschaft und Statistik», H. 10, 1963, S. 587 ff; H. 2, 1968, S. 78, 147*; H. 2, 1976, S. 125, 73; «Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland», 1967, S. 298; 1970, S. 259, 500; 1973, S. 296, 531; 1975, S. 295, 519.

ция, Италия) тесно примыкают к ФРГ[4]. Таким образом, существует группа стран, для развития хозяйств которых внешнеторговые отношения не менее существенны, чем для Западной Германии. Видимо, и на течение цикла в этих государствах международная торговля воздействует так же сильно. Ее влияние на ход экономического цикла в США, несомненно, меньше. Однако и здесь внешняя торговля играет определенную роль. Известно, например, что от одной пятой до четверти общего среднегодового прироста таких важнейших отраслей американской экономики, как машиностроение, металлургия, добывающая промышленность и сельское хозяйство, обеспечивается за счет экспорта[5].

В самой Западной Германии антициклическое по направленности и значительное по силе действие внешней торговли способствовало относительно быстрому развитию экономики и укреплению ее позиций в мировом капиталистическом хозяйстве.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Анализ динамики сальдо, этого агрегированного показателя внешней торговли, дает возможность выявить общий характер воздействия на циклическое развитие экономики. Однако известно, что движение сальдо отражает развитие экспорта и импорта. Рассмотрение последних позволяет составить более точное представление о закономерностях влияния внешней торговли.

В зарубежной литературе существует известная тенденция особенно внимательно анализировать развитие экспорта. Его влияние обычно считается основой антициклического действия внешней торговли. Импорту, наоборот, придается мало значения. Его динамика и воздействие на цикл нередко вообще не анализируются[6].

[4] Это находит, в частности, отражение в том, что при различных подсчетах на первое место выдвигается то одна, то другая из этих стран, причем первенство далеко не всегда принадлежит ФРГ. Так, данные, базирующиеся на официальной японской статистике, выдвигают на первое место Англию (см. «Япония». Под ред. Я. А. Певзнера и Д. В. Петрова. М., 1973, стр. 204). Подсчеты на основе данных ОЭСР указывают на лидирующее положение Франции («Main Economic Indicators», OECD, May 1976, pp. 50—88), а в брошюре той же организации, посвященной экономике США, Западную Германию обходит и Италия. Ясно, что объективной основой этих разночтений служит близость показателей всех четырех стран. Поэтому даже небольшие расхождения в методах подсчетов вызывают перестановку стран.

[5] «Моделирование американской экономики». Под ред. С. М. Меньшикова. Новосибирск, 1975, стр. 103.

[6] Так, крупный западногерманский экономист В. Михальский в разделе своей рабо-

На наш взгляд, роль импорта в создании антициклического эффекта внешней торговли весьма существенна. С другой стороны, представляется, что значение экспорта несколько преувеличивается. Кроме того, встречаются случаи, когда экспорт не только не действует антициклически, но и усиливает размах циклических колебаний.

Антициклическое влияние экспорта обычно связывается с его функцией «клапана», снимающего напряженность во внутренней экономике. Французский экономист Л. Столерю, например, пишет что «расширение производства, происходящее в восходящей фазе цикла, оказывает незначительное прямое воздействие на экспорт: внимание предприятий обращено на внутренний рынок, спрос на котором достаточно велик» [7]. В это время экспорт должен расти относительно медленно. Излишка предложения над спросом нет, и «клапан» закрыт. Медленно растущий экспорт не подстегивает увеличение производства и, следовательно, не ведет к «перегреву» экономики. При ухудшении конъюнктуры предложение начинает превышать платежеспособный спрос. Недостаток внутреннего спроса производители стремятся компенсировать за счет внешних рынков. «Клапан» открывается: «при слабой хозяйственной активности экспорт усиливается» [8],— пишет экономист из ФРГ Х. Кёрнер. Это оказывает антициклическое воздействие, поскольку «возможность экспортировать продукцию, временно не находящую внутри страны сбыта, приводит к стабилизации сбыта на рынках отдельных продуктов или целых групп продуктов» [9]. Заинтересованное в подобном развитии событий государство также способствует исполнению экспортом роли «клапана»: стимулирует его в кризисные годы и сдерживает при подъеме.

Таким образом, предполагается, что наиболее быстрое развитие экспорта должно происходить в период кризисов, а во время подъемов его рост должен замедляться. Реальная динамика экспорта ФРГ, однако, совершенно противоположна. В периоды ухудшения конъюнктуры темпы его роста не увеличиваются, а, наоборот, как правило, падают. Заминка в производстве 1958 г., например, сопровождалась падением темпов роста экспорта с 16,6 до 2,9%, в кризисном 1967 г. развитие экспорта замедлилось, аналогичное положение сложилось и во время спада 1971 г. и в 1975 г. (см. таблицу 3). В периоды ускорения экономического развития, также вопреки ожиданиям, происходило не замедление, а ускорение роста экспорта (например, 1959—1960 гг., 1964 г. или 1972—1973 гг.). Таким образом, фактическая динамика была совершенно противоположна той, которая теоретически предполагалась и с которой связывались функции экспорта как «клапана».

Несоответствие теоретических положений и реального развития экспорта связано, очевидно, с односторонностью рассматриваемой концепции. Подробно описывая действие внутренних сил страны-экспортера, она игнорирует развитие цикла в тех странах, куда вывозятся товары. Между тем динамика экспорта должна испытывать серьезное воздействие со стороны последнего.

Во время кризиса или спада в странах, ввозящих продукцию ФРГ, западногерманский экспорт в эти районы должен сокращаться или хотя бы замедлять свой рост, так как потребность этих стран в товарах — в том числе и иностранных — падает. К тому же внутренние производители особенно ожесточенно отстаивают свои позиции на рынке и препятствуют проникновению на него заграничной продукции. В целях стимулирования местных предприятий государство также затрудняет импорт. В период бума складывается обратное положение.

Расширяющийся внутренний рынок «притягивает» к себе товары из-за границы. Конкуренция с западногерманскими производителями относительно ослабевает, так как спрос достаточно велик, чтобы поглотить продукцию и внутреннего и иностранного производства. Государство стимулирует импорт, видя в нем одно из средств недопущения «перегрева» экономики.

Данные таблицы 3 подтверждают, что развитие конъюнктуры в странах, в которые направлялся западногерманский экспорт, оказало на его динамику огромное влияние. Темпы роста экспорта действительно ускорялись тогда, когда деловая активность в странах-партнерах росла, и падали, когда конъюнктура там ухудшалась. Характерно, например, точное повторение экспортом всех зигзагов циклического развития стран-партнеров в 1958—1968 гг.: с ухудшением конъюнктуры за границей в 1958 г. экспорт замедлил свой рост, затем два года набирал темпы, с очередным ослаблением деловой активности в странах-импортерах опять замедлил развитие (1961—1962 гг.), снова ускорялся (1963—

ты, посвященном импорту, никак не характеризует его влияние на цикл, хотя перед этим подробно рассматривает антициклическое, по его мнению, действие экспорта (W. Michalski. Export und Wirtschaftswachstum. Hamburg, 1970, S. 36, 42, 48—51). Другой западногерманский экономист, Х. Кёрнер, рассматривая распространенные взгляды о влиянии внешней торговли на конъюнктуру (Кёрнер пишет, что они восходят к работам К. Ротшильда), также не анализирует роли импорта, сводя все воздействие к динамике экспорта (H. Körner. Dynamische Aspekte der außenwirtschaftlichen Stabilisierung. Göttingen, 1970, S. 28—40).

[7] Л. Столерю. Равновесие и экономический рост. М., 1974, стр. 279—280.

[8] H. Körner. Op. cit., S. 39.

[9] Ibid., S. 32.

1964 гг.) и терял темпы (1965 г.) и так далее в полном соответствии с изменениями конъюнктуры у торговых контрагентов. Так же обстояло дело в 1970—1973 гг. и в 1975 г. Всего же за 1954—1975 гг. динамика экспорта согласовывалась с конъюнктурой в странах, куда он направлялся, в 17 случаях из 21, то есть почти всегда.

Зависимость развития экспорта от состояния дел в странах-партнерах и служит, очевидно, объяснением того обстоятельства, что экспорт не исполнял в действительности и функций «клапана», как того требовали внутренние силы экономики. Однако именно с ролью «клапана» связывается обычно антициклическое действие экспорта. Все это, следовательно, заставляет по-другому взглянуть на воздействие экспорта на цикл [10].

В периоды циклического ускорения роста промышленного производства экспорт, как отмечалось выше, также обычно расширялся интенсивнее. Типичен пример усиления деловой активности в 1972—1973 гг., когда темпы роста экспорта возросли с 8,6 в 1971 г. до 9,6% в 1972 и даже 19,7% в 1973 г. Экспортная экспансия подстегивала начавшийся подъем, способствовала «перегреву» экономики и, таким образом, наряду с внутренними циклическими силами готовила очередной кризис (в нашем примере начавшийся уже в 1974 г.). Действие экспорта в периоды циклического подъема, следовательно, можно охарактеризовать как проциклическое.

Влияние экспорта в периоды ухудшения конъюнктуры не столь однозначно. Разумеется, и в этом случае он не действует, подобно «клапану», поскольку темпы его роста не увеличиваются, а падают. Однако в ряде случаев некоторое антициклическое действие экспорт все же оказывает. Оно связано с тем, что и сократившиеся в период кризиса или спада темпы его роста остаются, как правило, выше общехозяйственных. Так, в 1967 г. даже замедленное в сравнении с прошлым годом развитие экспорта поддерживало конъюнктуру, поскольку экспорт рос (и довольно быстро — на 8% в год), в то время как промышленное производство падало [11]. Но и в периоды ухудшения конъюнктуры часто наблюдалось проциклическое действие экспорта. Дело в том, что типичное для экспорта сокращение темпов роста в периоды ухудшения конъюнктуры не «безобидно» даже в тех случаях, когда сохранившийся уровень роста выше среднего по экономике. Когда, например, в 1961 г. темпы роста экспорта упали с 16,4% до 6,3%, это подстегивало циклическое ухудшение конъюнктуры, несмотря на то, что экспорт все же рос на 0,7% в год быстрее, чем промышленное производство. Ведь уменьшение роста экспорта на 10 пунктов за один год само по себе было бы способно сделать более медленным развитие западногерманской экономики, даже если бы этому не способствовали другие силы. Ясно, что вред, наносимый этим снижением темпов, не компенсируется мизерным превышением оставшегося процента прироста над средним уровнем. Еще более ярким примером является 1975 г., когда экспорт сократился на 4% после 30-процентного прироста в предыдущем году (падение промышленного производства составило 7,5%). Резкое ухудшение положения в области экспортных операций дезорганизующе действовало на экономику. Достаточно представить себе трудности отраслей, работающих на экспорт и вынужденных почти мгновенно перестраивать свою деятельность с рекордно быстрого наращивания производства на его сокращение. Потери, которые экономика страны понесла из-за падения темпов роста экспорта, очень значительны. Расчеты показывают, что если бы этого замедления развития не произошло и темпы остались на прошлогоднем уровне, то в 1975 г. в ФРГ не только не было бы самого крупного в ее истории падения ВНП, но даже наблюдался бы его умеренный рост [12]. Характерно мнение западногерманских экономистов К. Мюллера-Крумхольца и Р. Поля, что «новое ухудшение конъюнктуры (в 1975 г.—**А. Ю.**) следует отнести почти исключительно на счет внешних операций» и «прежде всего резко сократившегося экспорта» [13].

---

[10] Зависимость экспорта от конъюнктуры стран, в которые он направляется, неоднократно отмечалась в литературе ФРГ (например, в работах В. Енсен), так же как неоднократно описывалась и реальная динамика экспорта (Д. Кунцем, М. Штурмом). Однако то обстоятельство, что эти факты противоречат распространенным представлениям об экспорте как своеобразном «клапане» и его антициклической роли, как ни странно, не отмечалось (См. W. J e n s e n. Die gegenseitigen Beeinflussungen von Binnenkonjunktur und aussenwirtschaftlichen Leistungsströmen, dargestellt am Beispiel der Bundesrepublik Deutschland 1958 bis 1967. Hamburg, 1969, S. 88, 145—153; D. K u n z. Preisniveau und Außenhandel. Eine empirische Untersuchung. Tübingen, 1968, S. 66—73; M. S t u r m. Faktoranalytische Untersuchungen über nationale Konjunktur und Preisentwicklungen als Determinanten des bilateralen Außenhandels. Universität zu Köln, 1971, S. 17, 105—108).

[11] Подробнее эти соображения развиты в статье В. Ф е д о р о в а. Экономика ФРГ и роль внешних рынков («МЭ и МО», № 9, 1973, стр. 112—121).

[12] Доля экспортируемой продукции в общем производстве ФРГ составляла 23,1%, следовательно, увеличение экспорта на 29,3% (такой рост был отмечен в 1974 г.) соответствовало бы 6,7 пункта роста ВНП ($29{,}3\% \times 0{,}23 = 6{,}74\%$). Это не только скомпенсировало бы реально происшедшее падение ВНП (на 4%), но и обеспечило бы его рост на 2,7% ($6{,}7\% - 4{,}0\% = 2{,}7\%$).

[13] K. M ü l l e r-K r u m h o l z und R. P o h l.

Таблица 3

ЭКСПОРТ, ИМПОРТ И ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ФРГ В СРАВНЕНИИ С КОНЪЮНКТУРОЙ ВАЖНЕЙШИХ ТОРГОВЫХ ПАРТНЕРОВ

Годы	Прирост промышленного производства (%)	Прирост экспорта (%)	Прирост импорта (%)	Изменение конъюнктуры стран-партнеров[1]
1954	11,7	18,9	20,8	
1955	15,9	16,7	26,5	Ухудшение
1956	7,7	20,0	14,3	Ухудшение
1957	5,7	16,6	13,4	Улучшение
1958	3,0	2,9	−1,8	Ухудшение
1959	7,7	11,3	15,1	Улучшение
1960	10,7	16,4	19,3	Улучшение
1961	5,6	6,3	3,8	Ухудшение
1962	4,9	3,9	11,6	Ухудшение
1963	3,4	10,1	5,6	Улучшение
1964	8,6	11,3	12,5	Улучшение
1965	5,3	10,4	19,7	Ухудшение
1966	1,8	12,5	3,2	Улучшение
1967	−2,4	8,0	−3,4	Ухудшение
1968	11,8	14,4	15,7	Улучшение
1969	13,0	14,1	20,7	Улучшение
1970	6,1	10,3	11,9	Ухудшение
1971	1,6	8,6	9,6	Ухудшение
1972	3,4	9,6	7,2	Улучшение
1973	6,8	19,7	13,0	Улучшение
1974	−1,4	29,3	23,6	Ухудшение
1975	−7,5	−3,9	2,6	Ухудшение

[1] Конъюнктура стран-партнеров считалась улучшающейся, если происходило ускорение роста промышленного производства у большинства партнеров. Использовались взвешенные в соответствии с долей в экспорте ФРГ данные по Франции, Голландии, Италии, США, Бельгии, Англии, Австрии.

Рассчитано по: «Wirtschaft und Statistik», H. 1, 1970, S. 27; H. 2, 1974, S. 57; H. 2, 1976, S. ,65; «Statistical Yearbook» U. N., 1959, pp. 74—82; 1960, p. 79; 1965, p. 167; 1966, pp. 154—163; 1967, pp. 160—163; 1972, pp. 154—163. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран, Приложение к «МЭ и МО», № 8, 1975, стр. 7; «МЭ и МО», № 3, 1976, стр. 72.

Несмотря на явное преувеличение, причиной кризиса, несомненно, было развитие циклических процессов внутри экономики самой Западной Германии, а не внешние силы — это высказывание хорошо иллюстрирует тяжелые последствия проциклического воздействия экспорта в 1975 г.

Таким образом, в зависимости от конкретной ситуации экспорт в периоды ухудшения конъюнктуры оказывает различное воздействие на цикл. Когда сокращение темпов его роста велико, а сохранившийся уровень лишь незначительно превышает общехозяйственные темпы,— это влияние проциклическое. Наоборот, при небольшом снижении темпов увеличения экспорта и существенно более быстром росте, чем это характерно для всей экономики, его воздействие носит антициклический характер. Разделение всех лет на годы антициклического и проциклического влияния, однако, практически весьма сложно, ибо в большинстве случаев отчетливо выражены обе тенденции, и трудно определить, какая из них берет верх. Это, очевидно, отражает тот факт, что действие обеих тенденций в это время взаимно ослабляется, а может быть, даже компенсируется.

Если влияние экспорта на протяжении периодов ускорения роста производства и части лет нисходящих фаз цикла усиливало циклические колебания и лишь в некоторые годы понижения деловой активности ослабляло их, то антициклическое влияние импорта характерно для большинства послевоенных лет.

В периоды улучшения конъюнктуры темпы роста импорта, как правило, быстро возрастали (см. таблицу 3). Причины этого явления, по существу, уже описаны выше при анализе динамики экспорта. Ведь зависимость экспорта от развития конъюнктуры означает не только то, что вывоз товаров из ФРГ изменяется под воздействием колебаний экономической активности в тех странах, куда он направляется. Экспорт в Западную Германию (для ФРГ это импорт) подвержен той же закономерности, а значит, зависит от развития цикла в этой стране. Подобно тому, как экспорт ФРГ в другие страны увеличивался наиболее быстро, когда там царила высокая деловая активность, импорт (то есть экспорт других стран в ФРГ) ускорял свое развитие в годы подъема экономики в самой Западной Германии. Наиболее интенсивный рост промышленного производства периодически наблюдался в ФРГ в 1955, 1960, 1964, 1969 гг. Циклические силы в каждом из этих случаев явно толкали экономику страны к «перегреву». Однако именно на эти годы приходится и резкое ускорение роста импорта. Его бурное увеличение покрывало часть потребностей внутреннего рынка, тем самым ухудшая возможности сбыта национальной продукции и, следовательно, противодействуя циклическим силам.

Во время снижения экономической активности действие стихийных сил экономики и мероприятий государства вызывало замедление роста или сокращение объема импорта. Так, заминка в производстве в 1958 г. сопровождалась падением импорта на 1,8%, а кризис 1967 г.— на 3,4%. Это высвобождало часть внутреннего рынка для западногерманских товаров и ослабляло негативное воздействие циклических сил на конъюнктуру.

Zur Wirtschaftslage der Bundesrepublik Deutschland («Vierteljahrhefte zur Wirtschaftsforschung», H. 3, 1975, S. 132).

Иными словами, если какой-нибудь элемент внешией торговли исполнял роль аитициклнчески действующего «клапана», то это был импорт, а не экспорт. В периоды подъема ои способствовал ослаблеиию ажиотажа бума, а во время ухудшеиия коиъюиктуры помогал стабнлизации положеиия виутреиних пронзводителей.

Таким образом, сравительио стабильиое аитицнклическое действие внешией торговли как едииого целого прн аиализе отдельиых ее компоиеитов проявляет свой сложный и полиый протнворечий внутрениий механизм. Осиовой антициклического эффекта, по-виднмому, является диаамнка импорта. В перноды ускореиия экоиомического роста его воздействие, одиако, ослабляется процнклнческим влняинем экспорта. Своеобразное противостояние импорта и экспорта в этой фазе цнклического развития дает свон плоды: часто воздействие экспорта бывает более сильиым, н внешияя торговля в целом влияет процнклнчески. Если виовь обратиться к таблице 1, то видио, что наиболее часто нарушеиия аитициклического воздействия встречались нменио в это время. На имевшиеся в течение 1954—1975 гг. 8 лет ускореиия роста приходятся четыре случая процнклического воздействия внешией торговли (в 1964, 1968, 1972, 1973 гг.), а иа 13 лет замедления развитня — лишь два (1962, 1975 гг.). В периоды ухудшеиня коиъюиктуры аитициклнческое воздействие отличается большей устойчивостью. Аитициклическому действию импорта здесь далеко не всегда протнвостоит влияние экспорта, нередко он тоже действует аитицнклически. Следует, однако, иметь в виду, что тендеиция в диаамике экспорта, способиая породить его проциклнческое воздействне — замедление развития в периоды спадов н кризнсов,— присутствует практическн всегда н лишь по силе своего проявлеиия часто бывает иедостаточиой, чтобы прндать влияиию экспорта проциклическнй характер.

СИНХРОНИЗАЦИЯ МИРОВОГО ЦИКЛА И РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Внешняя торговля, будучн важной формой экоиомнческих связей между страиамн, чутко реагирует на разлнчные процессы в мнровом хозяйственном развнтнн н сама оказывает на инх активиое воздействие. Еслн в общеэкономнческом плаие виовь наметнвшаяся сннхронизация мнрового цикла стала заметной лишь в самые последние годы, то связь этого явления с внешиеторговыми отношеннямн имеет долгую историю.

На протяженни всего периода аснххроиного развнтня мнрового цикла внешняя торговля воздействовала на нацноиальные циклы в направлении их снххронизацнн. Действнтельно, рассмотренная выше зависимость экспорта ФРГ от коиъюнктуры стран, в которые он направлялся, означала для западиогермаиских фирм необходнмость сообразовать свое пронзводство с колебаинями мировой коиъюиктуры. Импорт ФРГ, развиваясь в соответствин с ходом цикла в этой страие, в свою очередь, иавязывал соответствующий рнтм иностраииым поставщикам. Действуя сразу с двух сторои: заставляя цикл ФРГ прнближаться к мировому н мировой к западиогермаискому, внешияя торговля способствовала их синхроннзацин. О протекании этого процесса свидетельствуют, в частиостн, даииые, содержащиеся в работе западногермаиского экоиомиста В. Бредиера [14]. Оказывается, импорт различных товаров без какого-либо отставаиия или опережеиня точио повторяет колебания коиъюнктуры в отраслях западногермаиской промышлеииости, связаниых с иим технологнческой цепочкой. Так, нмпорт иефти ие имеет даже месячиого лага по сравиеиию с иефтеперерабатывающей промышлеииостью, импорт меди и алюминия — с цветиой металлургией, шерстяиой пряжн н хлопка — с текстнльиой промышлеииостью н т. д. В результате ниостранные поставщикн оказываются так тесио прнвязанными к циклу ФРГ, что нх положеиие в этом отношении практнчески идентично положеиию западногерманских пронзводителей аиалогичиой продукцин. Например, и виутреииее производство сырья н полуфабрикатов н их ввоз в ФРГ нспытывают совершеиию снххронные колебания. Общее выражение это иаходит в том, что, по иашим расчетам, весь нмпорт развивается совершеиио параллельио с промышлеиным производством, повторяя даже месячные колебаиня в темпах ее роста [15].

По мере того как росли объем внешней торговли н доля нмпортируемой и экспортнруемой продукцни в общем производстве, все большая часть промышленности ФРГ должиа была сообразоваться с цнклнческим развнтием других страи, а иностраниых производителей — с циклом в Федератнвной республике. Синхроннзирующее влияиие внешией торговли увеличивалось с каждым годом. И уже

[14] Работа В. Бреднера носит весьма специальный характер. Она посвящена проблемам нмпорта сырья н полуфабрикатов в ФРГ, н ее автор не занимается вопросами синхроннзации мнрового цикла. Мы нспользуем здесь лншь цнфровые данные (см. W. Bredner. Die Einfuhr gewerblicher Rohstoffe und ihre Abhängigkeit von wirtschaftlichen Entwicklung der Bundesrepublik 1958 bis 1967. Hamburg, 1969, S. 151, 180—197.

[15] На протяжении 1963—1972 гг. наблюдалась высокая степень параллельности движения промышленного производства и нмпорта на уровне месячных данных. Изменения нмпорта соответствовали изменениям конъюнктуры в 94 нз рассмотренных 115 месяцев (прн подсчетах сезонные колебания были устранены).

первые элементы начинавшейся синхронизации (задолго до того, как она стала заметной) отразились на характере воздействия внешней торговли на цикл в ФРГ.

Дело в том, что чем синхроннее мировой цикл, тем более проциклический характер носит воздействие экспорта, восприимчивого к развитию конъюнктуры в других странах [16]. Например, при синхронном мировом цикле кризис в ФРГ должен происходить одновременно с кризисами во всем мире. В этом случае крайне слабая конъюнктура за границей вызовет сокращение экспорта, что усилит циклические трудности внутри страны. Наоборот, при полной асинхронности развития конъюнктуры в ФРГ и остальном мире кризису ФРГ будет соответствовать подъем за границей, который ускорит рост экспорта и таким образом антициклически повлияет на Западную Германию. Но уже сравнительно небольшие элементы синхронности способны вызывать проциклическое влияние экспорта на экономику. Если, например, в одних странах идет подъем, в других — ухудшение конъюнктуры и лишь в третьих, одновременно с ФРГ, происходит кризис, но страны, переживающие кризис или ухудшение конъюнктуры, охватывают более половины экспорта ФРГ, то развитие последнего, очевидно, серьезно замедлится, что чревато углублением спада в Западной Германии. Для экспорта при такой степени асинхронности мирового цикла типичен проциклический характер воздействия, впрочем, сравнительно слабо выраженный и поэтому часто нарушаемый в силу действия других факторов.

Именно последний вариант имел место в действительности. Сравнение по данным таблицы 3 циклического развития Федеративной республики и ее главных торговых партнеров говорит об известной параллельности их развития. Хотя представленные в таблице данные относятся во многом к периоду асинхронного развития мирового цикла, движение конъюнктуры в ФРГ и странах-партнерах весьма схоже. Так, за одновременным ухудшением дел в 1958 г. последовало два года также одновременного ускорения роста промышленного производства в Западной Германии и улучшения обстановки в других странах. Следующие два года темпы роста ФРГ падали, а конъюнктура за границей ухудшалась. В 1963 г. конъюнктура Федеративной республики и стран-партнеров развивалась в разных направлениях, но затем параллельно улучшалась в 1964 г. и ухудшалась в 1965 г. После еще одного нарушения этой тенденции (в 1966 г.), начиная с 1967 г. и до 1975 г. ускорения и замедления развития ФРГ и стран-партнеров были совершенно синхронными. Всего же за 21 год направления изменений их конъюнктуры совпадали в 17 случаях и были разными лишь в четырех.

Даже эти отдельные элементы синхронности мирового цикла оказались достаточно сильными, чтобы придать экспорту в периоды подъемов проциклический характер и вызывать систематическое замедление его роста в периоды ухудшения конъюнктуры (хотя и не всегда настолько значительное, чтобы оказать проциклическое воздействие на экономику). Наметившаяся в последние годы общая синхронизация мирового развития, очевидно, может привести к более ярко выраженному проциклическому влиянию экспорта, в частности, в периоды ухудшения конъюнктуры. Ведь теперь необходимость свертывания экспорта в страны, переживающие кризис, не будет даже частично компенсироваться его расширением в государства, не задетые спадом. Это, в свою очередь, поставит под сомнение антициклическое действие внешней торговли в целом.

В связи с этим представляются уместными некоторые соображения о действии внешней торговли в период последнего мирового экономического кризиса. Как известно, кризис 1974—1975 гг. оказался наиболее тяжелым за весь послевоенный период, что нашло выражение и в сфере внешней торговли: впервые за послевоенные годы объем мировой торговли сократился. В торговых отношениях государств сложилась ситуация, описанная К. Марксом применительно к отдельным капиталистам. «Для всего класса капиталистов,— отмечал Маркс,— убыток неизбежен. Но какая доля придется на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще должен разделять его каждый отдельный капиталист, это зависит от его силы и хитрости, и конкуренция превращается в таком случае в борьбу враждующих собратьев» [17]. Если в 1974 г. Западной Германии удалось добиться благоприятных результатов в этой борьбе [18], то в 1975 г. развитие событий приняло не вполне выгодный для нее оборот. Последнее было тесно связано с синхронизацией мирового цикла. Во всех низших точках предыдущих спадов и кризисов послевоенного времени (за исключением проходившей уже в сходных с 1975 г. условиях заминки производства 1971 г.) экспорт сокращался

[16] Импорт, который, как показано выше, зависит в первую очередь от конъюнктуры в своей стране, слабо реагирует на изменения в синхронизации мирового цикла.

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 277—278.

[18] Этому были особые причины, например, выгодное изменение цен на продукцию нефтехимии, запаздывание кризисного падения спроса на средства производства (во многих странах он произошел лишь в 1975 г.). А именно указанные товары составляют значительную часть экспорта ФРГ. В результате этих и ряда других обстоятельств в 1974 г. экспорт товаров ФРГ быстро увеличился.

(или замедлял свой рост) слабее, чем импорт. В 1958 г. при увеличении экспорта на 2,9% импорт упал на 1,8%. В 1963 г. рост экспорта составлял 10,1%, а импорта — только 5,6%. Во время кризиса 1967 г. импорт упал на 3,4%, в то время как экспорт вырос на 8%. Менее сильное сокращение (соответственно замедление роста) экспорта обеспечивало возрастание активного сальдо и вызывало антициклический эффект внешней торговли. Такая динамика экспорта была связана с постоянным наличием стран, не затронутых кризисом, в которые усиленно производился в это время вывоз товаров. В 1975 г. подобных возможностей расширения экспорта уже не было (кризис протекал во всех странах одновременно). Экспорт упал, в то время как импорт — хотя и крайне слабо — вырос. В результате произошло крупное (на 13,7 млрд. марок) сокращение сальдо внешней торговли, что существенно углубило кризис в стране.

В то время как стихийные изменения в мировом хозяйстве направлены на ослабление антициклического влияния внешней торговли, буржуазное государство по-прежнему стремится к его сохранению. Анализ успешности государственного регулирования в будущем неизбежно связан с оценкой степени, в которой существующий в настоящее время антициклический эффект обусловлен усилиями государства.

Попытки использования внешней торговли в целях антициклической политики имеют в Западной Германии свою историю. Практически весь разнообразный инструментарий, служащий этим целям: таможенные пошлины, налоги и субсидии, кредитная политика, нетарифные ограничения и т. п.— активно применялся в послевоенные десятилетия. Более того, ФРГ с ее хроническим активом торгового баланса могла себе «позволить» и такие средства, которые недоступны большинству других стран. В 1968—1969 гг., например, для уменьшения «перегрева» экономики в ФРГ были введены импортные субсидии и налог на экспорт [19]. Широкие государственные мероприятия, несомненно, способствовали возникновению антициклического эффекта.

Вместе с тем не следует переоценивать роль государства в придании действию внешней торговли антициклического характера. Если государственная политика в этой области и бывала часто успешной, то это происходило, как правило, тогда, когда и стихийные силы способствовали возникновению антициклического эффекта. Тогда же, в 1968—1969 гг., например, государственные субсидии действительно вызвали значительное расширение импорта. Но не менее важной причиной ускорения роста импорта было, очевидно, и то, что хозяйство страны в эти годы перешло от кризисного сокращения производства к его бурному росту (на 11,8% в 1968 г. и на 13,0% в 1969 г.). А подъем в экономике вызвал соответственное увеличение объема импорта.

Значительно более скромными были успехи в тех случаях, когда государственным мероприятиям противостояли стихийные силы. Так, например, несмотря на всевозможные виды стимулирования со стороны государства, темпы роста экспорта обычно замедлялись именно тогда, когда государство было более всего заинтересовано в их ускорении,— во время кризисов и спадов. Причем речь идет не о единичной неудаче экономической политики, а о тенденции, господствовавшей весь послевоенный период.

Таким образом, государственное регулирование внешней торговли обнаруживает существенную ограниченность в борьбе с анархическими механизмами буржуазной экономики. Однако в условиях синхронизации мирового цикла государству придется столкнуться не только с их противодействием, но и с сознательными контрмерами других стран. Если все государства одновременно переживают кризис, то антициклическое воздействие внешней торговли для одной страны оборачивается для остальных углублением кризиса. Захват внешних рынков, допустим, Западной Германией означает для ее партнеров потерю собственных. Ясно, что они окажут этому всяческое сопротивление. Подобное противостояние может обернуться торговой войной и ущербом для всех стран. Еще в 50-х годах П. Самуэльсон называл антициклическую политику, осуществляемую внешнеторговыми средствами, неразумной и даже невозможной в период синхронного мирового развития [20].

В послевоенные годы внешняя торговля существенным образом способствовала сглаживанию циклических колебаний в ФРГ. Вместе с тем именно внешнеторговые отношения были одной из причин синхронизации мирового цикла, процесса, способного сильно подорвать антициклическое действие внешней торговли. Все большие трудности, с которыми сталкивается буржуазное государство в попытках регулирования внешнеторговых связей — одной из важнейших и постоянно растущих областей экономики современных капиталистических государств,— свидетельствуют о нарастании противоречий капитализма.

[19] H.-J. Schmahl. Globalsteuerung der Wirtschaft. Hamburg, 1970, S. 58.

[20] П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964, стр. 724—761.

ТОЛЬКО ПРОШЛОЕ?

К секретной переписке Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля в годы войны[1].

Эрнст ГЕНРИ

1

В пернод второй мировой войны главы правительств США н Англии регулярно, нередко день за днем, обменивались сугубо секретнымн посланиями. Бумага, на которой они писали, давно пожелтела: прошло более трех десятнлетий. Обоих корреспондентов уже нет в живых. Мир не тот, каким был при ннх. Многое изменнлось почтн до неузнаваемости. Но значит лн это, что переписка двух лидеров Запада в те годы может ннтересовать только историков?

Прочитав секретные послания, читатель с уверенностью скажет, что это не так. Многое в ннх действительно относится только к прошлому. Ф. Д. Рузвельт н У. Черчилль обмениваются мнениями о текущих военных действиях, обсуждают те нлн нные оперативные вопросы. Но есть в их посланиях и нечто такое — для нас, современнников, может быть, самое главное,— что звучит весьма актуально. На этом в первую очередь и стоит остановиться.

Особых сенсацнй в кннге не найтн. Прочитав ее, историю переписывать не приходится. Основные факты были более нли менее известны н раньше: кое-что можно было предполагать. Тем не менее, когда о событиях тех лет говорят такие коронные свидетели, как Рузвельт н Черчилль, и говорят без утайки, как бы наедине друг с другом, не думая в тот момент о том, что потом все это станет достоянием гласности, то возникающая перед читателем картина приобретает двойной интерес.

Мы знаем, как много тогда для хода войны и для судеб капиталистического мира зависело от президента США н премьер-министра Англии. Знаем также, что ни американская, нн английская буржуазия не выдвигали после этих двух государственных деятелей других политиков, способных сравниться с ними по калибру и влиянию. Капитализм в дни своего исторического упадка все реже и реже рождает действительно крупных государственных деятелей. Тем самым опять-таки подчеркивается значение свидетельских показаний этих двух лиц. Авторитетнее и осведомленнее нх тогда на Западе не было.

Сборник содержит более 1 700 посланий — около тысячи от Черчилля и свыше 700 от Рузвельта — начиная от 11 сентября 1939 г., спустя восемь дней после начала второй мировой войны, н кончая 11 апреля 1945 г., за день до смерти Рузвельта. Составители отмечают, что о содержании переписки знали только несколько человек из числа самых близких советников обоих корреспондентов. Копии посланий сохраняются в настоящее время в Библиотеке имени Франклина Рузвельта в Нью-Йорке. Сами составители — известные американские историки, близкие к государственному департаменту.

Опубликована не вся корреспонденция, о которой идет речь. Но и того, что предано гласности, вполне достаточно, чтобы составить определенное мнение по важнейшим вопросам. В общем можно утверждать, что Рузвельт н Черчилль в этой секретной переписке как бы сами от своего имени подтверждают точку зрения советских ученых по ряду главных спорных проблем истории второй мировой войны.

Возникает прежде всего следующий вопрос. Хотели ли руководители двух ведущих западных держав в те годы действительно только победы над Гитлером? Ограничивались ли их действия и намерения все время одной лишь этой целью? Или же ими тогда двигало и нечто другое?

Документы, бесспорно, дают ответ на этот вопрос. В первую очередь он касается Черчилля, но не его одного. Как Черчилль, так и Рузвельт в годы войны думали не только о национальных интересах своих стран, но и о классовых интересах выдвинувшей их буржуазии. Это бросается в глаза почти на каждой странице сборника.

Второй существенный факт. Документы с такой же четкостью подтверждают существование в нашу эпоху двух главных школ

[1] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. Ed. by F. L. Loewenheim, H. D. Langley, M. Jonas. London, Barrie and Jenkins, 1975, 805 pp.

буржуазной дипломатии. Глядя назад, их можно с некоторой натяжкой назвать школой Черчилля и школой Рузвельта. И та и другая представляют тот же класс — монополистическую буржуазию. Обе школы принадлежат к лагерю империализма. И все же в чем-то существенном они отличаются друг от друга: одна вообще не в состоянии мыслить вне категорий острой международной напряженности, другая при известных условиях способна к пониманию необходимости мирного сосуществования двух систем.

В наши дни это различие видно невооруженным глазом. В годы же войны спор между двумя школами буржуазной дипломатии происходил, как показывает переписка Черчилля с Рузвельтом, главным образом за кулисами.

Недооценивать Черчилля как даровитого буржуазного политика не может ни один историк. В международных делах он разбирался как едва ли кто-либо из его предшественников на посту премьер-министра Англии за предыдущие сто лет. Хорошо зная к тому же военное дело и обладая недюжинной энергией, Черчилль был способен принимать в критические моменты смелые, инициативные решения, не отступая перед опасностью. Известны его адресованные английскому народу слова в палате общин 13 мая 1940 г. после его назначения премьер-министром: «Я не обещаю ничего, кроме крови, тяжкого труда, слез и пота». Именно его способности как решительного военного руководителя и побудили консервативную партию накануне катастрофы под Дюнкерком сделать его главой правительства вместо бездарного мюнхенца Невиля Чемберлена.

Оказалось, однако, что события на этот раз ошеломили даже Черчилля. Этот старый, прошедший сквозь огонь и воду английский реакционер не понимал в 40-е годы самого главного: духа времени. Пытаясь выиграть вторую мировую войну для Англии, как была выиграна первая, Черчилль не учитывал, что главной силой XX в. стал социализм. Эта непростительная для любого современного политика ошибка и стала для него фатальным просчетом.

Начиная с 1941 г., когда СССР, США и Англия стали партнерами по антигитлеровской коалиции, Черчилль не переставал вести с Советским Союзом двойную игру. Всячески отдавая дань в своих публичных выступлениях беспримерным достижениям Советской Армии и героизму советского народа, он в то же время беспрестанно интриговал против СССР. Это отчетливо отражается в целом ряде его посланий Рузвельту. Такие телеграммы сплошь и рядом пестрят антисоветскими выпадами, подозрениями и предложениями президенту США вступить в тайный сговор против союзника Англии и США. Черчилль то и дело возвращался к этой теме, хотя знал лучше, чем кто-либо другой, что Англия в начале 40-х годов была спасена от гибели Советским Союзом.

Ниже будут приведены некоторые из таких высказываний Черчилля по отдельным важным вопросам, возникавшим в ходе военных действий. Здесь достаточно процитировать одну его секретную телеграмму Рузвельту, посланную уже в самом конце войны, когда Черчилль как бы подводил итог своим предыдущим «предостережениям» на эту тему и планам на будущее.

Касаясь отношений Англии и США с СССР, Черчилль писал Рузвельту 5 апреля 1945 г., за месяц до того, как советские войска вопреки расчетам английского премьер-министра овладели Берлином, и за неделю до их вступления в Вену:

«...Я считаю важнейшим делом, чтобы обе наши страны заняли теперь твердую и жесткую позицию... Я думаю, это наилучший шанс спасти будущее». В противном случае, продолжал Черчилль, «мне придется впасть в отчаяние... относительно наших будущих отношений с ними» (Советским Союзом.— **Э. Г.**) (стр. 705).

Не звучат ли эти слова так, как будто они были сказаны не в 40-х, а в 70-х годах кем-то из кричащих сейчас о срочной необходимости спасти Запад от «советской угрозы»?

Из таких установок исходил Черчилль на протяжении всех лет войны. Он не менял их ни при каких обстоятельствах — ни в трудные моменты, ни тогда, когда победа была уже близка. Представляя старый британский империализм в период его упадка, мысля, по существу, понятиями той эпохи, когда этот империализм считал себя всемогущим и всеведущим, Черчилль думал, что в конце концов все-таки сумеет отнять у Советского Союза плоды победы над фашизмом. Когда он понял, что проиграл, Черчилль сразу же стал глашатаем непримиримой «холодной войны». В этом отношении он оставался верен себе до конца. В марте 1946 г. в Фултоне он, как известно, открыто призвал Англию и США пойти по пути превентивной войны против СССР.

Иной, значительно более сложной и противоречивой фигурой, как личность и как политик, был Рузвельт. В переписке с Черчиллем президент США выглядит гораздо более дальновидным и проницательным государственным деятелем, чем премьер-министр Англии. Подводить его под одну мерку с Черчиллем, во всяком случае, нельзя. Послания Черчилля временами звучат как бойкие публицистические статьи. Рузвельт пишет спокойнее, суше, но мыслит реалистичнее.

У политика Рузвельта, разумеется, другие исторические корни, у него самого другие тенденции, другой склад мышления, другой характер. Возглавляя самое мощное капиталистическое государство в мире, он тоже проводит классовую политику. И все-таки, оставаясь буржуазным государственным деятелем, он смотрит дальше вперед и разбирается в исторической обстановке лучше своего лондонского корреспондента.

В отличие от Черчилля Рузвельт понимал, что живет в XX, а не в XIX веке. По-видимому, он чувствовал, что в лице социалистической державы на арене ми-

ровой политики появилась такая мощная новая сила, диктовать которой свою волю, как предлагал Черчилль, империализм не может. Вполне возможно, что какую-то роль сыграло здесь и то обстоятельство, что некоторые нити связывали Франклина Рузвельта — и еще больше его ближайшего советника и друга Гарри Гопкинса — с наследием старой прогрессивной школы американской буржуазной демократии — школой Джефферсона и Линкольна. Хотя такие нити не слишком заметны, это необходимо иметь в виду.

Черчилль был убежденный консерватор, Рузвельт знал, что его карьера в значительной степени зависит от поддержки большинства простых американцев. Он искренне ненавидел фашизм, угрожавший в то время Америке не только извне, но и изнутри: такие организации, как «Америка прежде всего», американо-немецкий «Бунд», газетный концерн Херста и другие, делали во время войны все, чтобы сбросить Рузвельта с президентского кресла, обвиняя его чуть ли не в государственной измене.

Приукрашивать его образ нет оснований. Рузвельт был столь же чужд идеям социализма, как и Черчилль. Но он по крайней мере сознавал, что без тесного сотрудничества с Советским Союзом западным державам не выстоять и войну не выиграть. Отсюда его разногласия с Черчиллем по ряду вопросов,— хотя, как мы увидим, отнюдь не по всем,— когда в Лондоне подкладывались мины под это сотрудничество. В таких случаях президент США вежливо, но определенно отвечал в Лондон «нет» и старался умерить антисоветский пыл «Джона Булля», как он с нескрываемой иронией называл Черчилля. Волей-неволей на это обращают внимание и сами составители сборника. «Дело выглядело так,— пишут они в своих комментариях в начале книги,— как если бы Рузвельт не придавал отношениям своей страны с Англией большего значения, чем ее отношениям с Китаем и другими союзниками, включая СССР... Когда Рузвельт в Тегеране отклонил предложение проживать в английском посольстве и устроился на русской территории (на территории посольства СССР.— Э. Г.); когда он несколько раз шел на частные встречи со Сталиным и только в конце конференции на короткое время с Черчиллем,.. у премьер-министра не могло не усиливаться раздражение поведением своего американского коллеги. Разногласия относительно открытия второго фронта в Европе, вторжения в Южную Францию, будущих режимов в Италии и Греции и даже относительно районов в Германии, подлежащих оккупации Англией и Соединенными Штатами,— все это не давало охладеть его раздражению. То, что в феврале 1945 г. произошло в Ялте, едва ли его смягчило. Президент снова ответил отказом на требование Черчилля договориться о тесной военной и политической координации (Англии и США.— Э. Г.) перед конференцией и согласился только на формальную встречу с ним на Мальте... В Ялте Рузвельт, явно уставший, выступая как председатель конференции, взял на себя роль посредника между Англией и Россией по глобальным вопросам и заключил частное соглашение со Сталиным по Дальнему Востоку, не привлекая вообще Черчилля к этому делу» (стр. 12).

Так во время второй мировой войны сталкивались две школы буржуазной дипломатии. Разница в их подходе к событиям очевидна. Несмотря на принадлежность обеих к лагерю империализма, каждая в чем-то — хотя, как сказано, далеко не во всем — шла своим путем. Документы тайной переписки подтверждают, что только благодаря политическому перевесу Рузвельта над Черчиллем сотрудничество держав антигитлеровской коалиции удалось обеспечить и тем самым довершить победу. Трудно представить себе, что произошло бы в отношениях между этими странами в ходе войны, если бы возобладал Черчилль.

Следует отметить, что споры Черчилля с Рузвельтом не ограничивались разногласиями по отношению к СССР. Речь в то же время шла и о внутренних империалистических противоречиях. Так, например, составители сборника отмечают:

«Рузвельт с самого начала думал о Черчилле как о Джоне Булле.., признавая всю солидность и решительность, звучащую в этом имени, но также рассматривая его как своего рода анахронизм. Временами он подчеркивал эту мысль, называя Черчилля неперестроившимся тори или последним из викторианцев. Такое отношение лежало в основе часто происходивших между ними острых дискуссий относительно будущего Британской империи, начавшихся еще во время их первого свидания в Вашингтоне и продолжавшихся до конца в их переписке и при последующих свиданиях. В Тегеране и Ялте подспудная уверенность Рузвельта, что он, человек настоящего, лучше понимает требования будущего, чем Черчилль, человек прошлого, приводила к еще более серьезным осложнениям» (стр. 11).

Даже лидер американской буржуазии видел, что Черчилль принадлежит прошлому. Дело доходило до настоящих стычек. Когда весной 1943 г. личный представитель Рузвельта на Ближнем Востоке генерал П. Дж. Харли представил своему шефу доклад о планах Англии обеспечить себе «сферу влияния» в Иране и Рузвельт переслал этот доклад в Лондон, взбешенный Черчилль написал Рузвельту 21 мая 1944 г.:

«У генерала как будто какие-то идеи насчет британского империализма, которые, откровенно говоря, поражают меня. Он, например, утверждает, что существует неразрешимый конфликт между империализмом и демократией. Осмелюсь, однако, сказать, что британский империализм распространял и продолжает распространять демократию шире, чем какая-либо другая система правления с незапамятных времен» (стр. 499).

Для Черчилля Британская империя действительно была пределом человеческих стремлений. Для американского империа-

лизма, с другой стороны, та же империя к тому времени уже представлялась сравнительно легкой добычей для него самого. В данном случае речь шла прежде всего о нефти, и это прекрасно понимали как один, так и другой.

Это было не все. Рузвельт во время войны прямо и настойчиво требовал от Черчилля отказа Англии от системы имперских преференций — того, на чем Британская империя экономически продолжала держаться в нашем веке. Компенсацией же за это Рузвельт считал предоставленный Англии во время войны американский ленд-лиз! Это была цена Шейлока. 7 февраля 1942 г. Черчилль гневно ответил Рузвельту: «Значительное большинство членов кабинета (английского.— Э. Г.) считает, что если мы променяем принцип имперских преференций на ленд-лиз, то мы допустим вмешательство во внутренние дела Британской империи» (стр. 176).

Это уже было больше, чем простое расхождение во мнениях — можно говорить о настоящей стычке. Такие же споры происходили по поводу будущего Индии и раздела международных авиалиний (стр. 74). Вначале Рузвельт отказывался даже поделиться с Англией секретами изобретавшейся тогда в США атомной бомбы (стр. 33).

Внутренние империалистические противоречия между Англией и США, безусловно, сыграли в те дни свою роль. И все-таки главным были разногласия по поводу сотрудничества с Советским Союзом. Черчилль заострял отношения с Москвой, Рузвельт сглаживал. Но не всегда. Политический реализм американского президента слишком далеко не простирался.

Упоминая о разногласиях между Лондоном и Вашингтоном, составители сборника пишут: «Но это были ссоры между партнерами; действительность Атлантического союза никогда не подвергалась сомнению» (стр. 41). Другими словами, когда дело доходило до коренных, классовых интересов обеих сторон, фронт капиталистических держав смыкался. Классовые соображения в конечном счете перевешивали империалистическое соперничество.

Ничего удивительного в этом, разумеется, нет. В посланиях Рузвельта, как мы увидим, нетрудно найти места, указывающие на его опасения в связи с растущей мощью и авторитетом Советского Союза. Чем ближе дело шло к концу войны и к победе, тем сильнее становились в Вашингтоне эти опасения. 17 марта 1945 г., через месяц с лишним после конференции в Ялте, Рузвельт пишет Черчиллю: «Наша дружба — это скала, на которой я строю будущее мира, пока я один из его строителей» (стр. 13).

10 апреля 1945 г. (за два дня до своей смерти), очевидно, в предвидении послевоенной конференции союзников, Рузвельт телеграфирует в Лондон: «Конечно, я не предприму никаких действий и не выступлю ни с какими заявлениями без того, чтобы не посоветоваться с вами, и я знаю, что так же поступите и вы» (стр. 707).

Иначе говоря, дело все-таки шло к сговору против СССР. Осуществить свое обещание самому Рузвельту не пришлось. Как известно, после войны Соединенные Штаты, считавшие себя монополистами атомного оружия, круто повернули в сторону «холодной войны». Преемник Рузвельта Трумэн, сделавший своей целью установление американской мировой гегемонии, перещеголял Черчилля. Вышло так, что хотя сам Черчилль был после войны почти сразу сброшен народом своей собственной страны, за океаном его линия тогда же победила. Американские буржуазные политики, считавшие себя в чем-то наследниками Джефферсона и Линкольна, были оттеснены, идея мирного сосуществования двух систем предана анафеме [2].

И все-таки то, что Рузвельт в годы войны сделал для этой идеи, остается в истории и сохраняет свое значение для настоящего.

II

Фигуры Рузвельта и Черчилля вырисовываются из их переписки довольно четко. Любопытны и подробности того, как они проводили свою политику в отдельные периоды войны.

Становится предельно ясно, что Черчилль тогда вел свою игру против Советского Союза буквально день за днем, стараясь при этом перехитрить не только советского союзника, но и американцев. В Лондоне все было направлено на эту цель. Сборник, составленный близкими к государственному департаменту американскими историками, дает многочисленные документальные подтверждения этому.

Первая фаза войны, 1941—1942 гг. Советские войска титаническими усилиями сдерживают напор гитлеровских армий. На очереди вопрос, когда — в соответствии с принципиальной договоренностью — союзники СССР откроют второй фронт во Франции. Между СССР, Англией и США происходит непрерывный обмен мнениями по этому вопросу. Особенно несговорчивую позицию занимает Лондон.

Во время первого свидания Черчилля с Рузвельтом в августе 1941 г., сообщают составители сборника, «англичане утверждали, что нацистская Германия будет побеждена без высадки на континенте и что постоянная блокада, массированные бомбардировки и умелая пропаганда уничтожат волю немцев воевать... Маршалл (генерал, начальник штаба американской армии в годы войны и ближайший военный советник

---

[2] Характерно, что реакционеры в США уже во время войны стояли на стороне Черчилля против Рузвельта и продолжают стоять на таких же позициях по сей день. Некоторые критики Рузвельта, пишут составители сборника, «считали, что президент должен был более внимательно прислушиваться к требованиям Черчилля относительно угрозы русского коммунизма» (стр. 47).

Рузвельта.— Э. Г.) резко расходился с этой точкой зрения» (стр. 154).

Годом позже. Телеграмма Черчилля в Вашингтон 8 июля 1942 г.: «Ни один ответственный английский генерал, адмирал или маршал ВВС не готов считать операцию «Следжхаммер» (зашифрованное название второго фронта во Франции.— Э. Г.) практически осуществимой в 1942 г.» (стр. 222).

От него же 13 августа 1942 г.: «Мы сделаем свое дело, бомбардируя Германию» (стр. 235). То есть: все, что угодно, только не второй фронт во Франции. Черчилль, по существу, не против того, чтобы Советский Союз изматывал свои силы в борьбе с Германией на земле один на один.

1943 год. Прибегая ко всевозможным оговоркам, Черчилль продолжает занимать ту же позицию в отношении высадки во Франции. Рузвельт в письме Сталину 20 июня соглашается с Черчиллем, но еще до этого посылает в Москву бывшего американского посла в СССР Дж. Э. Дэвиса заверить Советское правительство, что разногласия могут быть разрешены (стр. 341). Намечается встреча Рузвельта со Сталиным по вопросу о втором фронте. Черчилль сначала пытается «предотвратить ее» (стр. 348). Затем, 23 октября 1943 г. он пишет Рузвельту: «Я также не думаю, что нам следует встретиться со Сталиным, если такая встреча вообще может состояться, без того чтобы мы не договорились относительно англо-американских операций, как таковых» (стр. 387).

Когда встреча со Сталиным была намечена на декабрь 1943 г. в Тегеране, Черчилль, сообщают составители сборника, «настаивал на предварительном совещании с Рузвельтом в Каире, чтобы англо-американские партнеры смогли согласовать свою политику и предстать единым фронтом. Но Рузвельт такого соглашения не хотел». Вместо этого он пригласил в Каир советских уполномоченных, «надеясь таким путем отмежеваться от Черчилля и англичан в достаточной степени для того, чтобы развязать себе руки в переговорах со Сталиным» (стр. 11—12, 393).

Ссылки Черчилля на чисто военные причины, будто бы объяснявшие необходимость отложить высадку в Нормандии, не встречали поддержки в Вашингтоне. Выводы Маршалла и Рузвельта относительно второго фронта привели в конце концов к принятию ряда «решений, нежелательных Черчиллю» (стр. 26).

Тот факт, что Черчилль, задерживая открытие второго фронта во Франции, всячески пытался повлиять не только на Сталина, но и на Рузвельта, был известен и раньше. Теперь это подтверждается его собственными показаниями. То, что когда-нибудь все это может всплыть наружу, было тогда для него безразлично. Такие вещи часто происходят в истории.

Последний этап войны. Лето 1944 г. Положение круто изменилось, в том числе и для Черчилля. Второй фронт, наконец, открыт, советские войска неудержимо наступают на Германию с востока, англо-американские войска — с запада. Крушение гитлеризма — вопрос еще одного года. С этого момента Черчилль думает только об одном: поскорее протолкнуть англо-американские, в частности английские, армии «как можно дальше на восток» (эта фраза повторяется им теперь негласно все время), чтобы перекрыть путь советским войскам в Центральной и Юго-Восточной Европе. Если раньше он тормозил наступление западных союзников, то теперь, наоборот, он форсирует его, все с той же целью: отнять у Советского Союза плоды победы.

Надо учесть, что у Черчилля вначале вообще был свой собственный план «второго фронта». Главный удар намечался им не из Франции, а с юга Европы, через Италию и Балканы. Здесь к услугам Англии был ее мощный средиземноморский флот и армия Монтгомери в Северной Африке. При этом силы вермахта были тут значительно слабее, чем на севере континента. Но главное для Черчилля заключалось не в этом, а в том, что, прорываясь через Италию и Балканы, войска союзников, согласно его плану, должны были перехватить инициативу у советских армий и опередить их вступление в Западную Европу.

Еще осенью 1941 г. Черчилль проектирует высадку в Италии, чтобы, по его словам, «открыть единственно возможный в пределах наших сил «второй фронт» в Европе, пока мы одни на Западе» (стр. 161). После высадки в Сицилии в июле 1943 г. он снова говорит об «использовании Италии как плацдарма для налетов на Балканы» (стр. 32), хотя в Вашингтоне к этому времени уже настаивают на высадке в Нормандии (стр. 31). Три месяца спустя, 7 октября 1943 г., когда советские войска уже форсировали Днепр и двинулись в сторону Балкан, Черчилль телеграфирует Рузвельту:

«Я полагаю, станет ясно, что полуострова Италия и Балканы в военном и политическом отношениях составляют единое целое и что на деле они представляют один театр военных действий, с которым нам придется иметь дело» (стр. 370).

Галопом на Балканы! На всем протяжении этого района у Черчилля уже заготовлены свои ставленники: в Югославии король Петр, в Греции король Георг, в Румынии король Михай. В Италии такая же роль предназначена маршалу Бадольо, а дальше на север, в Чехословакии и Польше, пребывающим в Англии Бенешу и Миколайчику. Черчилль прекрасно понимает, что решающий удар по вермахту может быть нанесен не с этой стороны, а во Франции. Но его интересует другое.

Осуществив прорыв в «долину По (в северной Италии.— Э. Г.), мимо Триеста и Люблянского прохода в Югославии», он рассчитывает обогнать Советскую Армию — и не только на Балканах. «Цель Черчилля все время заключается в том,— подчеркивают составители сборника,— чтобы встретить русские войска как можно дальше на востоке и добиться освобождения Вены английскими, а не русскими войсками» (стр. 509). Позже, на втором свидании с Рузвельтом в Квебеке в сентябре 1944 г.,

Черчилль прямо заявит, что «предпочитает вступить в Вену до того, как придут русские» (стр. 574).

Интересно, что Рузвельт и в этом случае не во всем шел в ногу с Черчиллем. Так, 30 июля 1943 г. он телеграфирует в Лондон: «Я считаю, что во всех важных переговорах, касающихся Балкан, следует насколько возможно достичь соглашения с Россией» (стр. 359).

Советники Рузвельта генерал Маршалл и военный министр Стимсон вообще считали, что, предлагая наступление через Италию и Балканы, Черчилль в 1943 г. просто пытался оттянуть открытие военных действий во Франции (стр. 32). Они были не совсем правы. Черчилль в то же время имел в виду Вену.

На последнем этапе войны, когда союзники уже наступали в Германии, он, исходя из точно таких же побуждений, начал усиленно думать и о Берлине. Телеграмма Черчилля Рузвельту 1 апреля 1945 г.: «...Я поэтому считаю, что с политической точки зрения нам следует продвинуться в Германии как можно дальше на восток и что если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, то мы непременно должны взять его. Это, судя по всему, разумно и с военной точки зрения» (стр. 699).

Телеграмма Черчилля Рузвельту 5 апреля 1945 г.: «...Ввиду всего этого тем более важно, чтобы мы соединились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили бы в Берлин» (стр. 704—705).

Черчилль настаивает на этом, несмотря на предыдущую договоренность трех держав, что первыми в Берлин войдут советские войска. Его расчет явно строится на том, что немцы на западном фронте не окажут союзникам серьезного сопротивления [3].

Можно ли предположить, что американцы и в то время всегда возражали против планов Черчилля? Составители сборника стараются создать впечатление, что так и было. Рузвельт, пишут они, «продолжал сопротивляться намерению Черчилля двигаться на Берлин и захватить Вену и Прагу. Короче говоря, Рузвельт не согласился с требованием Черчилля, чтобы западные союзники встретились с русскими как можно дальше на востоке» (стр. 519). Хотя Черчилль был «взбешен», Рузвельт и Маршалл «твердо отстаивали решение Эйзенхауэра остановиться на Эльбе» (стр. 39). Сам Эйзенхауэр еще 28 марта сообщил в Москву о своем желании как можно точнее согласовать планы западных и советских войск относительно места и времени их встречи в Германии (стр. 696). Вопреки Черчиллю, Москва и Вашингтон, как известно, и договорились о встрече на Эльбе.

Однако, несмотря на приведенные факты, документы секретной переписки Лондон—Вашингтон показывают, что так просто дело с позицией Соединенных Штатов к концу войны не обстояло.

Рузвельт, несомненно, был бо̀льшим реалистом, чем Черчилль, так и не сумевший до самого конца вырваться из политических представлений навсегда ушедшей эпохи. Он более трезво, чем Черчилль, расценивал складывавшееся в Европе после разгрома гитлеризма соотношение сил, яснее понимал возрастающую мощь социалистических идей в мире. И все-таки и его, представителя «либеральной» школы буржуазной демократии, накануне капитуляции Германии стало все больше охватывать чисто классовое чувство страха перед силами социализма.

В сборнике отмечается, что Рузвельт в это время «начинал все больше беспокоиться насчет отношений с Советским Союзом». Встретившись в сентябре 1944 г. с претендентом на австро-венгерский престол Отто Габсбургом, он сказал ему: «Наша главная забота заключается в том, чтобы не пустить коммунистов в Венгрию и Австрию». Цитируется также следующая запись Габсбурга в его мемуарах: «Из всех замечаний Рузвельта вполне ясно, что он боится коммунизма и хочет сделать все, чтобы сдержать мощь России — конечно, не доводя дело до войны» (стр. 67). Когда Черчилль 5 апреля 1945 г. в почти истерическом послании Рузвельту заявил, что «спасти будущее» можно только, став на «твердую и жесткую позицию» по отношению к СССР, Рузвельт на другой день ответил: «Я в целом согласен с вашим мнением... и доволен вашим очень ясным и сильным посланием Сталину» (стр. 705).

Американский империализм начинал поворот к «холодной войне» еще при жизни Рузвельта. Трумэн в 1945—1952 гг. только довершал то, что уже созревало в Вашингтоне до него. Это также доказывается документами секретной переписки.

* * *

Тем не менее ясно, что отождествлять две школы буржуазной дипломатии нельзя. Обе, как известно, существуют и в наши дни, и различия между ними не стерлись. Есть последователи Черчилля, называемые сегодня «ястребами», и есть — в тех или иных новых вариантах — ученики Рузвельта и Гопкинса, склоняющиеся к политике мирного сосуществования. Положение в мире в 70-х годах совершенно иное, чем в 40-х, перед людьми стоят огромные новые проблемы. Но группировки в лагере капитализма по отношению к силам социализма остались в основном те же.

Черчилль в годы войны вел двойную игру с Советским Союзом с самого начала до самого конца. Воюя с Германией, он в

---

[3] Имел ли место секретный сговор Черчилля на этот счет с какими-то германскими кругами? Об этом в переписке, разумеется, нет ни слова; как уже сказано, опубликованы не все документы. Тем не менее двойная игра Черчилля в те дни не оставляет сомнений. Известно, что еще в 1944 г. влиятельные германские генералы были вполне готовы открыть фронт союзникам на Западе.

то же время за кулисами всеми силами добивался сговора западных держав против СССР. Рассуждая о делах в Европе и о политике Советского Союза, он писал Рузвельту 1 июля 1944 г.: «...лучше, чтобы мы разрешили вопрос для нас самих и между собой» (стр. 548).

Только прошлое? Нет, не только. За такую же политику в Европе стоят сегодня деятели Запада, выступающие за нескончаемую «холодную войну».

Черчилль тогда проиграл свою игру. Мимо этого факта не могут пройти и издатели его переписки с Рузвельтом. Они цитируют, например, высказывания известного английского военного историка Лиддел Гарта, считающего, что Черчилль «переоценили» и что его динамизм в годы второй мировой войны «превышал его государственную мудрость — и его стратегию». Американский историк Дж. М. Бэрнс приходит к выводу, что Черчиллю «недоставало устойчивости в устремлениях, широкого кругозора, чувства пропорции и понимания уместного» (стр. 43—44).

Не подходят ли такие критические оценки и к «ястребам» 70-х годов? И не бросается ли в глаза некоторое сходство между позицией сторонников отказа от политики «холодной войны» в США сегодня и позицией Рузвельта по ряду важных вопросов в годы войны?

Свое предисловие к секретной переписке Черчилля и Рузвельта составители сборника кончают следующим выводом: «Возможно, дело действительно обстояло так, что к началу второй мировой войны соотношение сил — и соотношение идей — в мире уже изменились настолько, что демократии (западные державы.— **Э. Г.**) с помощью Советского Союза сумели выиграть войну, но не сумели выиграть мир». В этом, замечают американские историки, можно увидеть как «триумф», так и «трагедию Рузвельта и Черчилля» (стр. 76).

Очевидно, в данном случае они правы. Дело, конечно, не в личностях Черчилля и Рузвельта. С исторической точки зрения их трагедия лишь отражает трагедию мирового капитализма.

ПРОИЗВОДСТВО ЭВМ В ЯПОНИИ

А. КУРИЦЫН

За последние 20 лет электронно-счетное машиностроение выдвинулось в число наиболее передовых отраслей промышленности, во многом определяющих уровень экономического развития ведущих капиталистических стран. Непрерывное расширение сферы применения ЭВМ, их внедрение практически во все области деятельности поддерживают высокий спрос на эту продукцию. Рост выпуска вычислительной техники сопровождается острой конкурентной борьбой. В США и Западной Европе особое беспокойство вызывает быстрое развитие электронно-счетного машиностроения Японии. Уверенно лидируя по темпам роста вычислительной техники и вспомогательного оборудования, она в течение короткого отрезка времени обогнала страны Западной Европы и в 1969 г. вышла на 2-е место в капиталистическом мире по числу установленных ЭВМ.

В связи с тем, что по качеству ЭВМ и вспомогательного оборудования Япония достигла уровня Западной Европы и частично превзошла его, при оценке перспектив производства представляется целесообразным сопоставлять показатели развития электронно-счетного машиностроения Японии и США.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТРАСЛИ

Производство ЭВМ в Японии началось гораздо позже, чем в США и других ведущих капиталистических странах. В 1958 г. государственной электротехнической лабораторией совместно с Токийским университетом были созданы две машины — аналоги американских моделей «МАРК»[1]. Именно с этих еще весьма несовершенных ЭВМ начинается история японского электронно-счетного машиностроения. В 1960 г. к освоению новой техники приступили крупнейшие электротехнические концерны Японии, которые уже имели некоторый опыт в изготовлении промышленной и бытовой электроники.

К этому времени лидерство в мировом производстве ЭВМ прочно захватили американские компании. Среди них особенно выделялась «Интернэшнл бизнес мэшинз» («ИБМ»), владевшая наибольшим количеством патентов в области техники и технологии производства вычислительных устройств. «ИБМ» удалось монополизировать мировой капиталистический рынок вычислительной техники.

Японские компании пошли по пути, преимущества которого уже были доказаны при организации производства в других отраслях,— стали закупать иностранные патенты и технологию. Патенты и ноу-хау, приобретенные у «ИБМ» и других американских производителей («Дженерал электрик», «РКА», «Сперри Рэнд»), позволили в короткий срок освоить в стране выпуск основных моделей ЭВМ. Подавляющее большинство машин, выпущенных в 60-х годах, представляет собой почти точную копию американских. Лишь одна компания — «Фудзицу», да и то используя патенты «ИБМ», разрабатывала оригинальные модели.

Благодаря закупке иностранных лицензий электронно-счетное машиностроение Японии развивалось высокими темпами (см. таблицу). В конце марта 1973 г. число установленных ЭВМ достигло 17 255, к началу 1976 г.— 30 095[2].

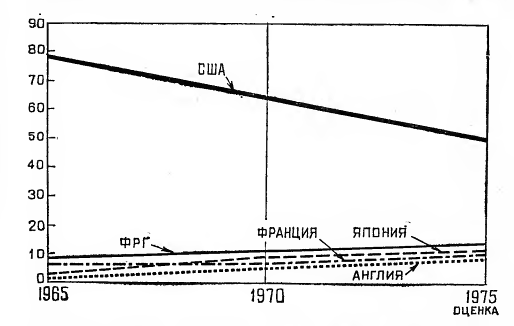
Ведущие изготовители вычислительной техники и вспомогательного оборудования — компании «Фудзицу», «Ниппон дэнки», «Хитати», «Тосиба», «Оки дэнки» и «Мицубиси дэнки». На долю «большой шестерки» приходится свыше 90% национального выпуска ЭВМ. Из иностранных фирм первое место занимает «Ниппон-ИБМ» — дочерняя фирма американского концерна «ИБМ»: около 30% установленных в стране вычислительных систем сделано на ее предприятиях. Длительное время «Ниппон-ИБМ» занималась лишь сбытом и обслуживанием машин, поставляемых материнской компанией, но с 1962 г. она развернула строительство ряда заводов и в настоящее время выпускает в Японии широкую номенклатуру ЭВМ и вспомогательного оборудования.

Экономический бум 1960—1964 гг. стимулировал рост спроса на ЭВМ. В этот период продажи импортных машин росли ежегодно в среднем на 50%, а национальное производство — на 80%. В результате к 1965 г. производство превзошло импорт ЭВМ по количеству, а к 1968 г.— и по стоимости.

[1] Для сравнения укажем, что в США к концу 50-х годов было установлено уже около 1 500 ЭВМ.

[2] «Electronic News», 12.XI.1973, p. 52; «Дэнси когё гэппо» № 1, 1976, стр. 16.

ПРОИЗВОДСТВО ЭВМ В ВЕДУЩИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (%)

Развитие отечественного производства вычислительной техники потребовало создания научно-исследовательской базы. В середине 60-х годов правительство утвердило программу крупномасштабных исследований по некоторым важнейшим направлениям науки и техники. Руководство работами было возложено на министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), которому поручено координировать деятельность государственных и частных научно-исследовательских организаций. До настоящего времени осуществлены или разрабатываются девять «больших проектов», два из которых относятся к вычислительной технике и системам обработки информации.

В 1966 г. был утвержден проект создания сверхмощной ЭВМ, в реализации которого приняли участие почти все фирмы—продуценты вычислительной техники. К марту 1972 г. закончено создание аппаратной части машины (на проект затрачено свыше 10 млрд. иен). Разработанная система по основным параметрам не уступает мощной американской модели «ИБМ-360/85», может работать в режиме разделения времени и отличается высокоэффективными устройствами ввода/вывода, которые позволяют оперировать текстовой, цифровой, иероглифической и графической информацией.

В 1971 г. начаты работы над созданием четырех ЭВМ 4-го поколения, использование которых предполагается не ранее 1980 г. Это самый дорогостоящий из всех проектов: за 8 лет планируется израсходовать 35 млрд. иен. Реализацию проекта намечено провести в три этапа. Первый — 1972—1973 гг.— исследования в области новой технологии изготовления компонентов, обладающих требуемыми параметрами. Второй — 1973—1976 гг.— создание усовершенствованных устройств памяти и завершение разработки опытного образца системы. Третий — до 1978 г.— окончательное определение технических параметров и заключительные испытания системы [3].

Однако, несмотря на мощный рывок, сделанный Японией в производстве ЭВМ и научных исследованиях, страна и сегодня уступает США по выпуску ряда важнейших элементов. Как известно, такие параметры вычислительной техники, как объем памяти, быстродействие, надежность, зависят от технических характеристик схемных элементов (компонентов) и от уровня развития схемотехники. Япония же до сих пор удовлетворяет значительную часть внутреннего спроса на интегральные схемы (ИС) за счет импорта. Так, в 1973 г. ввезено ИС на 32 млрд. иен (около 121 млн. долл.)— в 2 раза больше, чем в 1972 г. Национальное производство за тот год составило 95 млрд. иен (358,5 млн. долл.) [4].

Япония отстает от США в области технологии производства микроэлектронных компонентов и особенно ИС с высокой степенью интеграции, по некоторым оценкам, на 1—2 года. Для преодоления отставания с конца 60-х годов в Японии расширяются научные исследования по созданию высокоэффективных ИС и технологии их изготовления. Значительная часть НИОКР финансируется правительством. Внутренний спрос на ИС растет

[3] См. «Когё ритти», № 7, 1972, стр. 36—45.

[4] «JEI», March 1974, p. 74.

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ЭВМ И ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ОБОРУДОВАНИЯ
(млн. иен)

Годы	Всего	Рост по сравнению с предыдущим годом (%)	Цифровые ЭВМ	Аналоговые ЭВМ	Периферийные устройства	Прочее вспомогательное оборудование
1957	272	-	39	233	-	-
1959	651	54	475	176	-	-
1965	37 497	47	31 535	1 142	1 425	3 395
1967	106 354	61	86 803	1 049	2 883	15 619
1969	195 925	20	170 615	1 525	4 953	17 832
1971	346 259	12	311 224	2 003	10 217	22 815
1973	428 069[1]	-	-	-	-	-
1974	501 308[1]	-	-	-	-	-

[1] Без учета производства аналоговых ЭВМ.
Рассчитано по: «Дэнси когё нэнкан 1974». Токио, 1974, стр. 303; «Japan Economic Yearbook 1975/1976». Tokyo, 1976, p. 122.

быстро. По имеющимся прогнозам, в 1977 г. он достигнет 390 млрд. иен, в 5 раз превысив уровень 1971 г.

С точки зрения эксплуатации ЭВМ большое значение имеет вспомогательное оборудование, от которого во многом зависит эффективность использования вычислительных систем. К вспомогательному оборудованию относятся устройства внешней памяти, ввода/вывода информации, дистанционные абонентские пункты (терминалы), специальные преобразователи (модемы) и средства связи. Несмотря на быстрый рост производства этого оборудования, все еще ощущается нехватка устройств ввода/вывода информации и особенно дистанционных абонентских пунктов. Например, в 1970 г. в вычислительных системах использовалось всего 18,8 тыс. терминалов, а в США — около 300 тыс. таких устройств. Малая оснащенность вычислительных систем терминалами ограничивает число абонентов, снижает доступность информации и оперативность ее обработки. В области разработки средств программирования Япония также значительно отстает от США: по оценкам американских исследователей — на 10—12 лет[5].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Национальное электронно-счетное машиностроение поддерживалось и до сих пор поддерживается государством. Еще в 1957 г. закон о содействии производству вычислительной техники объявил развитие этой отрасли одной из важнейших национальных целей. Закон предусматривал принятие широкой программы помощи отечественным компаниям, вводил жесткие ограничения на импорт ЭВМ и на деятельность иностранных компаний. В частности, им запрещалось создавать самостоятельные производственные предприятия или контролировать более 50% капитала в смешанных компаниях.

[5] См. «The Computer Bulletin», № 12, 1971, p. 427.

Принятые меры в известной степени задержали проникновение иностранных конкурентов, прежде всего американских монополий на японский рынок. Одновременно правительство поощряло закупку патентов и заключение лицензионных соглашений между японскими и американскими компаниями.

Для национальных изготовителей и потребителей ЭВМ введены специальные налоговые льготы и выгодные условия кредитования. Финансовая помощь, кроме того, оказывалась и в виде прямого субсидирования государством частных компаний (особенно научно-исследовательских работ). Для повышения конкурентоспособности ЭВМ отечественного производства в августе 1961 г. была создана полугосударственная (50 : 50) акционерная сбытовая компания «Ниппон дэнси кэйсанки» («НДК»). Она сдает в аренду (основная форма пользования ЭВМ в стране) или продает (часто в рассрочку) машины, приобретенные у японских фирм-изготовителей. При этом ставится условие, чтобы машины состояли не менее чем на 90% из компонентов национального производства. Через «НДК» поступает к потребителям более 90% отечественных ЭВМ. В частности, государственные организации и университеты приобретают вычислительную технику исключительно у этой компании.

Пользующимся услугами «НДК» предоставляются дополнительные льготы: долгосрочные займы на выгодных условиях, налоговые скидки. Для фирм-изготовителей продажа ЭВМ при посредничестве «НДК» приносит прямые выгоды: ускоряется оборот капитала, высвобождаются средства для развития производства и новых разработок, появляется возможность более свободного маневрирования средствами. Это укрепляет положение национальных фирм в конкуренции с иностранными монополиями.

В течение трех лет, начиная с 1972 г., государство выделяло ежегодно бюджетные средства в сумме 42,5 млрд. иен на

финансирование специальных мер по оказанию помощи электронно-счетному машиностроению. Важным средством поощрения развития отрасли стала политика ограничения импорта ЭВМ и вспомогательного оборудования. До начала 70-х годов внутренний рынок страны защищали высокие таможенные тарифы: для ЭВМ тарифная надбавка составляла 15% стоимости, для вспомогательного оборудования — 25, для интегральных схем — 15%. В США, например, пошлина на эти товары не превышает 10% стоимости, а в странах ЕЭС — 7%.

В конце 60-х годов обострение торгово-экономических противоречий внутри всей капиталистической системы особенно ярко проявилось во взаимоотношениях между США и Японией. В разыгравшейся «торговой войне», усугубляемой валютно-финансовым кризисом, правительство США оказывало энергичное дипломатическое и экономическое давление на Японию, добиваясь снятия ограничений в основных отраслях промышленности. Летом 1971 г. в Японии было объявлено, что ограничения на производство и импорт ЭВМ будут отменены уже к 1972 г., но это решение вызвало резкий протест со стороны японских фирм, опасавшихся захвата национального рынка американскими конкурентами[6].

После долгих обсуждений в деловых кругах и дебатов в парламенте правительство разработало окончательный план либерализации производства ЭВМ и вспомогательного оборудования. Его предполагалось осуществить в течение трех лет — с 1972 по 1974 г., однако из-за сильного сопротивления японских продуцентов выполнение плана затянулось до конца 1976 г. На первом этапе (1972 г.) либерализованы производство, продажа и аренда мини-ЭВМ, то есть та подотрасль, где национальные фирмы достигли наибольших успехов и могли конкурировать с американскими. В том же году были сняты ограничения на выпуск некоторых типов интегральных схем, в частности ИС малой степени интеграции, используемых в бытовой технике. Либерализация производства ИС большой степени интеграции, сферы услуг по разработке средств программирования, а также по обработке и передаче информации проведена в конце 1975 г.

В течение 1972/73 фин. г. на 50% были сняты ограничения на выпуск вспомогательного оборудования, за исключением устройств внешней памяти и терминалов. К марту 1974 г. полностью либерализованы импорт и производство ЭВМ малой и средней мощности (стоимостью до 250 млн. иен за 1 экземпляр). Снятие ограничений на производство и импорт мощных и сверхмощных машин должно было произойти в конце 1976 г.

Для повышения конкурентоспособности японских фирм в условиях надвигающейся либерализации в 1971 г. по инициативе МВТП была проведена «коренная реорганизация» отрасли. Основные изготовители средств вычислительной техники объединились в три производственные группы: «Фудзицу—Хитати», «Ниппон дзики—Тосиба» и «Оки дзики — Мицубиси дэики». Крупнейшая из них — «Фудзицу — Хитати» разрабатывает не только аппаратную часть, но и программное обеспечение. Компания «Фудзицу» специализируется на производстве сверхмощных и малых ЭВМ, а «Хитати» — на выпуске средних и мощных.

Группа «Ниппон дэнки—Тосиба» разрабатывает вычислительную систему 4-го поколения, уделяя особое внимание совместимости оборудования и программ. Кроме того, «Ниппон дэнки» предполагает завершить выпуск своих новых моделей ЭВМ «НЕАК-2200». «Оки дэнки — Мицубиси дэнки» главное внимание уделяет выпуску управляющих систем, а также ЭВМ специального назначения большой и малой мощности. Компания «Мицубиси дэнки» специализируется на выпуске центральных процессоров, а «Оки дэнки» — на средствах программирования и периферийных устройствах. В дальнейшем предполагается усилить группу «Фудзицу — Хитати» путем присоединения к ней «Мицубиси дэнки», а «Оки дзики» сделать специализированным предприятием по выпуску терминальных устройств, сократив таким образом число групп до двух.

Увеличивается число совместных предприятий, создаваемых членами «большой шестерки». Наряду с этим широко развиваются кооперация, взаимные поставки компонентов, программного обеспечения и вспомогательного оборудования.

К производству ЭВМ удалось привлечь и гиганта электронной промышленности — «Мацусита дэнки сангё». В июле 1973 г. «Фудзицу» совместно с «Мацусита» и «Фудзи дэнки» создали новую компанию «Панафаком», которая разрабатывает и продает мини- и микро-ЭВМ. «Панафаком» использует как в Японии, так и за ее пределами мощную, разветвленную сбытовую сеть компании «Мацусита дэнки сангё».

Правительственные органы, и в первую очередь МВТП, координируют производственную и сбытовую деятельность частных компаний, выпускающих ЭВМ. Разграничивая сферы влияния, они пытаются уменьшить конкурентную борьбу между национальными фирмами. Производство процессоров, программного обеспечения и вспомогательного оборудования распределено между тремя группами таким образом, что продукция каждой из них взаимно дополняет друг друга. В области электронно-счетного маши-

[6] Опасения были вполне обоснованны: на долю японских компаний в начале 70-х годов приходилось менее 4% мирового производства ЭВМ, в то время как один американский концерн «ИБМ» обеспечивал 62%, а все американские компании — более 92%.

построения частные компании, объединяясь под эгидой государства в «Джапэн инкорпорейтед», стараются выступать единым фронтом против американских конкурентов.

В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК

Постепенное снятие количественных ограничений на импорт ЭВМ и вспомогательного оборудования облегчило проникновение иностранных конкурентов на японский рынок. Либерализация совпала также с неблагоприятной для национальных продуцентов экономической конъюнктурой. В частности, ревальвация иены, которая проводилась уже дважды за последние несколько лет, существенно ухудшила условия сбыта ЭВМ национального производства. По некоторым оценкам, лишь в результате последней ревальвации (февраль 1973 г.) цены на ЭВМ, изготовленные в Японии иностранными компаниями, снизились в среднем на 3—10% [7].

В результате снятия ограничений на японский рынок хлынула иностранная продукция. Так, если в 1969 г. соотношение мини-ЭВМ на внутреннем рынке было 99,9% к 0,1% в пользу национальных предприятий, то уже к 1972 г. оно стало 59,8% к 40,2% [8]. Совокупная доля машин всех типов национального производства в объеме годовых продаж неуклонно снижается: в 1972 г.— 53,2% (по стоимости), в 1973 г.—51,4%, в 1974 г.— 48,4%. Наиболее неблагополучно положение с выпуском мощных ЭВМ: в 1975 г. машины японского производства составляли только 45,1% продаж [9]. Отсюда повышенное внимание, которое уделяется в стране разработкам вычислительных систем большой мощности. В последние годы появились модели, способные конкурировать с мощными ЭВМ компании «ИБМ» серий «360» и «370». К марту 1974 г. было установлено 110 таких ЭВМ, выпущенных фирмой «Фудзицу», и спрос на них продолжает расти.

В 1975 г. группа «Фудзицу—Хитати» начала выпускать машины серии «М», создание которых является частью государственной программы помощи национальным компаниям в разработке сверхмощных систем, способных конкурировать с американскими. По своим техническим характеристикам и диапазону возможностей они не уступают (а иногда и превосходят) ЭВМ серии «ИБМ-370». Вместе с тем машины серии «М» дешевле американских аналогов, особенно мощные и сверхмощные. В основном за счет мощных ЭВМ японские производители добиваются устойчивого роста продаж.

Вместе с тем, отмечается в специальной прессе, несмотря на рост престижа (и продаж) национальных мощных ЭВМ, японские потребители часто все еще предпочитают машины «ИБМ». Они полностью совместимы как с технической точки зрения, так и в области программного обеспечения. Это расширяет возможности эксплуатации, позволяет создавать гибкие системы различной размерности и для различных нужд.

Особую тревогу в Японии вызывают слухи о разработке компанией «ИБМ» новых машин «серии будущего». Сведения о работах над этой серией появились в американской печати несколько лет назад, но до сих пор неизвестно, какими же будут ЭВМ нового семейства. Компания «ИБМ» хранит в строгой тайне все, что касается разработок. По мнению большинства американских обозревателей, использование прогрессивной технологии и качественно новых компонентов позволит более чем на порядок увеличить все основные технические характеристики машин «серии будущего».

Вопрос о времени появления машин «ИБМ» на японском рынке чрезвычайно волнует национальных продуцентов. Наиболее вероятным сроком, на который и ориентируются японские изготовители ЭВМ, считается 1979 г. Недавно представители трех ведущих компаний («Фудзицу», «Хитати» и «Мицубиси дэнки») заявили о своем намерении интенсифицировать усилия по разработке ЭВМ нового типа, которые могли бы конкурировать с машинами «серии будущего». По мнению руководителей этих компаний, существует реальная опасность захвата «ИБМ» национального рынка в том случае, если конкурентоспособные японские ЭВМ не появятся в продаже в течение года после начала поставок машин «серии будущего» [10].

Усилению позиций национальных компаний будет способствовать разработка эффективных компонентов и технологии. В 1975 г. начались работы по созданию принципиально новых схемных элементов — ИС со сверхвысокой степенью интеграции. В осуществлении проекта, которым руководит МВТП, участвуют все компании — изготовители ЭВМ и ряд государственных организаций. Общая сумма затрат на исследования и разработку ИС установлена в 70 млрд. иен, из которых 40 млрд. предоставит МВТП. По мнению специалистов, плотность размещения элементов в разрабатываемом устройстве будет в 10—15 раз выше, чем в современных ИС, а эффект от их применения равнозначен переходу от электронных ламп к полупроводниковым приборам [11]. Считается, что уже в 1980 г. могут быть выпущены ЭВМ, способные конкурировать с машинами «серии будущего».

[7] См. «The Oriental Economist», June 1973, p. 43.

[8] «JEI», August 1973, p. 70.

[9] «Дэнси когё гэппо», № 1, 1976, стр. 15, 17.

[10] См. «Electronics Weekly», 22.X.1975, p. 13.

[11] См. «JEI», May 1976, p. 12.

Многие эксперты в США и Японии выражают сомнение в том, что японские производители успеют создать и поставить конкурентоспособные машины. Некоторые специалисты предсказывают полное господство на рынке Японии американских компаний после 1980 г. «Японский экономический ежегодник», издаваемый журналом «Ориентл экономист», с тревогой пишет о том, что для национального электронно-счетного машиностроения наступает самый критический период, от которого зависит дальнейшее развитие отрасли [12].

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ЭКСПАНСИЯ

Потерю части рынка внутри страны японские монополии пытаются компенсировать расширением внешней торговли. Практически Япония делает лишь первые шаги в борьбе за мировые рынки ЭВМ, и по абсолютной величине экспорт этого оборудования у нее весьма невелик. Но даже эти первые шаги настораживают американских и западноевропейских конкурентов, которым хорошо известны экспансионистские способности японских монополий. На ежегодном собрании акционеров «ИБМ» председатель совета директоров компании заявил, что Япония начала проводить в общегосударственном масштабе политику превращения производства ЭВМ в одну из ведущих статей экспорта [13].

Один из важных элементов внешнеторговой экспансии — сближение с американскими и западноевропейскими компаниями, в которых Япония надеется найти союзников в борьбе против общего врага — «ИБМ». Недавно заключено соглашение между «Хитати» и американской «Контрол дейта» о совместной разработке терминальных устройств. «Коё электроникс индастриз» и «Дженерал отомейшн» в 1974 г. создали совместное торговое предприятие по продаже управляющих ЭВМ.

Весьма симптоматично появление в 1970 г. в США компании «Эмдал», крупнейшими держателями акций которой стали японская «Фудзицу» и западногерманская «Никсдорф». «Эмдал» с помощью «Фудзицу» разработала и продает в США мощные ЭВМ моделей «470/6» и «470V/6», которые успешно конкурируют с машинами «ИБМ».

В области прямых продаж японские компании проявляют известную осторожность, занимаясь главным образом изучением американского рынка. Например, представитель «Фудзицу» заявил, что компания пока воздержится от продвижения на рынок США своих машин, а сосредоточит усилия на укреплении и расширении сбытовых позиций «Эмдал».

Управляющий маркетингом отделения вычислительной техники «Хитати» К. Тамура довольно пессимистически настроен относительно перспектив продаж японских ЭВМ в США. Он считает, что, кроме прочих трудностей, сбыт ЭВМ требует больших затрат на финансирование технического обслуживания, обучение персонала и консультации потребителей. Поэтому для создания, например, такой же эффективной системы обслуживания потребителей, какая существует у «ИБМ», необходимо много времени. По его мнению, успешно конкурировать на американском рынке японские ЭВМ смогут не ранее чем через 10 лет [14].

На рынках Западной Европы пользуются спросом средние и малые, а также управляющие ЭВМ, выпускаемые «Фудзицу», «Хитати» и «Тосиба». Стремясь закрепиться в Западной Европе, «Фудзицу» в 1975 г. подписала соглашение о продаже 6 мощных ЭВМ новой серии «М» испанской государственной телефонной компании, а вскоре совместно с национальным промышленным институтом и государственной телефонной компанией при финансовой поддержке нескольких банков начала строить в Испании предприятие по производству мини-ЭВМ и терминалов. Завод должен вступить в строй в 1977 г. и будет выпускать модели «Фудзицу». В целом, однако, попытки японских компаний проникнуть на рынки европейского континента встречают сильное и возрастающее сопротивление. Правительства Англии, Франции и ФРГ приняли ряд специальных мер с целью оградить интересы национальных изготовителей ЭВМ и помешать распространению японской продукции.

Гораздо прочнее позиции японских продуцентов ЭВМ на рынках Юго-Восточной Азии, Австралии и ЮАР, где успешно продают свои машины «Тосиба» и «Фудзицу» [15]. Емкость рынка ЭВМ развивающихся стран пока еще невелика, но она увеличивается год от года, и можно предположить, что уже в ближайшем будущем и в этом регионе разгорится ожесточенная конкурентная борьба.

Большинство публикуемых прогнозов отводит Японии одно из ведущих мест в мировом производстве ЭВМ. Вместе с тем отмечаются и слабости ее электронно-счетного машиностроения: недостаток производства ЭВМ большой мощности и интегральных схем, отставание в области программного обеспечения и периферийного оборудования. Японские специалисты считают, что внутренний спрос на вычислительную технику будет в основном удовлетворен лишь к началу 80-х годов, когда число ЭВМ в стране превысит 100 тыс. Бесспорно, однако, что на темпы развития отрасли в целом окажет сильное влияние обострение конкурентной борьбы как на внутреннем, так и на мировом рынках.

---

[12] См. «Japan Economic Yearbook 1975/1976». Tokyo, 1976, p. 122.

[13] См. «Computer Weekly», 3.VI.1976.

[14] См. «Electronic News», 7.VI.1976, pp. 41—42.

[15] См. Ibid., p. 42; «Modern Data», January 1973, p. 11.

Общее собрание Отделения экономики АН СССР утвердило план мероприятий по выполнению решений XXV съезда КПСС. Ниже приводится полный текст этого плана.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА КПСС В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

I. В ОБЛАСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В соответствии с положениями и задачами, выдвинутыми товарищем Л. И. Брежневым в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии, «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» и другими материалами XXV съезда КПСС сосредоточить исследования в области экономической науки, в первую очередь на решении следующих задач:

1. Перерастание экономики развитого социализма в коммунистическую

Расширить исследования экономики развитого социализма как этапа непосредственного перерастания социализма в коммунизм; общих закономерностей и особенностей построения развитого социализма в разных странах; возможностей и преимуществ развитого социализма; научных основ экономической стратегии КПСС и экономической роли социалистического государства.

Продолжить разработку экономического аспекта Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий, обратив особое внимание на проблемы критериев и путей создания материально-технической базы коммунизма в процессе осуществления научно-технической революции; усиления общественного характера производства; развития общенародной собственности и сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной; преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней; укрепления материальных и моральных стимулов к труду; изменения содержания труда и развертывания социалистического соревнования; усиления планомерной организации общественного производства; роста благосостояния трудящихся и развития социалистического образа жизни.

Развернуть исследование экономических проблем народонаселения.

Усилить исследование проблем охраны и оздоровления окружающей среды, природопользования.

Подготовить труд по политической экономии социализма; завершить издание энциклопедии «Политическая экономия»; осуществить второе издание учебника политической экономии для экономических факультетов университетов и подготовить учебник по политической экономии для технических вузов.

Подготовить теоретические труды по критике современных экономических антимарксистских концепций, по истории экономической мысли, прежде всего периода социализма.

2. Плановое управление народным хозяйством

Подготовить предложения по методологическим вопросам прогнозирования, комплексного планирования, разработки долгосрочного перспективного плана и крупных общегосударственных комплексных программ, по увязке различных видов планов в единую систему; по обеспечению сбалансированности экономики, усилению связи планирования материального производства, научно-технического прогресса и финансов; обеспечить разработку и экспериментальную проверку системы экономико-математических моделей планирования и управления, особенно моделей долгосрочного планирования. Продолжить исследования проблем теории и методов оптимального планирования и функционирования социалистического народного хозяйства.

Подготовить предложения по совершенствованию системы статистических показателей и методов статистического анализа в связи с потребностями оптимального планирования и прогнозирования.

Усилить научные исследования проблем сочетания отраслевого и регионального планирования, совершенствования размещения производительных сил, экономических вопросов формирования крупных народнохозяйственных комплексов.

Разработать рекомендации по совершенствованию хозяйственного механизма с учетом его ориентации на конечные результаты; организационной структуры и методов управления; системы показателей плана и оценки деятельности предприятий; повышения роли финансовой и кредитной системы; укрепления денежного обращения и обеспечения платежеспособного спроса; организации хозрасчета производственных объединений.

Завершить работу над подготовкой предложений по комплексной системе планирования и стимулирования научно-технического прогресса, совершенствованию организации и финансирования научных исследований.

Подготовить и издать монографию, посвященную теоретическим основам совершенствования управления и планирования народным хозяйством в условиях развитого социализма, а также обобщению результатов научных исследований по новым методам управления.

3. Повышение эффективности социалистического производства

Подготовить предложения по совершенствованию критериев и показателей, направлениям и факторам повышения общехозяйственной эффективности производства, научно-технического прогресса, капитальных вложений и основных фондов, использования трудовых и природных ресурсов, эффективности внешней торговли.

Совершенствовать методики по оценке экономической эффективности новой техники и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, капитальных вложений, качества продукции и оценке природных ресурсов.

На основе исследований воспроизводства в условиях развитого социализма подготовить рекомендации по вопросам оптимизации соотношения на перспективу темпов роста I и II подразделения, фондов накопления и потребления, производственного и непроизводственного накопления, завершения перехода к интенсивным факторам роста производства.

Подготовить и издать монографию по теории экономической эффективности в развитом социалистическом обществе.

4. Мировая социалистическая система

Усилить исследование общих закономерностей развития мировой социалистической системы и особенностей их проявления в различных странах; социально-политических и идеологических основ дальнейшего укрепления единства социалистических стран; проблем экономического сотрудничества как материальной основы содружества; выравнивания уровней развития и постепенного сближения стран социализма; единства национальных и интернациональных интересов в сотрудничестве.

Подготовить рекомендации по перспективам развития международного социалистического разделения труда и долговременной программе социалистической экономической интеграции; методологическим вопросам разработки долгосрочных целевых программ; совершенствованию форм экономического сотрудничества стран — членов СЭВ.

Продолжить разработку рекомендаций по вопросам экономического сотрудничества между странами СЭВ и ЕЭС, СЭВ и развивающимися странами.

Подготовить труд, посвященный политико-экономической характеристике мирового социалистического хозяйства.

5. Развивающиеся страны

Усилить анализ изменений, прогрессивных сдвигов в экономике развивающихся стран под воздействием мировой системы социализма, а также научно-технической революции.

Расширить исследование проблем сотрудничества стран социализма с развивающимися странами.

Продолжить изучение проблем борьбы развивающихся стран за равноправные экономические отношения, против новых форм и проявлений неоколониализма.

Проводить комплексные исследования политических и социально-экономических проблем стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Подготовить труд, посвященный актуальным вопросам развития стран социалистической ориентации.

6. Современный капитализм

Продолжить работу над комплексным прогнозом социально-экономических тенденций и развития противоречий в основных капиталистических странах и мировом капиталистическом хозяйстве.

Усилить исследование проблем углубления общего кризиса капитализма: экономического соревнования двух мировых систем, места и роли в нем СССР, изменения соотношения сил на мировой арене; роста влияния социализма на ход мировых событий; развития всемирного разделения труда, международного сотрудничества и расширения материальной базы мирного сосуществования; государственно - монополистического капитализма, возрастания воздействия международных монополистических объединений на обострение капиталистических противоречий; особенностей современного экономического кризиса.

Расширить исследование проблем мирового революционного процесса, социальных и политических сдвигов в капиталистических странах, изменений в системе международных отношений в процессе перехода от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. уделять особое внимание изучению проблем разоружения.

Проводить комплексные исследования социально-экономических и политических проблем развития США и Канады, стран Западной Европы, Японии и других стран; теоретических вопросов совре-

менных международных отношений; экономических проблем разоружения.

Подготовить рекомендации по более глубокому включению народного хозяйства СССР во всемирное разделение труда, повышению эффективности сотрудничества СССР с капиталистическими странами, критериям общехозяйственной эффективности экономического сотрудничества и совершенствованию его форм.

Подготовить аналитические записки по сырьевой, энергетической и продовольственной проблемам, проблемам охраны окружающей среды, использованию Мирового океана и Космоса, установлению «нового экономического порядка».

Подготовить теоретические труды по экономике и политике современного капитализма.

7. Критика современных антикоммунистических теорий

Усилить критику буржуазных и реформистских концепций капитализма, разоблачение фальсификаций развития социалистических стран, анализ кризиса буржуазной политической экономии.

Подвергнуть всесторонней критике экономические взгляды правых и «левых» ревизионистов.

Подготовить теоретические труды по критике современных экономических антимарксистских концепций.

II. В ОБЛАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Институтам Отделения экономики АН СССР и АН союзных республик внести необходимые изменения в планы научно-исследовательских работ на 1976—1980 гг., сконцентрировать силы на комплексных фундаментальных исследованиях; улучшить планирование научных исследований; ликвидировать многотемность, дублирование тематики между институтами и внутри институтов; повысить ответственность за выполнение планов.

Расширить практику совместных исследований институтов АН СССР и союзных республик с институтами министерств, ведомств и вузов; развивать творческое сотрудничество между экономистами и представителями других общественных и естественно-технических наук.

Расширить практику разделения труда между институтами АН СССР и АН союзных республик, повысить роль институтов АН союзных республик в координации экономических исследований в республиках.

Поднять роль научных советов Отделения экономики АН СССР и журналов институтов в обсуждении актуальных вопросов теории и подготовке рекомендаций по решению задач хозяйственного строительства.

Расширить сотрудничество институтов Отделения экономики АН СССР и союзных республик с научными учреждениями братских социалистических стран в разработке фундаментальных проблем и подготовке коллективных трудов; повысить активность советских экономистов в работе международных теоретических конференций и симпозиумов; использовать разрядку в международных отношениях для расширения контактов с прогрессивными учеными капиталистических стран.

Обеспечить расширение подготовки специалистов по политической экономии, особенно высшей квалификации.

Повысить требования к теоретическому уровню и практической значимости диссертаций; знанию диссертантами произведений классиков марксизма-ленинизма, решений партии и правительства по экономическим вопросам, современных, в особенности экономико-математических методов исследования.

РАЗРЯДКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

А. СТЕПАНОВ

В. ЛАРИН. Международные отношения и идеологическая борьба (60—70-е годы). Москва, издательство «Международные отношения», 1976, 245 стр.

Неузнаваемо изменился облик нашей планеты за истекшее 60-летие. Сложилась и окрепла мировая социалистическая система. Рухнули последние колониальные империи, развивается вширь и вглубь национально-освободительное движение народов. Как никогда, возросла роль рабочего класса капиталистических стран, наносящего ощутимые удары монополиям.

Опираясь на мощь, сплоченность и активность мирового социализма, на его крепнущий союз со всеми прогрессивными и миролюбивыми силами, Коммунистическая партия и Советское государство добились исторического поворота в развитии международных отношений — от «холодной войны», угрожавшей взрывом, к разрядке и нормальному взаимовыгодному сотрудничеству.

По-своему закономерно, что идеологи империалистической буржуазии прилагают отчаянные усилия для дискредитации успехов реального социализма и особенно его фундаментальных достижений в материализации разрядки международной напряженности. Поэтому первостепенная задача сегодня — давать решительный и эффективный отпор идеологическим диверсиям империалистической пропаганды, принимающей все более изощренный характер. В реализацию этой актуальной задачи вносит свою лепту рецензируемая книга В. Ларина, содержащая критический анализ буржуазных концепций современных международных отношений.

Автор отмечает, что в настоящее время уже далеко не пользуются прежним кредитом такие догмы политики «с позиции силы», как доктрина «сдерживания», «отбрасывания» коммунизма. Многие известные американские исследователи и политологи (Г. Кан, Б. Брюс-Бриггс, З. Бжезинский и др.) не скрывают своего негативного отношения к дискредитировавшим себя концепциям прошлого. Стремясь удержать народные массы под своим идейно-политическим контролем, идеологи империалистической буржуазии озабочены поисками новых эффективных средств, «способных противостоять», как они сами признают, «крепнущим позициям марксистской идеологии во многих странах» (Г. Киссинджер).

В. Ларин умело обнажает несостоятельность попыток буржуазных идеологов затушевать подлинный классовый смысл и политическую направленность выдвигаемых ими «новых» концепций, показывает, что их основное предназначение — подрыв единства и сплоченности стран социалистического содружества.

В труде последовательно развенчиваются различные модернистские концепции, каждая из которых представляет собой образчик рафинированной, приспособленной к современной обстановке формы антикоммунизма. Идет ли речь о новоявленной доктрине «селективного сосуществования», или о методе «избирательной торговли» с социалистическими странами, и в том и в другом случае автор вскрывает их основной стержень — застарелый антикоммунистический компонент.

В. Ларин подвергает, в частности, острой критике концепцию «избирательной торговли» с социалистическими странами. Согласно предлагаемым ею рекомендациям, «поощрение» одних государств и «сдерживание» других в торговых отношениях должны привести к «уменьшению сплоченности социалистического лагеря».

В работе приводятся обширные сведения, характеризующие всесторонние культурные связи СССР с зарубежными странами. Так, по данным ЮНЕСКО, СССР занимает первое место в мире по числу переводов с иностранных языков. После Октябрьской революции в СССР были изданы произведения авторов 101 страны, в том числе — 522 писателей Франции, 325 — США, 316 — Англии, 132 — Италии, около 500 — авторов из стран Азии и Африки (стр. 193).

В. Ларин вскрывает полную несостоятельность утверждений буржуазной пропаганды о существовании «советской угрозы Западу». Эти наветы не новы и не оригинальны. Подобные мифы, подчеркивает он, сочиняются для того, чтобы, с одной стороны, набросить тень на подлинно миролюбивый внешнеполитический курс СССР, а с другой — подхлестнуть гонку вооружений. Понятно, что такие легенды устраивают прежде всего воен-

но-промышленный комплекс империалистических держав.

Столь же несостоятельны, как показывает В. Ларин, и призывы к идеологическому разоружению СССР, идеологической демобилизации в социалистических странах. На деле они означают беспрепятственное использование империализмом замаскированных под «идеологию» диверсий и провокаций против мира и социализма.

На основании обстоятельного анализа происходящей идеологической борьбы в сфере международных отношений автор приходит к справедливому и важному заключению, что «кризис антикоммунистической стратегии отнюдь не равноценен уменьшению ее опасности» (стр. 235). В этих условиях возникает особо ответственная задача всемерного повышения внимания к проблемам идеологической борьбы, неустанного разоблачения развращающего влияния буржуазной идеологии на трудящиеся массы. «Добиваясь утверждения принципов мирного сосуществования,— отмечал Л. И. Брежнев,— мы отдаем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в какой мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовым к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем. И у нас нет сомнений в исходе этого противоборства, ибо правда истории, объективные законы общественного развития — на нашей стороне».

СИЛЫ МИРА И СОЦИАЛИЗМА НА ПОДЪЕМЕ

Jahrbuch der Internationalen Politik und Wirtschaft 1976. Berlin, Staatsverlag, 1976, 576 S.

Каждый год обозначает новые вехи в революционном преобразовании мира, приносит новые свидетельства неуклонного укрепления сил демократии и социального прогресса, дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Из пестрой мозаики разноплановых событий важно выделить наиболее существенные, позволяющие ощутить пульс нашей планеты, представить панораму жизни, труда и борьбы народов различных стран, показать объективный характер исторического процесса. Эта сложная и ответственная задача вот уже несколько лет успешно решается интернациональным авторским коллективом Ежегодника международной политики и экономики, издаваемого с 1973 г. на немецком языке Институтом мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР и Институтом международных отношений Академии государства и права ГДР [1]. В числе авторов Ежегодника — крупные ученые и общественные деятели, специалисты в области мировой экономики и международных отношений. Издание отличается широким, комплексным охватом узловых проблем экономики, международных отношений, внутренней и внешней политики, важнейших социально-экономических событий года как в отдельных странах, регионах, так и в мире в целом, глубоко аргументированным подходом к их анализу, богатым фактическим и справочным материалом.

Открывает очередной выпуск Ежегодника статья академика Н. Н. Иноземцева, посвященная XXV съезду КПСС, который займет свое особое место в истории Советской страны, в летописи мирового революционного движения. Съезд партии советских коммунистов глубоко и всесторонне проанализировал важнейшие закономерности нашей эпохи, созидательную деятельность партии и советского народа, ход мирового революционного процесса, выдвинул кардинальные задачи ленинского внутреннего и внешнеполитического курса на современном историческом этапе.

Материалы книги дают весьма убедительную иллюстрацию всеохватывающего, комплексного воздействия миролюбивой политики СССР и стран социалистического содружества на характер современных международных отношений, на весь ход мирового революционного процесса. Они ярко демонстрируют действенность ленинских принципов социалистической внешней политики, которые нашли свое воплощение, в частности, в Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за сво-

[1] О предыдущих томах «Ежегодника» см. «МЭ и МО» № 2, 1975, № 7, 1976.

боду н независимость народов, одобренной XXV съездом КПСС.

«Главной чертой международной обстаиовки в 1975 году,— отмечается в обзорной статье О. Быкова «Международиые отношеиия в 1975 году»,— было закрепление позитивиых результатов, достигнутых иа решающих иаправлеииях борьбы за мир и безопасность иародов, продолжеие и углубление разрядки иапряжениостн, иаполиенне ее конкретным содержаиием». Благодаря осуществлению Программы мнра, проведеиию согласоваииого курса стран социалистического содружества в международных делах, активиым действням всех мнролюбнвых сил, а также развитию реалистических теиденций в политнке буржуазных государств углубился процесс дальнейшего оздоровления политического климата в мире. Событием исторического значения явилось успешное завершение Совещаиия по безопасности и сотрудничеству в Европе, ндея проведення которого была выдвннута социалистнческими странами. Этому событию посвящена специальная статья Ежегодннка, написанная В. Хэиишем.

Развнвая успехи мириого наступления и опнраясь иа благопрнятые сдвнги в мнровой обстаиовке, страны соцнализма делают все возможиое для подкреплеиия полнтнческой разрядкн коикретиымн мерамн в области военной разрядки, расшнрення международного экоиомического, научио-технического н культурного сотруднчества иа взанмовыгодиой н равиоправной осиове. В Ежегоднике, в частности, помещены материалы, посвященные Веиским переговорам о сокращеиин войск и вооружений в Цеитральной Европе, борьбе Советского Союза за военную разрядку и разоружеине, его иовым важным иницнатнвам в области сдержнваиия гонкн вооружеиий, с которыми ои выступил в 1975 г.

Статья председателя Комитета советских женщин В. В. Нинолаевой-Терешковой об нтогах проведения в 1975 г. международного года жеищнн завершает серню обзорных материалов о важиейших международиых событнях н проблемах года.

Далее, в соответствнн с уже сложившейся традициоиной структурой Ежегоднка, следует раздел, в котором дается аналнз проблем экономического и полнтнческого развнтня социалистическнх страи.

1975 год ознаменовался иовыми успехамн социалнстического содружества в решающей сфере соревноваиия двух систем — в сфере матернальиого производства. Осуществлеиие страиами—члеиамн СЭВ Комплексной программы социалнстнческой экономнческой ннтеграции способствовало решенню ряда их актуальных иародиохозяйственных задач, укреплеиию экоиомического потеициала содружества в целом. В 1975 г. успешно завершено выполнеине пятилетиих планов развнтня народного хозяйства всех страи—члеиов СЭВ, осуществлеиа координация их планов иа 1976—1980 гг., впервые проводившаяся на базе Комплексной программы.

В статье О. Чукаиова «Совет Экономической Взаимопомощн в 1975 году» освещается также деятельность стран — члеиов СЭВ в области реализацин постановлеиий его XXIX сессии о разработке долгосрочных целевых программ сотрудничества социалистическнх государств. Народнохозяйствеиные успехн СЭВ способствовали усилению нитереса к сотрудничеству с ним со стороны других государств, а также ряда международных организацнй.

Со своей стороиы, страны СЭВ, стремясь внестн коикретиый и действенный вклад в претвореиие в жизнь Заключительиого акта Совещання по безопасностн и сотрудннчеству в Европе, в феврале 1976 г. обратилнсь с предложеиием к Европейскому экоиомнческому сообществу заключить соглашение об основах взаимоотношений между этими двумя организациями.

Равиоправное н взаимовыгодное сотрудничество социалнстических стран ведет ие только к росту экоиомического могущества и политического влняиия всего содружества, ио и благотворно сказывается иа экономическом, социальном и культурном развитин каждого из соцналнстнческих государств, на росте благосостояння их народов.

В статьях Е. Рудакова, В. Медведева, Х. Буша, Д. Фогля н других авторов, посвященных НРБ, ВНР, ГДР, ДРВ, Республике Куба, КНДР, МНР, ПНР, СРР, ЧССР и СФРЮ, отмечаются достижеиия этнх страи в социалистическом строительстве, важнейшне событня в их экоиомике, полнтике и культуре.

Развитие народиого хозяйства СССР в 1975 г., подчеркивается в Ежегоднике (стр. 157), проходило под знаком борьбы за выполиеиие пятнлетнего плаиа 1971—1975 гг. и социалистнческнх обязательств трудовых коллектнвов к XXV съезду КПСС.

В статье Б. Сухаревского «Народиое хозяйство СССР» обозначены рубежи, достигнутые советской экономикой иа путн создания матернальио-техннческой базы коммунистнческого общества, приведены миогочисленные факты и статистнческне данные, свидетельствующие о неуклоином подъеме материального и культуриого уровня жнзнн советского иарода. В ней представлены осиовные итогн широкой социальной программы, которая была претворена в жнзнь в девятой пятилетке.

Одним нз важиых факторов, содействующих росту эффективностн иародного хозяйства, ускорению техинческого прогресса в СССР, являются его международиые экономические связн, которые одиовремеиио выступают н как важная составиая часть миролюбивого внешие-

политического курса Советского Союза. Широкая панорама внешнеэкономических отношений СССР с различными группами стран представлена в статье М. Максимовой «Международные экономические связи СССР».

Всестороннее развитие взаимовыгодного, равноправного и плодотворного сотрудничества советских ученых с учеными других стран направлено на решение актуальных научно-технических и социально-экономических проблем, отвечающих интересам всех народов. Такое сотрудничество способствует углублению позитивных перемен во всей системе современных международных отношений, что, в свою очередь, открывает новые возможности для развития научных связей между странами и народами. В статье Г. Скрябина «Международные связи Академии наук СССР» читатель найдет яркие и убедительные тому доказательства.

Авторы статей о Народной Республике Албании и Китайской Народной Республике В. Ефимов и В. Зубаков использовали в своих работах весь доступный для исследования статистический материал, а также имеющиеся в литературе косвенные оценки и сопоставления.

В капиталистическом мире 1975 год был отмечен дальнейшим обострением противоречий капитализма, углублением его общего кризиса. Экономический кризис в капиталистическом мире, начавшийся летом 1974 г. и в целом достигший наибольшей глубины во II квартале 1975 г., охватил все стороны жизни капиталистического общества и оказался самым тяжелым и глубоким после кризиса 1929—1933 гг. В разделе, отведенном анализу положения в развитых капиталистических странах (авторы В. Шамберг, Д. Петров, В. Эрзиль и другие), помещены подробные сведения об экономическом, социальном и политическом положении как ведущих государств (США, Японии, ФРГ, Великобритании, Франции, Италии), так и небольших стран (Австрии, Дании, Греции, Канады, Норвегии, Швеции).

В этих материалах, а также в статьях «Экономика капитализма в 1975 году — в тисках глубокого кризиса» (автор А. Гречихин), «ЕЭС в 1975 году» (автор Х. Кретцшмар) и «НАТО в 1975 году» (А. Харисиус) на богатом фактическом материале, подкрепленном обширными статистическими сведениями, даны убедительные и конкретные иллюстрации глубокого анализа положения в капиталистическом мире, сделанного в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии: «...Резкое сокращение производства и рост безработицы в большинстве капиталистических стран переплелись с такими серьезными потрясениями мирового капиталистического хозяйства, как валютный, энергетический, сырьевой кризисы. Особую остроту кризисным процессам придала инфляция. Подогреваемая постоянно растущими военными расходами, она достигла не виданных для мирного времени размеров. Усилилось межимпериалистическое соперничество, раздоры в Общем рынке и внутри НАТО».

Следующий раздел Ежегодника, посвященный национально-освободительным движениям и проблемам развивающихся стран, открывается статьей Р. Вюнше «Победа народов Индокитая и борьба за мир, безопасность и сотрудничество в Азии». Автор, в частности, отмечает, что народы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и солидарные с ними прогрессивные силы всего мира, одержав победу над империалистическими агрессорами, внесли «выдающийся вклад в дело обеспечения мира на всем азиатском континенте» (стр. 334). Что касается создания системы коллективной безопасности и сотрудничества в Азии, которая предполагает участие в ней всех без исключения азиатских государств, то автор считает возможным положить в основу такой системы политические принципы, которые по своему содержанию отвечают основным принципам Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Такая система коллективной безопасности в Азии, подчеркивает она, «не создает ни для одного государства каких-либо односторонних преимуществ» (стр. 325).

В 1975 г. Ближний Восток продолжал оставаться одним из самых опасных очагов международной напряженности. В статье Е. Примакова, посвященной анализу состояния конфликта в этом районе в 1975 г., подчеркивается, что «политика США, направленная на частичное решение проблемы ближневосточного кризиса, на деле привела к резкому сокращению того потенциала политического урегулирования, который был накоплен после октября 1973 г.» (стр. 335). Автор отмечает, что политика Вашингтона была направлена не столько на политическое урегулирование конфликта и создание условий для справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, сколько на нейтрализацию невыгодных для Израиля результатов войны в октябре 1973 г., подрыв консолидации арабских стран на антиимпериалистической основе. Здесь же дан глубокий и всесторонний анализ событий в Ливане, имевших место в 1975 г.

В написанном В. Клетца и Ф.-В. Фуксом обзоре «Латинская Америка в 1975 году» охарактеризованы изменение политической ситуации на континенте, дальнейшее усиление международного авторитета Республики Куба, активизация усилий ряда государств этого региона, направленных на достижение экономической независимости и равноправного положения в экономических отношениях с ведущими капиталистическими державами. Здесь рассмотрены также проблемы расширения связей между латиноамериканскими государствами, ук-

репления их контактов с социалистическими странами, ограничения империалистического господства и создания основ для подлинного национального освобождения в ряде стран.

В обзоре показано, что империалистические круги не собираются уступать без боя своих позиций в Латинской Америке. Напротив, они пытаются их отстаивать с помощью самых жестоких средств. В этих условиях особенно важная роль в антиимпериалистической борьбе принадлежит рабочему классу и его авангарду — коммунистическим партиям. Большое значение для укрепления союза всех демократических, прогрессивных сил сыграла Конференция коммунистических и рабочих партий Латинской Америки и Карибского бассейна, проходившая в июне 1975 г., а также Конференция исполнительного секретариата Конгресса латиноамериканских профсоюзов, состоявшаяся в сентябре того же года.

На карте африканского континента 11 ноября 1975 г. появилось новое независимое государство — Народная Республика Ангола. В статье В. Кудрявцева рассказывается о трудном пути, пройденном республикой к завоеванию своей независимости, об основах внутренней и внешней политики, которую намерено проводить правительство независимой Анголы. Успех борьбы ангольского народа, опиравшегося на поддержку прогрессивных сил всего мира, еще раз доказал, что «стремление народов к свободе не сломить никому» (стр. 361).

Подборка материалов по отдельным развивающимся странам (авторы Д. Вайдеман, Х. Марден, О. Богушевич и др.) знакомит читателей с важнейшими событиями года в Индии, Иране, НДРЙ, Народной Республике Мозамбик, Нигерии, Пакистане, Перу, Саудовской Аравии, Танзании, Таиланде и Тунисе. Специальные статьи посвящены ставшим в 1975 г. наряду с Анголой и Мозамбиком независимыми государствами Островам Зеленого Мыса, Коморским островам, Сан-Томе и Принсипи, Папуа-Новой Гвинее, Суринаму.

В разделе «Международные организации и конференции» помещен обзор основных вопросов деятельности ООН, ОАЕ, ОПЕК в 1975 г. Здесь дан анализ процессов, происходящих в этих организациях под влиянием позитивных изменений на мировой арене и углубления разрядки, активизации борьбы народов за устранение остатков колониализма, за право развивающихся стран самим распоряжаться своими естественными богатствами, против расистских режимов юга Африки. Материалы этого обзора написаны В. Шпрёте, Х. Штёбером, Р. Измайловой-Фрук.

Заключительный раздел включает хронику международных событий и важнейшие документы, появившиеся в течение 1975 г.

Материалы очередного издания «Ежегодника международной политики и экономики» позволяют воссоздать комплексную картину международной жизни в 1975 г. и убедительно свидетельствуют о неуклонном нарастании на нашей планете сил мира, демократии и социального прогресса.

Л. ВОРОНКОВ

СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

М. В. БАРАБАНОВ. Изменение структур конечного общественного продукта главных капиталистических стран. Москва, издательство «Наука», 1976, 268 стр.

Изменения, происходящие в воспроизводственной, отраслевой и производственно-технологической структуре индустриально развитых стран, привлекают все более пристальное внимание исследователей. И это вполне объяснимо. Достигнутый уровень индустриального развития, особенности современной научно-технической революции обусловливают необходимость перехода к иному типу пропорциональности, повышению роли интенсивных факторов экономического роста.

Следует отметить, что анализ темпов и пропорций развития капиталистического производства затрудняется из-за различий системы показателей и статистических методов, применяемых в разных монографических работах. Здесь кроется одна из причин того, что среди эко-

номистов, занимающихся исследованием указанных проблем, наблюдаются расхождения в оценке характера и масштабов структурных сдвигов в капиталистическом производстве. Рецензируемая работа, на наш взгляд, делает существенный шаг вперед для преодоления существующих методологических трудностей. Первая и наиболее важная часть работы посвящена обоснованию методологических приемов анализа структур общественного хозяйства.

Примененный в монографии способ анализа структуры и динамики общественного воспроизводства отличается тем, что автор опирается на итоговые народнохозяйственные результаты, представленные конечным общественным продуктом, который воплощает первичные элементы общественной стоимости воспроизводства (c_1+v+m).

Это позволяет избегать повторного счета при анализе движения общественного производства и получать таким образом более достоверные и сравнимые его пропорции как в статике, так и в динамике.

Известно, что объемы, динамика и важнейшие структурные элементы общественного воспроизводства при их оценке на основе валовой продукции испытывают искажающее влияние непрерывно меняющегося повторного счета элементов c_2— постоянного капитала, обернувшегося в течение года[1]. На удельный вес c_2 оказывает воздействие множество факторов, в том числе изменение специализации и комбинирования производства, организационной структуры хозяйства, методов статистического измерения и даже, как указано в книге, уровня квалификации сотрудников, ответственных за вопросы классификации отраслей и производств (стр. 22). Все это превращает народнохозяйственные пропорции и величины, полученные на базе валовой продукции, в весьма несовершенные инструменты экономического анализа в тех случаях, когда требуется точное измерение, например, при сопоставлении результатов, ресурсов и затрат. Анализ же динамики и структуры по общественной стоимости воспроизводства с элиминированием c_2 позволяет рассматривать народнохозяйственные соотношения в сравнимой и инвариантной форме и дать их более точную интерпретацию.

Поскольку общественная стоимость воспроизводства без элемента c_2 идентична по составу (c_1+v+m) на уровнях народного хозяйства, отрасли, предприятия, это обеспечивает точный учет общественного результата на указанных уровнях и соответственно позволяет более точно рассчитывать народнохозяйственные, отраслевые и т. п. показатели производительности труда, фондоемкости, капиталоемкости, материалоемкости и интегральные показатели эффективности использования ресурсов.

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 61.

Разделение конечного общественного продукта на средства производства и средства потребления, в свою очередь, характеризует ту сторону соотношения I и II подразделений общественного производства, которая не может быть отражена валовой продукцией — а именно распадением общественной стоимости воспроизводства на реальный постоянный капитал, неизменно привязанный к производственному процессу, и на остальную часть общественной стоимости. Эта особенность стоимостного состава конечного общественного продукта позволяет также объективно точно делить общественную стоимость (общественный труд) не только по двум подразделениям, но и по любым сферам и отраслям, создавая тем самым надежную основу для анализа внутренних пропорций общественного воспроизводства, выражающих процессы формирования его стоимости, в отличие от внешних пропорций, представленных оборотом натуральных потребительных стоимостей. Иными словами, здесь обеспечиваются критерии распределения общественных ресурсов между сферами и отраслями общественного хозяйства сообразно их вкладу в общественное богатство и потребление.

Обращает на себя внимание также следующее обстоятельство: конечный общественный продукт по своей натуральной форме состоит главным образом из элементов издержек расширенного воспроизводства производительных сил общества — орудий, средств труда и рабочей силы. Это его свойство позволяет непосредственно связать структуру конечного народнохозяйственного результата с воспроизводством наиболее активных факторов повышения производительной силы труда и развернуть систему взаимосвязей хозяйства—конечный продукт, его два подразделения, валовое накопление, отраслевая структура производства.

На материале главных капиталистических стран в монографии, например, показано, как по мере экономического развития за изменением структуры производительного накопления следуют изменения в производственном аппарате и в отраслевой структуре производства, приводящие в конечном счете к снижению фондоемкости общественного производства.

Несомненной заслугой автора является конкретная экономико-статистическая реализация не только принципа исследования общественного воспроизводства по его конечным результатам и первичным элементам стоимости, но и в единстве всех его вещественных и невещественных элементов. Хотя М. Барабанов предлагает две методики оценки конечных народнохозяйственных результатов — применительно к пониманию материального производства, принятому в ЦСУ СССР, и более расширительную

методику, эта последняя нам представляется предпочтительной, так как она решает проблему оценки общественных результатов как комплексную проблему измерения товаров и хозяйственных услуг.

Автору удалось развернуть широкую аналитическую картину развития капиталистического воспроизводства не только за послевоенные годы, но и за более длительный период. Используя расширительный подход к рассмотрению общественного воспроизводства, М. Барабанов предпринял оригинальные расчеты, характеризующие изменение количественных и качественных показателей развития экономики главных капиталистических стран со второй половины прошлого века и до 70-х годов XX в. В книге имеется более 70 таблиц и большое количество цифрового материала в тексте.

На основе тщательного анализа всей относящейся к делу статистики автор приходит к важным выводам, имеющим серьезное научное значение как с точки зрения более глубокого понимания процессов, происходящих в капиталистическом воспроизводстве, так и для стратегического планирования в СССР. Отметим наиболее важные из них.

Наблюдается историческая тенденция ускорения интенсификации капиталистического воспроизводства. Эта тенденция обеспечивается ускоренным накоплением активных факторов повышения производительной силы общественного труда, среди которых все большую роль играют невещественные факторы (научные знания, квалификация, образование, производственный опыт и др.). Вместе с тем указывается на неправомерность утверждения, будто расширение постоянного, в особенности основного, капитала потеряло свое значение решающего фактора интенсификации капиталистического производства, воздействующего на повышение производительности общественного труда. Опыт послевоенного развития таких стран, как Япония, ФРГ, Франция и другие, показал, что их экономические результаты связаны в первую очередь с форсированным и высокоэффективным производительным накоплением.

Суть проблемы интенсификации общественного производства сводится к интенсификации прежде всего инвестиционного процесса, причем накопление капитала нельзя считать только экстенсивным фактором роста производства. В книге подчеркивается необходимость уточнения представлений об эффективности, интенсификации, типах и факторах роста. Во избежание односторонности эти представления должны учитывать не только экономичность, но и динамику процессов, не в последнюю очередь определяемую расширением самих факторов.

Историческую тенденцию развития основной экономической пропорции капиталистического воспроизводства — между средствами производства и средствами потребления,— например, в сторону повышения удельного веса средств производства, следует рассматривать как одну из структурных форм его интенсификации. Другую же форму составляют стабилизация и снижение доли средств производства в годовом продукте. Последняя как более новая форма интенсификации проявляется на высоком уровне развития. Это положение содержится в характеристике двух видов технического прогресса и соответственно двух способов повышения производительной силы труда, двух форм интенсификации. Первую форму интенсификации отличает увеличение средств труда, приходящихся на единицу живого труда. При второй форме преимущественное значение приобретает повышение эффективности средств труда (применение более производительной техники, прогрессивной технологии). В данном случае экономия живого труда должна рассматриваться как основной показатель интенсификации производства, а экономия прошлого труда как дополнительный.

Представляет несомненный интерес указание на то, что первая форма интенсификации, совпадающая, по существу, с начальным этапом индустриального развития, завершилась в США в 20-е годы, в западноевропейских странах и в Японии — в 50—60-е годы (стр. 173 и др.). Вторая форма интенсификации характеризуется переходом к более экономичной воспроизводственной структуре.

Существенным признаком последней формы интенсификации является совершенствование технологической структуры инвестиционного потока. Если на ранних этапах экономического развития опережающий рост средств производства в конечном общественном продукте в первую очередь связан с накоплением в зданиях и сооружениях, то на более поздних ступенях — преимущественно с накоплением в производственном оборудовании, в особенности наиболее передовой техники. «Именно те страны добиваются в современных условиях наибольших успехов в повышении темпов роста и уровня развития, которые обеспечивают наибольший рост части общественного производства, выпускающей оборудование для производственных нужд. К числу таких стран относятся Япония и ФРГ» (стр. 122). При этом экономический рост во все меньшей степени зависит от массы используемого труда, а темпы роста конечного общественного продукта отрываются от темпов роста населения. Экономия живого труда дополняется экономией прошлого труда, причем последняя становится более или менее постоянным фактором интенсификации производства, проявляющейся не только при низких, но и при высоких темпах роста конечного общественного продукта (стр. 173).

Важный аспект интенсификации капиталистического хозяйства образует изме-

нение отраслевой структуры накопления основного капитала в сторону повышения доли менее капиталоемких отраслей в общем его объеме, что наряду с другими факторами приводит к снижению фондоемкости общественного производства. В связи с этим в работе делается важный вывод о том, что снижение удельного веса в общем производстве той части средств труда, которая направляется в добывающие отрасли и в инфраструктуру хозяйства, и рост удельного веса части, направляемой в обрабатывающие отрасли, в сферу обслуживания и производство нематериального богатства, являются магистральным направлением инвестиционного процесса при достижении соответствующего экономического и технического потенциала.

Крупнейшим фактором интенсификации капиталистического хозяйства, отмечается в работе, остается продолжающееся абсолютное увеличение, а в ряде стран (Япония, ФРГ, Франция и Англия) ускорение накопления вещественного основного капитала, сопровождающееся еще большим ускорением накопления нематериального богатства.

Анализ показывает, что абсолютное расширение капитала сохраняет свое значение в качестве целевой функции капиталистической экономики и важнейшего стимулятора повышения производительной силы общественного труда. Если за семь десятилетий, предшествовавших второй мировой войне (1869—1939 гг.), среднегодовые темпы прироста основного капитала в США составляли примерно 3,8%, в Японии — 5,1 (1905—1935 гг.), в Германии — 2,7 и в Англии — 1,4%, то за 20 послевоенных лет (1950—1970 гг.) они составляют: в США — 3,1%, Японии — 8,7, ФРГ — 5,5 и Англии — 2,9%. Весьма значительно увеличились темпы накопления капитала и во Франции — 4,7% (стр. 231).

Разрабатываемая М. Барабановым методология анализа структуры общественного воспроизводства позволяет не только более точно показать изменение основных пропорций и соответственно способов достижения основных целей, которые ставит перед собой тот или иной вид воспроизводства, та или иная общественная форма, но и более наглядно показать эти цели. Последнее иллюстрируется изменением как натуральной, так и воспроизводственной стоимостной структур конечного общественного продукта, в частности изменением соотношения $\frac{c_1+m}{v}$ и между средствами производства, элементами неличного непроизводственного потребления (средства обороны, общего управления и т. д.), потреблением буржуазии и личным потреблением трудящихся. Для капиталистической общественной формации такими целями являются расширение богатства и всех жизненных условий господствующих классов на основе накопления капитала и всемерной интенсификации его использования.

Предлагаемая методология и ее применение к исследованию изменяющейся структуры капиталистического воспроизводства содержат ряд других весьма важных результатов. Среди них заслуживают упоминания данные, характеризующие проявление закона неравномерности экономического развития капиталистических стран.

За два десятилетия (1950—1970 гг.) удельный вес конечного общественного продукта в целом возрос по отношению к продукту США в Японии с 10,2 до 30,6, ФРГ — соответственно с 11,7 до 23,9, тогда как в Англии уменьшился с 19,8 до 18,0. В еще большей мере эта неравномерность обнаружилась в производстве конечного общественного продукта и производстве средств производства в расчете на душу населения. Если в Японии уровень производства конечного продукта на душу населения возрос с 18,4, в 1950 г. до 60,4 в 1970 г. по отношению к уровню США, взятому за 100, а производство средств производства также на душу населения — с 20,2 до 111,9, в ФРГ — соответственно с 37,3 до 82,3 и с 34,5 до 97,4, то в Англии производство конечного общественного продукта на душу населения по сравнению с США сократилось с 59,9 до 56,2, в то время как производство средств производства на душу населения по сравнению с США возросло с 45,9 до 68,8, что свидетельствует о дальнейшем относительном ослаблении позиций Англии (стр. 232).

Проделанная в монографии методологическая разработка проблем анализа структуры общественного воспроизводства на основе категории конечного общественного продукта имеет весьма важное практическое значение. Автор не только более полно, чем делалось до сих пор, раскрыл экономическое содержание этой категории, но и показал те аналитические нагрузки, которые данный показатель может нести. Он подчеркнул, что в современных условиях развития социалистической экономики необходимо отбросить явно неверные и не отвечающие духу времени и партийным решениям представления, что конечный общественный продукт будто бы не представляет собой самостоятельную категорию — сознательно максимизируемый результат социалистического общественного воспроизводства. Он также показал, что не следует смешивать категорию конечного общественного продукта с категорией национального дохода, как это имеет место в современной практике планирования. И, наконец, он отметил необходимость дальнейшего совершенствования методологии планирования путем более последовательного применения в нем категории конечного общественного продукта. Методологический и прикладной материал дает основание и для ряда других выводов и обобщений применительно к со-

временному этапу развития производительных сил в странах капитала и социалистических странах.

Значение данной весьма ценной работы еще возросло бы, если бы автор более предметно рассмотрел возможности и направления использования предлагаемого методологического подхода к анализу социалистического воспроизводства.

С. ПЕРВУШИН

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» К ПРОБЛЕМЕ ЦИКЛОВ

Philip A. KLEIN. Business Cycles in the Postwar World. Some Reflections on Recent Research. Washington, American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1976, 55 pp.

Небольшая, но актуальная книга американского буржуазного экономиста Ф. А. Клейна «Экономические циклы в послевоенном мире» охватывает три группы вопросов. Во-первых, масштабы экономического кризиса 1974—1975 гг.; во-вторых, измерение динамики циклов; наконец, синхронность мирового цикла и перенос экономической нестабильности из страны в страну.

Возврат западной экономической науки к исследованию циклов весьма знаменателен. Еще совсем недавно, в конце 60-х годов, наиболее популярными темами были проблемы теории роста и разработка методов государственного воздействия на экономику. Экономические циклы и кризисы как бы отошли на задний план как объект анализа. В 1967 г. в Лондоне была даже проведена международная конференция на тему: «Устарел ли экономический цикл?»[1]. Надо отдать должное участникам конференции — большинство их уже тогда ответило на этот вопрос отрицательно.

События 1973—1976 гг. побудили буржуазную науку вплотную заняться исследованием такой «старой» проблемы, как экономические кризисы. Сам факт издания в 1976 г. книги, в которой производится сопоставление масштабов последнего кризиса с «Великой депрессией» и кризисами 1938 и 1957—1958 гг., свидетельствует об изменении взглядов ученых на значение циклических процессов.

Заслуживает внимания рассуждение автора о причинах большей подверженности США экономическим кризисам. Отталкиваясь от традиционного для западной науки определения экономических циклов, данного еще в 1947 г. А. Бернсом и У. Митчеллом («Экономические циклы суть тип колебаний общей активности стран, чья экономика организована по преимуществу в форме коммерческих предприятий...»), Клейн полагает, что чем выше доля конечного национального продукта, созданная на «коммерческих», сиречь частнокапиталистических, предприятиях, тем больше вероятность экономических циклов (стр. 4). Этим он и объясняет большую частоту экономических кризисов в США по сравнению с Западной Европой, где значительно выше доля государственных и смешанных предприятий, которые-де способствуют сохранению экономической стабильности. Следовательно, даже на базе таких поверхностных определений циклического процесса при капитализме обнаруживается роль частнокапиталистической организации экономики как причины экономических кризисов.

Относительное процветание американской экономики в 60-х годах, а также отсутствие или незначительная глубина падений абсолютного уровня промышленного производства в течение двух десятилетий в ряде стран создали условия для появления теории «циклов роста». Экономические колебания согласно этой теории можно выделить с помощью «очистки» экономических переменных от тренда. Колебания объема промышленного производства или других показателей вокруг повышающегося тренда и получили название «циклов роста». Возможность существования таких циклов обсуждается в буржуазной политэкономии с начала века, но технику их выделения разработала И. Минц в публикациях 1969 и 1972 гг. на примере США и ФРГ. В США она обнаружила три «цикла роста» дополнительно к общепринятым циклам, а в ФРГ, кроме двух «классических» кризисов 1966—1967 гг. и 70-х годов, также еще три «цикла роста».

Марксистский экономический анализ связывает относительно высокие темпы роста в ряде стран Западной Европы и

[1] См. «МЭ и МО», № 8, 1967, стр. 88.

в Японии в послевоенные десятилетия с последствиями второй мировой войны и воздействием государственно-монополистического капитализма. При этом противоречия капитализма, порождающие кризисы и циклический характер развития производства, не прекращали своего существования, о чем ярко свидетельствуют масштабы и мировой характер последнего кризиса.

Ф. Клейн озаглавил соответствующий раздел книги следующим образом: «Циклы роста: новое вино или новые бутылки?». Он считает необходимым выяснить, являются ли зависимости, обнаруженные в «циклах роста», принципиально новым феноменом («вином») или просто проявлением старых закономерностей «классических циклов» («старым вином в новых бутылках»). По его расчетам, в США 20 из 26 подъемов (согласно марксистской методологии — фаз оживления и подъема) за период 1854—1961 гг. имели продолжительность 36 месяцев или менее, что соответствует длительности подъема 1970—1973 гг. Следовательно, полагает он, быстрое наступление нового кризиса после кризиса 1969—1970 гг. является возвратом к норме после подъема 60-х годов (стр. 19). Краткий анализ поворотных точек циклов по методике «циклов роста» и в «классических циклах» обнаруживает, что новая теория не дает для США результатов, существенно отличающихся от того, что было известно раньше.

Мировые масштабы экономического кризиса 1974—1975 гг. дают автору основание поставить вопрос: «Устарел ли цикл роста?». Отвечает он на него крайне осторожно: «Если четверть века после второй мировой войны слишком короткий период, чтобы на его базе объявлять отжившим экономический цикл, то рецессия, начавшаяся в 1973 г., конечно, представляет собой слишком недавний и изолированный эпизод, чтобы отвергать значение циклов роста» (стр. 18). Ф. Клейн не замечает того обстоятельства, что «классический» циклический процесс не прекращался не только в США, Канаде, Англии и ряде других стран, но периодически проявлялся также в странах Западной Европы и в Японии. Буржуазная наука фактически уклоняется от выяснения глубинных причин экономических кризисов при капитализме. Поэтому можно приветствовать постановку Ф. Клейном вопроса об общности закономерностей, лежащих в основе как «классических циклов», так и «циклов роста». К сожалению, он не пошел далее формулирования этой проблемы в самом общем виде.

Наиболее значительное место в книге занимает проблематика мирового цикла. На большом статистическом материале автор показывает, что в послевоенный период Англия, Канада и ФРГ, как правило, достигают высшей точки предкризисных циклов производства (расчеты по «циклам роста») раньше США, а минимума — позже. Прежде наблюдалась обратная картина: поворотные точки цикла в Германии в 1879—1938 гг., а в Англии в 1854—1938 гг. запаздывали относительно американских. Поворотные точки «циклов роста» в Японии продолжают запаздывать и в послевоенный период. Соответственно, вопрос о синхронности мирового циклического движения требует специального рассмотрения. Ф. Клейн отмечает, что еще в работах 20-х годов (он явно не знаком с марксистскими исследованиями в этой области) У. Торп и У. Митчелл доказали значительное совпадение циклов в различных странах. В 1959 г. О. Моргенштерн привел расчеты, согласно которым США, Англия, ФРГ и Франция движутся полностью синхронно в повышательных фазах цикла, но лишь в половине случаев синхронность наблюдается в фазах кризисов. Соответственно: в 1974 г. Дж. Мур выявил значительное совпадение во времени верхних и нижних поворотных точек циклов в 9 ведущих промышленных странах в 1953—1973 гг.

Вместе с тем Ф. Клейн подчеркивает недостаточность имеющихся работ по объяснению причин синхронности мирового капиталистического цикла и призывает к их исследованию. В связи с предпринимаемым Национальным бюро экономических исследований США изучением международных экономических индикаторов, составлением хронологии «циклов роста» для капиталистических стран, автор называет ряд проблем, выдвинутых экономической действительностью: можно ли обнаружить страны и секторы их хозяйства, которые дают первоначальный импульс международной экономической нестабильности; как ограничить размеры кризисов и бумов; какие переменные указывают на будущие изменения экономической активности и т. п. (стр. 16). Это действительно важные вопросы развития капиталистической экономики. Однако с помощью анализа поворотных точек циклов, их запаздываний в одних странах относительно других вряд ли удастся на них ответить. Без анализа национальных механизмов циклического развития, имманентного капиталистическому способу производства, и механизма синхронизации страновых циклов в прошлом и в настоящем эта задача неразрешима.

Единственный раздел книги, основанный на собственных расчетах автора, посвящен проблеме взаимозависимости динамики внешней торговли и внутренних экономических циклов в ведущих капиталистических странах. Разновременность прохождения этими странами поворотных точек циклов ставит вопрос о переносе экономических трудностей из страны в страну. В работе не рассматриваются экспорт и импорт инфляции, движение краткосрочных капиталов и другие важные факторы распространения экономической «нестабильности» в

капиталистическом мире. В центре анализа — две гипотезы. Первая или «традиционная» выдвинута, по существу, еще У. Митчеллом: «Процветание в одной стране стимулирует ее спрос на продукты других стран... Рецессия прекращает действие этих стимулов» (стр. 31). Следует заметить, что эта формула справедлива прежде всего для сырьевых товаров, импорт же конкурирующих товаров во время экономического подъема приближает их перенасыщение. Ф. Клейн рассчитал таблицы роста американского импорта из Англии, Канады, ФРГ и Японии и экспорта в эти страны в фазах подъема и кризиса во всех пяти странах (расчеты сделаны на базе «циклов роста»). Он показывает, что «традиционная» гипотеза подтверждается фактами: экспорт в США из данных стран растет в фазах экономического подъема в США значительно быстрее, чем в фазе кризиса. Аналогично американский экспорт растет во время подъемов в этих странах.

Существенный интерес представляет вторая гипотеза. Автор задался целью проверить распространенное представление: когда американская экономика «чихает», то в Европе «насморк». Механизм передачи «простуды» предположительно таков: США сокращают импорт из других стран, а это способствует развитию в экономике последних кризисных явлений, поскольку для европейских стран и Японии роль внешней торговли значительно серьезней, чем для США. По расчетам Клейна, экспорт в США из Англии, Канады, ФРГ во время подъемов в этих странах растет быстрее, чем во время кризисов (расчеты по «циклам роста»). Следовательно, США способствуют усугублению экономических трудностей в данных странах при низкой конъюнктуре и стимулируют подъемы при высокой. Что касается Японии, то ее экспорт в США резко возрастает именно в фазах японских кризисов, иначе говоря, Япония при сокращении внутреннего спроса форсирует экспорт в США.

Впрочем, статистическая надежность этих расчетов низка, и гипотеза не получает подтверждения. Более того, оказывается, что экспорт США в эти четыре страны растет быстрее во время американских подъемов, чем во время кризисов. Хотя и эта попытка обосновать «насморк наоборот» также недостаточно надежно подтверждается статистически, автор стремится заключить, что не США вызывают экономические проблемы у своих торговых партнеров, а, наоборот, те отрицательно воздействуют на ход американского цикла (стр. 40). Политическое значение такого вывода очевидно. Правда, Клейн признает уязвимость своего анализа. Для подтверждения или опровержения его гипотез нужно исследовать большее число стран на месячной или квартальной статистике, поскольку на годовой статистике исчезают границы фаз циклов. Следовало бы также разбить валовой экспорт на товарные группы и учесть движение цен. Наконец, в расчетах автора совершенно не учтены изменения размеров хозяйств отдельных стран. На наш взгляд, оговорки Ф. Клейна относительно необходимости дальнейших исследований и слабой обоснованности его выводов справедливы, но явно недостаточны. Так, можно сформулировать ряд вопросов, оставленных им без внимания. Как влияет на экономику европейских стран в соответствии с «традиционной» гипотезой тот факт, что в США кризисы происходят чаще, чем в Европе? Если кризисы в Европе (или отклонения вниз от тренда в «циклах роста») начинаются раньше и кончаются позже, чем в США, то связано ли это обстоятельство с уменьшением импорта США из Европы готовых товаров, поскольку европейский импорт из США в большей мере состоит из сырьевых товаров? В книге ощущается поспешность с выводами, по существу, снимающими с США ответственность за экономические трудности в Европе.

Недостатки работы объясняются прежде всего методологическими изъянами в позиции автора, свойственными буржуазной экономической науке вообще. Они связаны также с его американским «патриотизмом» и желанием снять с США моральную ответственность за усиление экономических трудностей их торговых партнеров. Наконец, в книге, выпущенной в феврале 1976 г., естественно, не нашли отражения экономические события этого года, придавшие мировому кризису ряд специфических черт (например, длительность фаз депрессии и оживления в ряде стран, чего не наблюдалось в течение всего послевоенного периода), а также пересмотренные данные статистики, по которым, например, максимум промышленного производства в США был достигнут не в ноябре 1973 г., а в июне 1974-го.

Л. ГРИГОРЬЕВ

THE ISSUE IN BRIEF

N. IVANOV and A. LOSHCHAKOV, in their article **"The Path of the Great October is the Path of Equality and Fraternity of Peoples"**, disclose a historic importance of the Great October Socialist Revolution accomplished by the Russian proletariate under the leadership of the Bolshevist party. The impressive achievements gained by the USSR and other socialist countries in building-up of socialism and communism during 60 years are conditioned by the victory of the October. Nowadays, the world socialism is the most efficient force defending the vital interests of all the peoples, and first of all in such fundamental problems as the consolidation of peace and complete exclusion of wars off the life of society. There is no doubt that every kind of the rapprochement of the countries of the world socialist fraternity and alignment of levels of their economic development, consolidation of their unity and solidarity, strengthening of their interaction with other streams of the world liberation movement would enforce the attractiveness and importance of socialism and the cause of the Great October in the solution of the fundamental problems of our epoch that are the problems of peace and social progress.

The article **"The Crisis of 1974-1975 and Economic Situation of the Working People"** by V. LUBIMOVA and N. GAUZNER is especially dedicated to disclosing a number of specific new features of the economic crisis of 1974-75 and its influence upon the conditions of the working people in industrially developed capitalist countries, such as the USA, West Germany, France, Great Britain, Italy, Canada and Japan. The authors show that both the state regulation of the economy and the existing systems of social insurance in those countries do not guarantee a trustworthy protection of the working people from unemployment and related material and moral hardships and other social disasters aggravated by the crisis. Only a decisive and organized struggle of the working class could make alterations in the functioning of laws of capitalism which doom millions of people for unemployment and condition a steady growth of cost of living. When defending the right to work and struggling for the growth of standards of living the organizations of the working class realize an ever increasing necessity of elaborating alternative democratic programmes which stipulate the fight not only against consequences but against the very policy of monopolies and take into account qualitatively new aspects and complexity of problems of unemployment and inflation and their connections with the most acute contradictions of the modern capitalism and with the aggravation of the general crisis of capitalism.

The role of interstate military-political relations within the reconstruction of the system of international relations is considered in the article **"The Military Détente and Reconstruction of International Relations"** by **A. NIKONOV**. The author shows that recently peace-loving forces have achieved a positive change from the "cold war" to détente and strengthening of the principles of peaceful coexistence. In spite of an increasing resistance, the détente is still a leading trend in the progress of international relations. One of the important ways of the reconstruction of the international relation is the military détente which is inseparable from the political détente, although the military détente has its own sphere of actions namely the interstate military-political relations. Under the present conditions a further progress of the military détente could be ensured by the elaboration, conclusion and strict observance of bilateral and multilateral treaties and agreements aimed at the arms limitation and disarmament, at the restriction and elimination of possibilities of utilizing forces or threatening to utilize forces in relations between the countries with different or similar social systems. The USSR and other socialist countries make everything possible to consolidate the principle of a non-utilization of force. They put forward concrete proposals concerning the conclusion of the treaty on a non-utilization of nuclear weapons initially against each other and the treaty of a non-utilization of force in international relations which would guarantee the security for all peoples and countries.

Peculiarities of the economic crisis of 1974-75 and its influence upon the developing countries of Latin America are analyzed in I. BUNEHINA's article **"Economic Problems of the Latin-American Continent"**. On the basis of statistical data, the author shows that

the economic crisis of 1974-75 conditioned an abrupt slowdown and even cessation of the economic growth in the majority of countries of Latin America. Most of them, when trying to overcome the crisis, had to resort to extraordinary measures such as a restriction of import and saving of currency, reduction of budget appropriations and investments, cutting down their programmes of the economic development etc. Such steps would be inevitably connected with the slowdown of the rates of growth. Those countries, which rely upon the attraction of foreign capital in order to revive their economy, have to pay off greater concessions to international monopolies that leads to their greater dependence upon imperialism. The experience revealed the difficulties of solving vital economic and social problems of Latin America within the scope of its dependent capitalist way of development. A real way of development of the Latin American countries is not in a capitulatory reformism but in a manifestation of a political resoluteness to secure an economic independence and to accomplish deep reforms.

V. USHAKOV, in the article **"The Export of Private Long-Term Capital and Balance of Payments of the USA"**, analyzes the influence of the export of capital and activity of international corporations upon the whole complex of economic relations between capitalist countries. The author thoroughly examines the forms and mechanism of the influence of direct foreign investments upon the balance of payments and stresses that the export of capital constitutes one of sources of contradictions within the sphere of international economic relations of capitalism. The export of private capital and formation of international corporations introduce an additional element of instability into the structure of the world capitalist economy and create conflicts and contradictions between individual countries and international corporations. The export of capital plays a dual role in the world capitalist economy. On the one hand, it stimulates the growth of production and increases the economic efficiency and level of a technological progress. On the other hand, it can exert a negative influence upon the economic growth in the capitalist world by aggravating the problems of employment, pricing, currency instability and structural disproportions in the economy. In the whole, the internationalization of a capitalist character with the utilization of such measures as the export of capital exerts a negative influence upon the independence and economic sovereignty of the capitalist states. Therefore, the migration of capital among the capitalist states constitutes a material basis for a further aggravation of the interimperialist contradictions.

B. MAKLIARSKY's article **"The 'Social Responsibility' of Corporations and Protection of Environment"** reveals the unsoundness of the so-called conception of the "social responsibility" of business towards society which is being modified now under conditions of a severe deterioration of the quality of the natural environment that strikes a crushing blow to apologetic assertions of bourgeois scientists concerning a compatibility of interests of society and big business. In this respect the conception of the "social balance" is widely accepted in the West, especially in the USA and West Germany, as a new system of values for production units. However, the ecological crisis facing the world of capitalism constitutes a new stage in the development of its contradictions. The solution of the problem of the environment protection in the capitalist countries requires the creation of a powerful and representative coalition of social forces for the struggle against the dominance of monopolies and realization of efficient democratic reforms at all the levels of the social system. The obvious unsoundness of bourgeois doctrines concerning an extension of the "social responsibility" of the private capital opens new opportunities for political and professional organizations of the working class in exerting influence upon those social groups and strata which are still indulging in illusions on the compatibility of interests of the capitalist monopolies and society.

The second part of the review **"A Contemporary State of the Capitalist Economy and the Nearest Prospects of Its Development"** is devoted to such specialized and acute problems as economic crisis and cycle, energetics, raw materials and food, environment and scientific and technological progress. When summing up the discussion at the Scientific Council of the Institute of World Economy and International Relations, the deputy director V. MARTYNOV emphasized the possibility of drawing the following three principal conclusions. The progress of the capitalist economy would be "without a sweep" but with relatively low rates of economic growth accompanied by a high rate of mass unemployment and inflation. The structural reconstruction of the economy of leading capitalist countries would be directed at the development of scientifically based and technologically advanced industries and would be slow and morbid which would lead to an aggravation of the unevenness of the economic development of capitalist countries and aggravation of interimperialist contradictions. The intensification of economic contradictions and continuous growth of cost of living would condition an intensification of the social and political instability in the capitalist countries and serious aggravation of the class struggle.

CONTENTS

SOMMAIRE

INHALT

SUMARIO

内容

Технический редактор К. И. Заботина.

Адрес редакции: 129366, Москва, И-366, Ярославская ул., 13, корпус 8. Тел. 283-50-30.

Сдано в набор 20/IV 1977 г. А 00358. Подписано к печати 19/V 1977 г.
Формат 70×108[1]/16. 14,0 усл. печ. л. 17,70 уч.-изд. л. Тираж 43 000 экз. Изд. № 1271.
Заказ № 474.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Во второй половине 1977 г. редакция журнала «Мировая экономика и международные отношения» предложит вниманию читателей:

Серию статей и материалов, освещающих всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции;

Разработки экономических, политических и социальных проблем, поставленных XXV съездом КПСС;

Материалы, отражающие борьбу партии и Советского государства за мир и международное сотрудничество;

Публикации для преподающих и изучающих политическую экономию капитализма;

Материалы Ученого совета ИМЭМО: «Современные проблемы безработицы в развитых капиталистических странах»;

Обобщение процессов, выявившихся в ходе мирового экономического кризиса, анализ взаимодействия и противоречий внутренних и внешних факторов капиталистического воспроизводства, материалы о состоянии валютной системы, сырьевой, продовольственной и экологической проблем, роли международных монополий;

Исследование экономических процессов и политики стран «третьего мира»;

Характеристику социально-политического и духовного кризиса капитализма, внутриполитической обстановки и сдвигов в партийно-политической структуре отдельных стран;

Критику главных направлений буржуазной теории международных отношений и некоторых социологических концепций;

Ежеквартальные обзоры «Текущие проблемы мировой политики».

Подписчики получат приложение к № 8 журнала «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран» — обзор за 1976 г. и начало 1977 г. На страницах журнала в специальных обзорах будут освещены полугодовые и предварительные годовые (за 1977 г.) итоги развития капиталистической экономики.

Статистический раздел.

Цена 55 коп.

Индекс 70542

Мировая экономика и международные отношения, 1977, № 6, 1—160.